

**ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
УЗБЕКИСТАНА**

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

**ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
УЗБЕКИСТАНА**

ТАШКЕНТ
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ
АКЦИОНЕРНОЙ КОМПАНИИ «ШАРК»
2001

Ответственные редакторы
Д. А. Алимова — д.и.н., профессор
Э. В. Ртвелаззе — д.и.н., академик

Рецензенты:

д.и.н. *Рано Рагжапова*, профессор *Пьер Лериш* — директор CNRS (Французский национальный научный центр), профессор *Като Кюгзо* — директор Международной Академии «Великий шелковый путь»

Подготовка материалов к печати:
к. и. н. *Г. Никитенко*, *Ф. Шамукарамова*

Данная монография содержит ряд очерков, посвященных государственности Узбекистана с древности вплоть до начала XX века. В них впервые на богатом фактическом, источниковом и археологическом материале в широком диапазоне времени рассматриваются процессы и причины возникновения, развития, упадка и расцвета отдельно взятых государств, существовавших на территории Узбекистана.

Предназначена для историков, археологов, ученых всех гуманитарных направлений, а также студентов и аспирантов и для всех тех, кто интересуется историческим прошлым Узбекистана.

ВВЕДЕНИЕ

История государственности Узбекистана как определяющая научная проблема исторической науки стала изучаться во всем ее объеме лишь в 90-е годы XX в. с достижением Республикой Узбекистан независимости. Но эта проблема является не только научной, а входит составной частью в понятие национальной идеи, ибо определяет факт самостоятельного возникновения, становления и развития национальной государственности на протяжении нескольких тысячелетий.

Автохтонность возникновения и спонтанность развития, традиционность существования, несмотря на периоды господства иноземной государственности, явились в конечном итоге одним из определяющих базовых факторов возрождения узбекской государственности на новой основе в начале 90-х годов XX в.

Подчеркивая важность исследования этой проблемы и ее новизну, мы вовсе не отрицаем те важные исследования исторической науки, каковые были проделаны в предшествующие годы рядом поколений отечественных и зарубежных ученых.

Однако они писались в иной обстановке, с учетом другой идеологии и методологии, и иного содержания.

Для того времени было характерно написание обобщающих, можно сказать универсальных историй, охватывающих все периоды истории. Однако такая глобальность не позволяла детально рассмотреть вопросы истории отдельных регионов, на территории которых существовали крупные государства. Впрочем это делалось и из политических соображений. Идеология того времени не могла допустить такой интерпретации истории, потому что считалось, что государственность на территории СССР была одна и история ее до образования СССР не отличалась глобальностью.

История государства, как таковая, конечно же была в них отражена в большей или меньшей степени, но без конкретизации их генетической природы и национальной принадлежности, в некой размытой форме.

Именно так она представлялась в обобщающих трудах и учебниках типа «История СССР», где государственность национальных республик зачастую характеризовалась вскользь, в форме констатации факта существования того или иного государства, без генезиса и эволюции их развития, типологии государственных образований, без конкретной характеристики государственных служб и институтов.

Положение в исторической науке стало кардинально изменяться в начале 90-х годов с созданием на территории бывшего СССР самостоятельных государств. В Узбекистане с этого времени стали пересматриваться и переосмысливаться многие проблемы истории страны, получившие в советское время неверную, заведомо фальсифицированную оценку. Однако проблема истории узбекской государственности получила целенаправленное развитие лишь с 1998 года, чему способствовало Постановление Кабинета Министров РУз от 27 июля 1998 г. о «Совершенствовании деятельности Института истории АН РУз». Предшествовавшая этому встреча Президента Республики И. А. Каримова с представителями исторической науки и высказанные пожелания в адрес историков и исторической науки заложили идейную основу концепции истории узбекского народа и его государственности, основной целью которой является «создание истории государственности, основанной на научной точке зрения»¹. Первые шаги, предпринятые в этом направлении, были сопряжены с определенными трудностями, пониманием сложнейших исторических проблем, зачастую по дилетантски без учета всех достижений исторической науки в области археологии, истории, нумизматики, эпиграфики и других смежных научных дисциплин. Эти работы страдали отсутствием достаточно полной научной информации и незнанием всего комплекса научной литературы, вышедшей у нас в стране и за рубежом². Стало достаточно ясно, что история

¹ Каримов И. А. Без исторической памяти нет будущего. Т. 7. — Т.: Узбекистан, 1999. С. 136.

² Исключение из этого ряда составляет недавно вышедшая в свет книга А.Зиё «Ўзбек давлатчилиги тарихи» (Тошкент, 2000) и Э.В. Ргвеладзе, А.Х. Саидова, Е. А. Абдуллаева «Очерки по истории цивилизации Узбекистана: государственность и право» (Ташкент, 2000). В первой монографии рассмотрена история крупнейших государств на территории Узбекистана, во второй — основные теории происхождения государств, их генезис и типология, проанализированы основные государственные и правовые институты, существовавшие на территории Узбекистана с эпохи древности вплоть до V в.н.э.

государственности может быть написана только при объединенном усилии историков, источниковедов, археологов, искусствоведов и других представителей общественно-гуманитарных наук.

Учитывая это, с 2000 года коллектив ученых институтов истории, археологии АН РУз, при участии сотрудников института искусствознания Академии Художеств РУз приступил к написанию фундаментального научного труда «История государственности Узбекистана», охватывающего огромный период времени, насчитывающий более трех тысячелетий, начиная с эпохи поздней бронзы и вплоть до настоящего времени включительно.

История государственности Узбекистана, истоки которой уходят в древнеземледельческие цивилизации, на протяжении всей своей эволюции знала периоды великого расцвета и подъема: древний Большой Хорезм, государство Кангюй, древнеферганское государство Давань, Тюркский каганат, государство Газневидов, и в особенности в эпоху выдающегося государственного деятеля Амира Темура, когда эта государственность определила на несколько веков ход и тенденции развития государственности на Среднем Востоке и Индии. Знала она и периоды упадка и регресса, господства иноземной государственности. Но при этом неизменной оставалась субстрактная основа, корневой стержень государственности, который при всех превратностях судьбы жил в генетической памяти узбекского народа.

В процессе подготовки книги были выработаны основные базовые положения истории государственности Узбекистана:

1. Самостоятельность возникновения государственности Узбекистана на базе поступательного прогресса древней цивилизации, опирающаяся на автохтонную этнокультурную основу.

2. Традиционность государственности Узбекистана и поступательность ее развития от одной стадии к другой.

3. Разнообразие исторических форм государственности Узбекистана.

4. Эволюция форм государственности Узбекистана в едином процессе с развитием цивилизации.

Характеризуя тот или иной этап истории государственности Узбекистана авторы старались ответить на

вопросы, касающиеся основных ее принципов: социально-политические, правовые основы государства; система управления; границы и административное деление; армия; внутренние и внешние отношения; товарно-денежные отношения; налоговая система; международный статус; собственность; духовные и идейные основы; уделяя при этом внимание времени и причинам упадка и регресса в развитии государственности, без понимания которых невозможно понять и причины расцвета.

Публикуемые «Очерки по истории государственности Узбекистана» отражают лишь часть из вышеупомянутого фундаментального исследования и не всегда хронологически и исторически связаны друг с другом. Но они в определенной мере позволяют составить общее представление о государственности Узбекистана на том или ином отрезке времени и причинах его отсутствия.

Наиболее полно данные вопросы будут отражены в одноименной монографии.

Д. А. Алимова, Э. В. Ртвелазе

**ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
УЗБЕКИСТАНА
В ЭПОХУ ДРЕВНОСТИ**

ДРЕВНЕБАКТРИЙСКОЕ ЦАРСТВО. «БОЛЬШОЙ ХОРЕЗМ»

(VII—VI вв. до н.э.)

Десятки государств-оазисов нового типа, располагавшиеся на юге Средней Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (РЖВ I) иногда объединялись в крупное политическое образование — царство. На юге Средней Азии это были Бактрия, Маргиана и «Большой Хорезм». По-видимому, в образовании крупных царств, кроме внутренних объективных социально-экономических факторов, определенную роль играли и внешние субъективные. Это, в частности, угроза, исходившая со стороны воинствующих государств Месопотамии — Мидии, Ассирии, Митании. Эти политические события происходили до образования империи во главе с династией Ахеменидов в Иране, в VII—VI вв. до н.э., о чем свидетельствуют, помимо археологических данных, и письменные источники, прежде всего «Авеста» и европейские анналы.

В «Авесте», в частности, упоминаются многие географические названия и наименования народов Средней Азии, в том числе и Узбекистана. В ней говорится так: «Первой из лучших местностей и стран сотворил я, Ахура Мазда, Арьянэм Вайчах... Второй из лучших... Гаву, где живут согдийцы... Третьей из лучших... Мауру (Мерв)... Четвертой из лучших... Бахди (Бактрию)... Пятая страна — Нисайа (Ниса)»... и т. д. Всего в «Авесте» перечисляются 16 стран¹, среди которых — Арьянэм Вайчах, Согд (Гава); Бактрия, Маргиана имеют конкретную локализацию.

«Арьянэм Вайчах», что буквально означает «арийские просторы», многие исследователи отождествляют с Хорезмом. Но есть и иная точка зрения. Так, И. М. Дьяконов считает, что «арийские просторы» употребляются здесь в более широком понятии, чем одна страна или область, и объединяют всю равнину Средней Азии и Восточного Ирана². В Авесте также встречается термин «дахьюсасти» — «власть над областями», означа-

ющий правителя конкретного государства³. «Арьянэм Вайчах» или «Арьйошайана», вероятнее всего, является термином географического понятия, означавшая территорию, где проживали арии, но, возможно, это было и политическое объединение.

Термин «арья», встречающийся в «Авесте», обычно употребляется в отношении народов или земли, противостоявшей племени кочевников «тура». Античные историки под этой же территорией подразумевают «Большой Хорезм». Например, в третьей книге «Истории» Геродот⁴ пишет о сооружении на реке Ак плотины, находившейся на границе земель гирканиев, парфян, таманеев, дрангианцев и хорезмийцев, и что она принадлежала хорезмийцам⁵. Река Ак обычно отождествляется с рекой Теджен. Немногом ранее, чем Геродот, Гекатей (около 500 г. до н.э.) упоминал о хорезмийцах, «живущих частью на равнине, частью — в горах», к востоку от парфян «Большого Хорезма», который, по-видимому, охватывал 4 района Мерва и Герата⁶.

Такая точка зрения, господствовавшая в советской исторической науке⁷, впервые была высказана немецким ориенталистом И. Марквартом⁸ и поддержана его учениками В. Б. Хеннингом и И. Гершевичем⁹.

Однако И. Н. Хлопин ставил под сомнение существование «Большого Хорезма» как крупного политического объединения предахеменидов и отождествление реки Ак с Тедженом-Герирудом, считая это необоснованным, и локализуя ее на месте Атрека. Он, в частности, отмечал: «В предахеменидское время на территории Средней Азии не было никакого раннегосударственного объединения народов во главе хорезмийцев». Наряду с этим он допускал существование в предахеменидское время на юге Средней Азии «нескольких небольших центров», в том числе и бактрийского¹⁰. «Большой Хорезм» был, очевидно, политическим объединением, одним из ранних государств в Приаралье, который охватывал просторы Средней Азии от Арала до низовьев Теджена — Герируда.

Вторым таким государственным образованием в Средней Азии было Древнебактрийское царство. В «Авесте» Бактрия описывается как «прекрасная, с высоко поднятыми знаменами...»¹¹. Одной из стран или центров, приведенных в «Авесте», называется Бахди, где также встречается термин «арахтра», что, возмож-

но, соответствует термину «бахтар»¹². Наиболее раннее упоминание о Бактрии встречается в ахеменидских надписях, в частности на всемирно известной Бехистунской скале в Накш-и Рустаме¹³.

В Персеполе бактрийцы в пятнадцати случаях изображены с сосудами и двугорбыми бактрийскими верблюдами¹⁴. Бактрия как самостоятельная сатрапия играла важную роль в экономической и культурной жизни империи Ахеменидов¹⁵. Наиболее разнообразная информация о ней содержится в трудах древнегреческих историков — Геродота, Ктесия, Страбона, Диодора, Плиния, Арриана, Курция Руфа, Гекатея, Скилака и других, которые подчеркивают значительную древность и высокий уровень культуры этой страны. Так, Ктесий сообщает о походе ассирийского царя Нина на Бактрию, о бактрийском царе Оксиарте, его сокровищах¹⁶. Среди народов, описанных Ктесием, бактрийцы упоминаются в числе первых¹⁷. Сама же Бактрия размещается им на востоке. «С запада доступ на бактрийскую «равнину» преграждают «горы», через которые ведут лишь узкие горные «проходы», Бактрия простирается до Танаиса и Инда. Танаис отделяет ее от Европы, Инд — от Индии»¹⁸. Геродот приводит в «Истории» список из 20 сатрапий и 70 народов, входивших в состав Ахеменидской империи. Среди них Бактрия — страна, лежавшая по берегам Амударьи, и бактрийцы¹⁹.

Название «Бактрия» встречается в трагедии Эсхила «Персы», поставленной на сцене в 472 г. до н.э., а также в текстах Гекатея и Скилака²⁰. Страбон характеризует Бактрию как жемчужину Арианы²¹. Бактрийцы же многими авторами неизменно характеризуются как «многочисленный», «воинственный» и «храбрый» народ²². Страна имела «много неприступных», в силу своей укрепленности, мест, в том числе столицу Бактры (Балх)²³.

Геродот сообщает о том²⁴, что на пути ахеменидского царя Кира, после покорения им Мидии, «лежали Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне». Из этого следует, что Бактрия и конфедерация саков-массагетов включалась в один ряд с такими крупнейшими государствами, как Египет или Вавилон²⁵. В состав Бактрии, по-видимому, некоторое время входили также Маргиана, Согд и даже Арея²⁶, что подтверждается археологическими находками.

Третьей политической силой на территории Средней Азии были различные конфедерации сакских кочевых племен, именуемых в «Авесте» «турами». Они располагались на северных просторах Средней Азии. Общество кочевников сложилось довольно рано, в IX—VIII вв. до н.э., в степных районах Средней Азии²⁷. Кочевые и полукочевые общества представляли собой сильные военно-политические объединения агрессивного характера, нередко являвшиеся большой угрозой для земледельческих оазисов юга. Согласно тексту «Авесты», кочевники Тура под предводительством Франграсьяны покорили чуть ли не всю Среднюю Азию. Кави Хусрау — основатель царского рода Виштаспа, правителя Дрангианы, сверг власть кочевников, причем решающая битва между вооруженными силами земледельческих оазисов и кочевников произошла у озера Чайтиста²⁸.

Время сложения «Авесты» — священной книги зороастрийцев и жизни пророка Заратуштры, покровителем которого был вышеупомянутый царь Виштаспа, по мнению большинства ученых относится к первой четверти I тысячелетия до н.э. Из этого следует, что время сложения этих государственных образований — военных союзов кочевых племен — можно отнести к началу I тысячелетия до н.э. Об этом свидетельствует и сакская традиция героического эпоса, повествующая о царице Зарине, успешно сражавшейся с мидянами за главенство над Парфией²⁹. Долгое противоборство, закончившееся миром саков с таким мощным государством как Мидия³⁰, также подтверждает вышеизложенную точку зрения. Комплекс Тагискен в Восточном Приаралье, датируемый IX—VIII вв. до н.э., принадлежал аристократической верхушке степных племен³¹.

Таким образом, в предахеменидское время, в первой половине I тысячелетия до н.э., примерно в VIII—VII вв. до н.э., в Средней Азии были сформированы три крупных политических объединения — Бактрия, «Большой Хорезм» и конфедерация саков и массагетов. Они, правда, были весьма аморфными, по-видимому, пережившими несколько циклов распада и объединения. Мы допускаем мысль, что эти три ранних государства Средней Азии на исторической арене существовали, но функционировали в разное время. Бак-

трия среди них была наиболее древней и относительно стабильной, остальные два то появлялись, то распадались и исчезали как государства.

По характеру экономики и социальных институтов Бактрия и «Большой Хорезм» относились к древневосточному типу государств с «азиатским способом производства», а конфедерация саков и массагетов представляла собой военизированное государство кочевых и полукочевых племен скотоводов-туров. Социально-экономический генезис первого типа государственности непосредственно был связан с раннеклассовым обществом земледельческих культур эпохи бронзы юга Средней Азии, характерный для ранних классовых обществ Старого и Нового Света.

Таким образом, подытоживая вышеизложенное, можно сделать заключение, что городская культура, раннеклассовое общество и государственность в Средней Азии сложились в эпоху поздней бронзы, во второй половине II тысячелетия до н.э. и раннежелезного века, в первой четверти I тысячелетия до н.э.

История государственности Узбекистана насчитывает около 3,5 тысяч лет.

В современном мире существует около 200 государств, однако не все они одновременно появились на исторической арене. Некоторые народы — хетты, шумеры, скифы и другие на определенном этапе исторического развития гремели своими громкими деяниями, высокоорганизованным государственным устройством. Но со временем они навсегда исчезли с исторической сцены, потеряв этническое единение, язык и государственность — их эволюционное развитие остановилось. Эти цивилизации растворились в составе других народов, потеряли свой этнический облик, название, язык и государственность.

История узбекской государственности знаменуется непрерывным эволюционным развитием с момента его основания — со II тысячелетия до н.э. и до настоящего времени.

Как показывает исторический анализ, государственность созревает внутри общества, развивается, эволюционирует по своим внутренним закономерностям.

Государственное устройство никогда не вносится извне как готовый механизм высокой политической организации. Такова историческая закономерность раз-

вития общества и в этом не является исключением история узбекской государственности.

История становления государственности Узбекистана берет свое начало со II тысячелетия до н.э., с эпохи бронзы.

Ранние формы государственности Узбекистана — «оазисы-государства» типа «города-государства», «номы» Месопотамии, Египта, Китая и Мезамерики.

В истории становления государственности этот этап прошли все цивилизованные народы мира, в том числе и узбекский народ.

Период со II-го до начала I тысячелетия до н.э. в истории Узбекистана был переломным, судьбоносным — он ознаменовался становлением и развитием атрибутов первых цивилизаций — ирригационного земледелия, профессионального ремесла, металлургии, городов, стратификации общества, народностей и государственности («оазис-государство»). И с тех пор узбекская государственность непрерывно развивается эволюционным путем, следуя закону поступательного движения исторического процесса.

Библиография

¹ Соколов С. А. Духовная культура. Религия. Религиозная система зороастризма // История таджикского народа. Т. 1. — М., 1963. С. 82.

² Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса) // История Иранского государства и культуры. — М., 1971. С. 137.

³ Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Книга первая. Душанбе, 1989. С. 70.

⁴ Геродот. История в девяти книгах. Книга III. Пер. Стратановского Г. А. — М., 1964. С. 7.

⁵ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. № 73. — М.—Л., 1959. С. 125—126.

⁶ Лившиц В. А. Древнейшие государственные образования // История таджикского народа. Т. 1. — М., 1963. С. 150—154; Гафуров Б. Г. Цит. соч. С. 72.

⁷ Толстов С. П. Древний Хорезм. — М., 1948. С. 43; Струве В. В. Родина зороастризма. // СВ. V. 1948. С. 16 и сл.; и др.

⁸ Markwart J. Wehrat und Arang. Leiden, 1938.

⁹ Henning W. D. Zjraster. Politican on witch. Doctor. London, 1951. P. 42—43; Gershevitch I. The Avestan Hymn to Metra. Cambridge, 1959. P. 298—299.

¹⁰ Хлопин И. Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. — Л., 1983. С. 52—57.

- ¹¹ Соколов С. А. Духовная культура... С. 82.
- ¹² Пьянков И. В. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982. С. 10—11.
- ¹³ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. ГРВЛ. — М., 1980. С. 104.
- ¹⁴ Там же. С. 195.
- ¹⁵ Там же. С. 285.
- ¹⁶ Диодор Сицилийский. Исторические библиотеки // Источники по истории Узбекистана. (Сост. Б. В. Лунин). — Т., 1984; Гафуров Б. Г. Цит. соч. С. 73.
- ¹⁷ Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975. С. 4—6.
- ¹⁸ Там же. С. 20—21.
- ¹⁹ Геродот. История... Книга I. С. 153.
- ²⁰ Пьянков И. В. Бактрия в античной традиции. 1982. С. 7.
- ²¹ Страбон. География. / Пер. Стратановского Г. А. — М.
- ²² Диодор Сицилийский. Исторические библиотеки. II, 2.
- ²³ Там же, II, 5, 3; Пьянков В. И. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975. С. 55.
- ²⁴ Геродот. История... Книга I. С. 153.
- ²⁵ Гафуров Б. Г. Таджики. С. 73; Массон В. М. Древнеземледельческая культура. С. 134.
- ²⁶ Массон В. М. Древнеземледельческая культура. С. 135.
- ²⁷ История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984. С. 143.
- ²⁸ Дьяконов И. М. Восточный Иран... С. 137—144; Массон В. М. Средняя Азия в эпоху раннего железа: культурная и социально-экономическая динамика / Раннежелезный век Средней Азии и Индии. Тезисы докладов на международном симпозиуме. Ашхабад, 1984. С. 9.
- ²⁹ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. — Т., 1957. С. 35; Массон В. М. Средняя Азия в эпоху раннего железа: культурная и социально-экономическая динамика. С. 9.
- ³⁰ Григорьев В. В. О скифском народе саках. Спб., 1971. С. 19—20.
- ³¹ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1962.

ГОСУДАРСТВО КАНГЮЙ

Государство Кангюй, подобно другим государствам с кочевническими династиями (Парфянское, Кушанское царства), появилось в результате передвижений племен в Евразии и вторжений номадов в оседло-земледельческие оазисы среднеазиатского региона, ставших ощутимыми с III в. до н.э.

Первые сведения о Кангюе (китайский Кандзюй) заключены в китайских хрониках второй половины II в. до н.э., в частности в летописи «Ши цзи» Сыма Цяня,

построенной на основе сведений путешествия Чжан Цзяня к Большим Юечжи¹. Судя по имеющимся сведениям, Кангюй располагался между Даванью (Фергана) на юго-востоке или юге, Усунями (племена Семиречья) на северо-востоке, Большими Юечжи на западе и Дахя (Бактрия) на юго-западе². В противовес Давани, жители которой вели оседлую жизнь, занимались земледелием и имели города, Кангюй в источниках представлен кочевым владением. Образ жизни его населения был одинаков с юечжийцами и народом Яньцай, соседствовавшим с ним на северо-западе.

Вопрос об этнической принадлежности кангюйцев широко освещен в литературе. Существует ряд гипотез, в том числе отождествление Кангюя с кауауи (люди канха) или жителями Яксарта Птолемеем³, нашедшая поддержку среди исследователей (Б. А. Литвинский, Е. Пуллейбленк, С. Г. Кляшторный и др.), так как основывается на обнаружении прямого эквивалента написания «Кангюй» в списке сакских племен в греко-римских источниках. Совпадает и географическое расположение этих племенных групп, локализованных на средней Сырдарье.

Таким образом, основные племена, входившие в государственное объединение Кангюй, располагались вдоль нижнего и среднего течений Сырдарьи. Кангюйцы, или канки как часть сакских и сарматских племен, составляли ядро государства, которое ранее Кангюя было известно как Кангха из «Авесты», где она характеризуется как «высокая и священная»⁴. Ни у кого из исследователей не возникает сомнений в том, что авестийская Кангха — это Кангюй, однако по вопросу ее локализации их мнения существенно расходятся. Большую поддержку получает локализация Кангхи — Кангюя на среднем течении Сырдарьи, хотя известно более раннее мнение С. П. Толстова, размещавшего Кангюй в низовьях Амударьи и Сырдарьи и предпочтительно связывавшего с ним Хорезм⁵.

Небезынтересна и гипотеза Б. И. Вайнберг, согласно которой кангюйское политическое объединение располагалось в границах от Северного Прикаспия до Ферганы и от Южного Приуралья до северных пределов Каракумов⁶.

Как политическое образование Кангюй представлял собой пеструю конфедерацию кочевых и полу-

оседлых племен, объединенных под эгидой вождей канков, сложившуюся, возможно, еще до II в. до н.э. Вначале это был небольшой союз, который на юге признавал над собой власть юечжийцев, а на востоке зависел от хуннов. Но постепенно, со II в. до н.э. до II в. н.э., он стал могущественным государством, в зависимость к которому попали многие его соседи, в том числе Яньцай, отождествляемый ныне с сармато-аланским союзом племен⁷, и который, согласно хронике Хоу Хань-шу, в первые века нашей эры был переименован в Аланья; и Янь, т. е. сарматы Приуралья. На западе он выступал могучим союзником Давани в ее войне против Китая.

На вершине своего могущества Кангюй обладал сильным войском (источники называют 120 тысяч) и вел весьма независимую политику в отношении Китая. Китайские посланники доносили двору: «Кангюй — горд, дерзок»⁸. Благодаря археологическим находкам мы можем представить себе, как выглядело строевое войско Кангюя. Так, согласно источникам, Кангюй в обыкновении схож с юечжийцами и яньцай, то же можно сказать и о экипировке и вооружении воинов Кангюя. Представление об этом даёт батальная сцена, изображенная на костяных пластинках, обнаруженных археологами в курганных захоронениях в местности Орлат к северу от Самарканда. Батальная сцена, очевидно, изображает междоусобную борьбу кланов в государстве. Конные и пешие воины представлены в полном вооружении, конники-катафрактари, как и юечжийские воины, облачены в пластинчатые панцири в виде юбок, нагрудников, высокие воротники защищают их затылок, а шлемы с нащечниками облегают голову. Из вооружения были распространены длинные мечи и копья, клевцы (боевые топоры), луки и стрелы. Каждое подразделение имело особый штандарт в виде дракона⁹.

Политическая история этого государства мало известна. Лишь немногие события, связанные с войнами между Китаем и Даванью, отражены в китайских источниках. В 101 г. до н.э., когда войска китайского генерала Ли Гуан-ли во второй раз вторглись в Давань, Кангюй поддержал даваньцев. В 46—36 г. до н.э. он вновь проявил себя враждебным в отношении Ханьской империи, оказав помощь шаньюю (правителю)

северных хуннов Чжи-чжи. В 78 г. н.э., во время покорения полководцем Бань-чао восточно-туркестанских городов, Кангюй поначалу выступил союзником Китая, но вскоре, в 85 г., поддержал войском восставшего против Бань-чао владетеля Суле (Кашгар). Лишь вмешательство кушанского царя, оказавшего поддержку Бань-чао, заставило Кангюй вывести свои войска из Восточного Туркестана. Это произошло посредством дипломатического брака дома Кангюй с Кушанской династией¹⁰.

Называя Кангюй кочевым владением хроники, тем не менее, указывают на наличие в нем городов, как и в зависевшем от него Яньцай, народ которого «живет внутри глиняных стен»¹¹. Столицей Кангюя назван город Битянь, располагавшийся в стране Лоюени близ озера Таньчи¹². Правитель, однако, не жил там постоянно, так как имел летнюю резиденцию в семи днях пути от зимней столицы. Таким образом, правительственная ставка Кангюя зависела от сезонных перекочевок со скотом основного населения.

Существуют попытки отождествить Битянь с городищем Канка в Ташкентском оазисе¹³, хотя это не очень согласуется с географическим ориентиром источника. Другое отождествление столицы Кангюя связано с районом дельтовых протоков Сырдарьи, где располагали, для более раннего времени, Кангху. Что касается названия летней резиденции, то здесь в данном случае предпринята попытка локализовать ее на основе лингвистического анализа. Так, Пуллейбленк пришел к выводу, что источник передает название Яксарт, а резиденция сопоставляется с Бинкатом (столица Шаша в X в.), что также не подкреплено сведениями источника, так как летняя столица не может быть южнее зимней. В самом факте сезонного перемещения столиц отразилась практика государств, чьи правившие дворы имели кочевническое происхождение (Парфянское царство, Кушанское государство).

Кангюй объединял пять малых владений, которые, преимущественно, отождествляются с районами оседло-земледельческого хозяйства. Это Сусе, Фуму, Юни, Ги, Юегянь, являвшиеся подчиненными участниками кангюйской конфедерации. В каждом владении был свой главный город с этим же названием.

Существует несколько мнений в отношении лока-

лизации этих владений. Так, С. П. Толстов помещает Сусе в Кеш на Кашкадарье, Фуму — Кушания на Зарафшане, Юни — в Шаше (Ташкентский оазис), Ги — в Бухаре, Юегянь — в Хорезме (Ургенч)¹⁴. А. Н. Бернштам по результатам археологических исследований располагает Юни в Ташкентском оазисе, Сусе — на среднем течении Сырдарьи и Арыси, Фуму — на территории от Яны-кургана до Казалинска, Ги — в низовьях Сырдарьи, а Юегянь — в Хорезме¹⁵. При общем расхождении в локализации этих владений только сопоставление Юни с Ташкентским оазисом и Юегянь с Хорезмом не вызывает сомнений. Убедительно также расположение Фуму в северной части самаркандского Согда в Мианкале, где находился город Кушания. Это подтверждается историей династии Тан, завершенной в X в., где использовались древние сведения. Там, в частности, сказано, что Хэ, иначе Кюйшуанига и Гуйшуани, есть древний город Фуму, принадлежавший малому кангюйскому владельцу¹⁶. Такое отождествление находит подтверждение в средневековом источнике, в котором Кушания называется вторым, после Иштихана, процветающим городом. Город Иштихан и ныне существует к северу от Самарканда.

Возвращаясь к общим границам этой конфедерации, следует отметить, что она объединяла области Хорезма, Шаша, Согда и некоторых других пограничных земель, в особенности низовья Сырдарьи и территории к северу от Арала. Наивысшего могущества государство достигло в I в. до н.э. — II в. н.э. Несмотря на то, что оно представляло собой пеструю конфедерацию полусамостоятельных владений, подчинившихся правившему дому Кангюя, династия которого, безусловно, была кочевнической, государство на пике своего развития не было рыхлым и слабым. Если сформировавшиеся на юге Средней Азии Кушанское и Парфянское государства обладали большей централизацией, впитав традиции восточных империй Ахеменидов, Селевкидов, Александра Македонского, то в конфедерации Кангюй, очевидно, больше преобладали черты, связанные с наследием государственности кочевников.

Последнее упоминание о Кангюе в источниках как о крупном государстве относится к 270 г., когда оно направляло свои посольства за пределы Средней Азии.

Источники V в. говорят о Кангюе как о мелком владении, входившем в состав государства Эфталитов.

Подытоживая краткие сведения письменных источников о Кангюе, повествующих в основном о его составе и некоторых эпизодах политической истории, можно, однако, попытаться извлечь из них некоторые данные, характеризующие это политическое образование с точки зрения сложения институтов государственности, ее особенности в контактной зоне, где принципы сложения древних оседлых цивилизаций столкнулись с укладом жизни и устройством общества кочевых этносов. Географически Кангюй занял промежуточное положение между южными царствами — Парфянским и Кушанским и государством кочевников — Хуннской державой, сложившейся в Монголии.

Свой более чем полутысячелетний исторический путь он начал, как это свойственно степным народам, с консолидации этноса под властью одного рода, одного племени. Предполагается, что это было племя канков, из числа заяксартских саков или упомянутых в Авесте «могучих туров».

Его заметная роль на исторической арене отразилась в мифологии. В частности, канки, живущие за Яксартом, упомянуты в «Махабхарате» среди диких народов, принесших дары во время грандиозного ведического жертвоприношения коня — ашвамедхи, которое начало практиковаться в Индии со II в. до н.э. Эти люди названы «быкоголовыми», что можно воспринять как намек на популярность в Кангюе культа быка (наряду с конем и бараном-фарном). Материалы археологии свидетельствуют о распространении на средней Сырдарье культовых курильниц в виде букраниев в рамках комплекса культуры Каунчи. Считается, что носители этой культуры были в числе племен-участников Кангюйской конфедерации. Эти данные лишней раз свидетельствуют о возможности локализации племени канков на средней Сырдарье.

На примере других степных народов можно считать, что характер консолидации племен вокруг наиболее энергичного, выдающегося представителя аристократии какого-то одного рода, в результате чего создается союз, в корне отличается от предшествующего периода, именуемого «военной демократией». Со-

зданное на принципах военной демократии объединение кочевников, возглавлялось обычно военными вождями, избранными всем народом. Вожди не пользовались наследственной властью и вокруг них не создавался управленческий аппарат. Кангюй был одним из ранних примеров конфедерации, возглавляемой не вождем, но родовым князем, избранным советом старейшин.

Источники не донесли до нас имен его правителей, известно лишь, что они всегда, наряду с собственным, носили родовое имя «Кангюйского Дома владетель». Подобная традиция характерна для правящих кочевнических династий южных государств, которые в отличие от Кангюя имели свои монетные чеканы. Парфянские цари на монетах всегда прибавляли к своему имени тронное имя родового предка — «Аршак», а цари Великих Юэчжей проставляли — «Кушан».

На начальном этапе своей истории, когда, следуя хронике Ши-цзи, Кангюй был еще малосильным владением, правитель считался лишь первым среди равных — старейшин других родов и опирался на их объединенное ополчение. Для кочевников свойственно понятие «народ-войско», где каждый мужчина — глава семьи и в то же время солдат, всегда готовый встать в строй. Вот почему в источнике численность войска Кангюя всегда равна количеству семейств. В раннем Кангюе — это 90000 солдат и 90000 семей. В Кангюе на вершине его могущества 120000 единиц войска и столько же семейств, но при этом дана цифра — 600000 душ население, то есть всего жителей, включая всех членов родов.

По аналогиям с другими современными ему кочевыми обществами патестарного типа, история которых более щедро освещена источниками, можно видеть, что власть избранного правителя опиралась и в то же время была ограничена советом старейшин. Титул правителя неизвестен, однако, есть некоторые соображения насчет того, как именовались представители знати. В качестве титула для обозначения знати усуней, юечжей и кангюйцев (канков) в источниках фигурирует термин, который в ханьское время был тождественен титулу уавуга (ябгу), проставленному на ранних кушанских монетах, позднее воспринятому тюрками¹⁷.

Постепенно правление представителей «Кангюйского Дома» переросло в наследственное, а выборы нового правителя превратились в формальное утверждение советом старейшин воли ушедшего из жизни предшественника, завещавшего власть сыну или близкому родичу. Это положение отразилось в замечании о том, что «со времени Хань (II в. до н.э.) преемство престола не пресекалось». Замечание относится к «владельческому Дому Кан», но он есть отрасль кангюйского дома и правил в Самарканде.

Главной функцией правителя оставалась роль военного вождя. Он также обладал полномочиями вести дипломатические переговоры с соседями, ему принадлежала главная роль в отправлении религиозных церемоний. По аналогии с более поздним государством Ши, наследовавшем Кангюю, правитель был обязан совершать жертвоприношения в честь предков и официальное поклонение богам, из коих главным считалось солнечное божество (Митра), традиционно почитаемое народами заяксартских степей.

Кангюй укрепился за счет присоединения к нему других племен, образовав своеобразную конфедерацию. В отличие от хуннов, основной консолидации которых была принадлежность к единому народу, Кангюй был племенным союзом, но объединение племен вокруг его правителя, видимо, облегчалось этнокультурной близостью всех его членов. Это — племена Евразии от усуней на востоке до сармат Поволжья и Приуралья на западе, обладавшие не только единой хозяйственной базой — кочевым скотоводством, но также, по словам источника, «сходные в обыкновениях и одеяниях, понимающие речь друг друга». Принято считать их ираноязычными, также как юечжей и усуней. Итак, по закону исторического развития кочевых народов, увеличение народонаселения Кангюя и, соответственно, мощи его войска, происходившее с I в. до н.э. по II в. н.э., шло за счет включения в конфедерацию новых племен. Раньше всего можно предполагать инфильтрацию юечжей, что привело к оттоку населения с их традиционной территории обитания и сокращению там войска от 200000 до 100000 человек¹⁸.

Хроника Хань-шу сообщает о переселении в Кангюй в первые годы н.э. усуньского царевича Бихуаньчжи с 80000 подданных¹⁹.

В конце I в. до н.э. на земли Кангюя пришел с небольшим войском хуннский шаньюй Чжичжи. Массовое же переселение хуннов в Кангюй отмечено в конце I в. н.э., после разгрома северного шаньюя китайцами²⁰. Правители этих контингентов стали вассалами Кангюйского Дома. Таким образом, в первые века н.э. в Кангюйское объединение вливается и ряд племен кочевников. Современные исследователи относят их к тюркоязычным. На вершине своего могущества Кангюй предстает как союз разноязычных народов²¹.

Нам ничего не известно об административном, судебном, фискальном аппарате государства, хотя можно думать, что представители родовой знати племен-членов союза занимали военные посты, а главы племен со своими штандартами и родовыми гербами участвовали в сражениях, приводя свое войско под знамена правителя Кангюя.

Как это не раз было в истории, после консолидации государство кочевников начинает подчинять народы с другим укладом хозяйства. Кангюй также прошел эту стадию. По выражению источника он имел под собой пять малых владений, то есть они были подчиненными членами конфедерации. Как видно из перечня и локализации этих владений, они были населены оседлыми земледельцами, издревле возделывавшими свои поля на основе искусственного орошения и занимавшимися отгонной формой скотоводства. Именно в этих областях возникли ранние города и городская культура, здесь развивалось городское ремесло, письменность, а правители чеканили местную монету. В таких областях как Хорезм, Бухара, Самарканд у власти стояли династии также кочевнического (сарматского) происхождения, о чем свидетельствует общность родовых тамг на монетах правителей.

Земледельческие области, вошедшие в состав Кангюя обладали более развитым экономическим, социальным и культурным статусом. Их включение в кочевое государство придавало Кангюю своеобразие по сравнению с другими степными владениями и, можно предполагать, что они были ретрансляторами некоторых элементов культуры и навыков государственного устройства южных деспотий. Однако источники ничего не сообщают на этот счет.

Некоторые из этих областей сохранили своих местных правителей. Так в Юни это — владетель — именованный Ши, другие управлялись отпрысками Кангюйского Дома. Это — удельный князь владения Ги и правитель самаркандского Согда из юечжей Джаову, связанный родственными узами с правящим кангюйским родом. Были ли они включены в союз на правах вассалов, обязанных участвовать с войском в военных кампаниях правителя Кангюя или платили ему дань, неизвестно, из-за отсутствия сведений.

Как во всяком подобном государстве, доходы правящей верхушки слагались из военной добычи и дани. Есть все основания считать, что военнопленные обрабатывались в рабство.

Кангюй на вершине своего могущества вел активную завоевательную политику и доходы государства, естественно, были велики. Известно, что в первые века н. э. были завоеваны владения Лю, Яньцай и Янь²². В источнике есть прямое указание на взимание с них дани, которую Янь (сарматы Приуралья), например, платили «шкурками зверей мышинной породы»²³. Яньцай, позже переименованный в Аланья, был заселен народами сарматского происхождения. Он локализуется в восточном Приаралье, а население, частично кочевое на севере и частично оседло-земледельческое «живущее за глиняными стенами», концентрировалось в дельтовой части Сырдарьи. Включение в конфедерацию с разным правовым статусом оседлых или полукочевых народов создавало особенность Кангюя, позволяющее именовать его полукочевым государством.

Нельзя не отметить в экономической жизни роль торговли, условия для которой в рамках единого политического объединения были благоприятны. Помимо обмена продуктами земледельческого и скотоводческого хозяйств и городского ремесла, осуществляемого внутри государства, через Кангюй пролегли оживленные трассы международной торговли. На время существования Кангюя приходится сложение сети международных торговых дорог, так называемого, Великого шелкового пути. Источники фиксируют со II в. до н. э. важный торговый путь, связывавший Фергану и бассейн Тарима через территорию Кангюя и Яньцай с Поволжьем и Приуральем. Другие пути уходили в Бак-

трию. Контроль над движением товаров через Кангюй, видимо, был важной прерогативой правителя, что следует из оживленной дипломатической деятельности Китая, целью которой было ослабить влияние Кангюя на этих путях.

Библиография

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. — М. — Л., 1950. С. 147—168; Кюннер Н. Р. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961. С. 103; Hirth F. The story of Chung K'ien, China's pioneer in Western Asia // JAOS, 17, v. 37. P. 89—152; Groot J. J. M. de, Chinesische Urkunden zur Geschichte Asien. II. В. Jpz., 1920.

² Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... С. 149.

³ Markwart G. Geografy of Claudius Ptolemy. Transe. Into English and ed. By E. G. Stevenson. New York, 1932. P. 144.

⁴ Авеста. Избранные гимны / Пер. с авестийского И. Стеблин-Каменского. М., 1993. С. 36—37.

⁵ Толстов С. П. Древний Хорезм. — М., 1948. С. 22.

⁶ Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. — М., 1999. С. 266 и сл.

⁷ Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968. С. 18.

⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... С. 184—185.

⁹ Пугаченкова Г. А. Новое о художественной культуре античного Согда // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1983. — М. 1985. С. 525—529.

¹⁰ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964. С. 171—172.

¹¹ Кюннер Н. Р. Китайские известия о народах... С. 174.

¹² Там же.

¹³ Шониязов К. Ш. Об исторической топонимике Ташкента // ОНУ. 1982. № 7. С. 36—37.

¹⁴ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 144.

¹⁵ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Памиро-Алая и Центрального Тянь-Шаня // МИА. 1952. № 26. С. 216.

¹⁶ Бичурин Н. Я. Сведений о народах... С. 315.

¹⁷ Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. С. 21.

¹⁸ Габуев Т. А. Происхождение алан по данным письменных источников // ВДИ, № 3, — М., 2000, С. 54—55.

¹⁹ Бичурин Н. Я. Сведения о народах... С. 198,

²⁰ Вайнберг Б. И. Цит. соч. С. 279.

²¹ Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989. С. 201. Шониязов К. Ш. Қанғ давлати ва қанғлилар. Тошкент, 1990.

²² Зуев Ю. Сармато-аланы Приуралья (Яньцай/Абзойя)// Культура кочевников на рубеже веков (XIX—XX, XX—XXI вв.). Материалы международной конференции. Алматы, 1995, С. 39—40.

²³ Бичурин Н. Я. Сведения о народах... С. 229.

ДРЕВНЕФЕРГАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО ДАВАНЬ

Ранние следы государственности на территории Ферганской долины обнаружены в памятниках древнеземледельческой культуры. Судя по археологическим данным, земледельческое освоение Ферганы началось в эпоху поздней бронзы с последней четверти II тысячелетия до н.э. Памятники более раннего времени пока не выявлены, хотя и имеются некоторые данные о возможном их существовании (Хакский и Афлатунский клады, каменные гири и др.). По первому открытому памятнику земледельческая культура Ферганы названа чустской.

Памятники чустской культуры расположены группами (гнездами) по берегам древних рек и их протоков (преимущественно в долинах рек), что обусловлено ходом освоения отдельных участков с благоприятными естественноприродными условиями. Таких групп-оазисов в географических районах долины зафиксировано около 15, которые располагаются следующим образом:

1. Долина реки Гава и конус выноса Коксарекса.
2. Долина реки Касансай.
3. Левобережье р. Карадарья.
4. Ходжабад и его округа.
5. Араванская группа.
6. Долина р. Акбура.
7. Дельты протоков р. Талдыксу.
8. Долина р. Ясси и Карадарья.
9. Верхнее и среднее течение и русло Араванская.

В остальных оазисах известны единичные памятники, которые также находятся в долинах рек (Куршаб, Чартак, Майлису, междуречья рек Нарын и Карадарья).

Для каждой группы характерно преобладание мелких поселений и отдельных домов. Иногда встречались и крупные поселения, которые, вероятно, являлись центрами оазисов или округа¹. Видимо, несколько таких оазисов в совокупности образовывали земледельческие центры, как, например, в Согде или Бактрии.

В настоящее время в Ферганской долине зафиксировано более 80 памятников чустской культуры. В связи с малочисленностью полностью раскопанных памятников и сильной их разрушенностью, типологическая классификация осуществлена с учетом внешних признаков, т. е. по размерам, в результате чего выделены три группы:

1. Крупные (13—25 га) — Ашкалтепа, Дальверзин.
2. Средние (1—5 га) — Чуст, Дехкан, Ош, Хожамбаг.
3. Малые (0,02—0,9 га), к которым относится остальное большинство данных объектов.

Таким образом, памятники чустской культуры в эпоху поздней бронзы и раннего железа играли ключевую роль в истории Ферганы, поскольку именно с этого периода в долине зародилась и получила развитие городская культура, а также возникли элементы государственности*.

В деле изучения городской культуры и государственности значительную важность представляют такие памятники, как Дальверзин (Андижанская область, кишлак Аим) (25 га), Ашкалтепа (Андижанская область) (13 га), Чуст (Буонамозор) (Наманганская область) (4 га) и др. Среди них выделяются Чуст и Дальверзин, окруженные оборонительной стеной при наличии цитадели. Общеизвестно, что указанные признаки — наличие развитой системы обороны и присутствие цитадели (Арк), являются градообразующими факторами². В тоже время следует отметить, что некоторые ученые до сих пор отрицают существование оборонительной стены и цитадели на чустских памят-

---

* В период сложения и становления ранней государственности (X—VII вв. до н.э.) на территории Средней Азии происходили глубокие социально-экономические изменения. Возникли земледельческие центры в Фергане, Бактрии, Согде, Ташкентском оазисе и Южной Туркмении с аналогичными археологическими комплексами (лепная расписная керамика, бронзовые и каменные находки (серпы), ранние железные изделия). Это памятники так называемого типа Яз-депе I или культура поздней расписной керамики. В настоящее время в Средней Азии зафиксированы 10 таких древнеземледельческих центров. По данным французских археологов аналогичный центр обнаружен и в Таримском оазисе Восточного Туркестана (Debaine-Francfort С., 1989. P. 183—213). Однако в Ферганской долине известны только однослойные и крупные по площади памятники этого периода. На Коктепа, Афрасиабе, Еркургане и Кизилтепа материалы хронологически позднее (VIII—VII вв. до н.э.), чем ферганские (Матбабаев Б. X, 1999. С. 54), и имеют весьма незначительные слои в период Яз I. Кроме того, в отличие от ферганских памятников, в них пока еще не выявлены такие градообразующие факторы, как развитая оборонительная система и арк.

никах и, таким образом, сомневаются в ранних урбанистических процессах в Фергане³.

На последнем этапе развития чувстской культуры в VIII—VII вв. до н.э. на основе мелких городов-государств в Средней Азии возникли первые государственные образования⁴. Вполне вероятно, что в Фергане также шли аналогичные процессы. Правда в силу разных причин и условий долины эти процессы, быть может, осуществлялись медленнее, чем в других областях Средней Азии. При всем том Дальверзин по ряду признаков (площадь, фортификация, цитадель) считается памятником с городским статусом⁵.

Вместе с тем, в источниках содержатся сведения о таких государственных образованиях, как «Большой Хорезм» и «Древнебактрийское царство». По Ферганской долине такие данные отсутствуют, но, тем не менее, отдельные ученые предполагают наличие древнеферганского царства (Давань)⁶. Поэтому, когда речь идет о Ферганской долине периода ранее середины I тысячелетия до н.э., обычно подразумевается лишь зарождение основ протогосударства типа «чифдом». Учитывая это обстоятельство, можно говорить, что в Фергане государственность как таковая видимо возникла в V—IV вв. до н.э.⁷ Этот вывод основан на двух исторических фактах. Первый: археологические находки именно данного периода (шурабашатская культура) дают основание предполагать о развитии производственных сил (усиление товаропроизводства и торговли). Второй: уже во II в. до н.э. существовали многочисленные города. «В Давани имеются более 70 малых и больших городов», о чем упоминает китайский посол и путешественник Чжан Цянь, побывавший в Фергане в 136—128 гг. до н.э.⁸

Основные сведения о государстве (иногда владении) Давань дают китайские летописи, а также результаты археологических раскопок. В ранних китайских источниках Фергана носит название Давань или Даюань (Да-Вань* — Большой Вань)⁹. В этих источниках название Ферганы в разное время приводится по-разному: в V в. н. э. это «Лона» или «Полона», в VI—VII вв. — «Бохань», а в VII—VIII вв. — «Нинъюань». Однако потребовалось много времени для того, чтобы древние китайские названия Ферганы

---

* По уточненным данным надо «Даюань». См.: Малявкин А. Г., 1989. С. 186.

(Лона, Полона, Ниньюань) нашли свое точное определение. Только в 1756—1758 гг. французский китаевед М. Дегинь установил, что название Давань связано с Ферганой. Позже это мнение было поддержано многими другими учеными. В этой связи необходимо отметить, что до недавнего времени некоторые исследователи, в том числе и Э. Пуллейблэнк, указывали, что Давань располагался на территории Согда. Свои выводы он обосновывал тем, что в Фергане не имелось древних земледельческих памятников, в то время как Давань было государством с развитым земледелием. Археологические исследования, проведенные в 50-х годах Ю. А. Заднепровским и другими исследователями, указывают на обратное, что Фергана была одним из древних земледельческих центров Средней Азии. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что Э. Пуллейблэнк составлял свои выводы не ознакомившись предварительно с археологическими материалами, связанными с Ферганой¹⁰.

Таким образом, судя по географическому описанию китайских источников, а также по результатам археологических раскопок, государство Давань находилось на территории Ферганской долины.

Однако возникает вопрос: где же проходили его границы? Следует признать, что они пока еще точно не определены. Правда, имеется утверждение, что Давань была большим государством¹¹. Так, согласно Чжан Цяню, на северо-западе она граничила с Кангюем (существовавшим со II в. до н.э. по V в. н.э. и занимавшим территорию среднего и нижнего течения Сырдарьи), на юге — с юечжами, на севере — с усунями, также приводятся сведения, что Давань находилась в 10000 ли на запад от столицы древнего Китая. В настоящее время проблемным считается вхождение в состав Давани Западной Ферганы (современная Ленинабадская область) и Алая, хотя в одном из источников содержатся сведения, что в 82 г. н.э. Ходжент также входил в состав Давани¹². Однако, как мы полагаем, правильнее было бы включить Ходжент в состав Кангюйского государства, о чем, в частности, свидетельствует имеющееся сходство с материальной культурой Ташкентского оазиса.

Что касается Алая, то мы считаем, что он скорее всего входил в состав Давани, так как географически

был ближе к Ферганской долине. Следовательно, Давань полностью локализуется на территории современной Ферганской долины. Небезынтересна, между тем, и точка зрения Н. Г. Горбуновой, которая предполагает, что Давань находилась в восточной части Ферганской долины¹³. Безусловно, в зависимости от различных факторов и обстоятельств территория данного государства претерпевала определенные изменения и со временем меняла границы, которые в древних государствах были весьма символическими.

Официально Давань считался государством патриархально-рабовладельческого характера, образованным на основе объединения городов и оазисов. По мнению А. Аскарлова, социально-экономическую платформу государства в ту эпоху составляли свободные общинники¹⁴, которые представляли собой и часть населения и ядро армии. Скорее всего, в Давани не имела места эксплуатация рабов на государственном уровне, однако существовало расслоение общества, а также существовала государственная и частная собственность. Это, в частности, явствует из того, что отдельные зажиточные семьи хранили у себя по несколько тысяч дань вина (измерение емкости: 1 дань = 100 кг)¹⁵. Для изготовления и потребления такого большого количества напитка возможностей одной семьи было явно недостаточно.

Государство древней Ферганы считалось довольно справедливым и демократичным обществом, которое управлялось правителем, имевшим должность Вань, что означает царь или, быть может, князь. Сохранились имена нескольких его правителей (царей): Моцай, Чань Финь, Мугуа, Янью*. В свою очередь, царь вел государственные дела, опираясь на совет старейшин. Источники указывают, что из числа близких царю людей (обычно родственников) назначались помощники: один старший помощник Фу-ван (по-китайски) и один младший помощник Фу-го-ван¹⁶. Совет старейшин играл важнейшую роль в жизни страны (см. схему). Он был постоянным и на нем обсуждались важнейшие вопросы государства: объявление войны или ведение мирных переговоров. Порой совет старейшин решал даже

---

* Известно, что китайские летописцы географические названия территорий (завоеванных или находившихся в вассальной зависимости), а также имена записывали в соответствии с правилами правописания китайского языка. Отсюда и сходство местных названий с китайскими словами.

судьбу царя, так, из-за поражения в войне Вань Мо-цай по общему числу голосов был обвинен в этом и казнен. Или же возьмем другой случай: когда китайский посол во время ведения переговоров в гневе выронил золотую статуэтку коня, чем весьма оскорбил старейшин, то его постигла аналогичная участь. Учитывая столь значительную роль совета, можно допустить, что он выполнял функции своего рода законодательного органа. Скорее всего, страна управлялась посредством деления территории на города и оазисы. Например, в китайских источниках содержатся сведения, что правитель города Ючен (близ современного Узгена) отказался предоставить китайской армии провиант. Из этого следует, что в каждом городе и оазисе (округе?) был свой правитель*.

Н. Г. Горбунова предполагает, что именно эти правители входили в состав совета старейшин и играли в нем решающую роль¹⁷.

Для обеспечения внутреннего порядка и защиты от внешнего врага в Давани имела 60-тысячная армия, состоявшая преимущественно из пехотинцев и кавалерии. Согласно источникам, даваныцы были «искусны в конной стрельбе»¹⁸. Вооружение воинов состояло из лука со стрелами и копья. Даванская армия умела вести как открытые сражения, так и

Система управления в государстве Давань

* Археологические материалы также свидетельствуют о том, что в эпоху Даванского царства в Ферганской долине существовали не менее 6—7 ганчарных центров с характерными локальными особенностями. Каждый из центров охватывал один или несколько ирригационных районов (Горбунова Н. Г., 1983. С. 40—42).

длительные оборонительные войны, что подтверждается героической обороной столицы Давани — города Эрши. Как свидетельствуют археологические данные, воины сами обеспечивали себя необходимым продовольствием, на что указывает то обстоятельство, что в башнях стен весьма часто встречались зернотерки и остатки зерен.

Население в государстве Давань насчитывало 60 тысяч семей, что приблизительно составляло около 300 тыс. жителей. Некоторые ученые с сомнением подходят к такой их численности. Например, фергановед из Санкт-Петербурга Ю. А. Заднепровский считает, что данная цифра несколько занижена, поскольку она меньше, чем у населения соседних кочевых племен. Вероятно она обозначала численность населения какой-то части Давани, и правдоподобнее было бы указать количество населения в 500—600 тыс. человек¹⁹. По данным Ю. А. Заднепровского, четверть населения государства проживала в существовавших тогда городах. Как отмечается в источниках, в Давани «жители вообще имеют впалые глаза и густые бороды»²⁰.

Даваньцы считались предприимчивыми торговцами. Относить все население к какой-нибудь этнической группе (саки, парикане) в настоящее время является одной из проблематичных задач. Население в основном занималось земледелием и вело оседлый образ жизни: сеяло рис и пшеницу. Кроме зерновых культур также выращивали бобовые, в частности, горох, чину, чечевицу, остатки которых обнаружены при археологических раскопках. В Каркидоне — памятнике данного периода, что в Южной Фергане, найдены семена мака, из которых получали масло и наркотические вещества. Масло также производилось из семян хлопка, остатки которых обнаружены в памятниках начала нашей эры. В отдельных местах (в структуре сырцовых кирпичей и гувалака) были найдены семена винограда и люцерны, которые, а по некоторым источникам еще гранат и огурец, были вывезены китайцами из Ферганы. В китайских источниках содержатся сведения о том, что в саду императора Юан-шоу, правившего в последние годы до н. э., был дворец под названием «Путаогун»²¹, что в переводе означает «Виноградный дворец». Небезынтересно, что при императоре У-ди (141—87 гг. до н.э.) в этом дворце выращивали

виноград, саженцы которого были привезены из Ферганы. Здесь останавливались почетные гости императора.

В свою очередь, виноградарство повлияло на развитие винного производства. В юго-восточной части Ферганы были исследованы остатки помещений, связанных с производством вина. В процессе археологических раскопок часто обнаруживались хумы больших размеров, где хранили этот напиток. Виноградарство и производство вин в Фергане были традиционными и широко славилась. По сведениям этнографа Е. М. Пещеровой, вина из кишлака Нурсух (близ Коканда) изготавливались качественно и потому весьма ценились и стоили дорого. Вблизи современного города Намангана существовали специальные мастерские по изготовлению хумов для хранения вин (мусаласа), а в Папе подобные сосуды имели высоту более двух метров²³.

Потребности даваньцев в мясо-молочных продуктах в основном удовлетворялись кочевыми племенами, жившими в горных и предгорных районах, окружавших долину. Помимо этого, продукты производились и самим населением. Особое место в занятиях населения занимало коневодство. Даже в далеких странах ходили легенды о даваньских лошадях. Упоминания о породистых конях Ферганы в летописях встречаются со II в. до н.э., а последние датируются 479 г. н.э.²⁴ Однако, если при этом учесть время, необходимое для их выведения, то получается, что лошади в Эрши выращивались намного раньше II в. до н.э. Кроме того, даваньцы занимались и такими ремеслами, как гончарство, ткачество, металлургия и производство ювелирных изделий.

В Китае сохранились сведения, что в Фергане добывались ртуть, золото и железо. Очевидно неспроста в этом списке ртуть находится на первом месте, ибо и в наши дни она добывается в рудниках Хайдаркана. Железо, серебро и бирюзу получали на юге, севере и северо-западе Ферганы. Об этом, в частности, свидетельствует множество обнаруженных остатков древних рудников.

Согласно источникам, в ту пору необходимая часть золота и серебра привозилась из Китая. По некоторым данным, даваньцы драгоценные металлы использовали не в качестве денежных единиц, а для изготовления дорогостоящих сосудов. Видимо, именно этим

объясняется отсутствие тогда денежного обращения в Фергане. Скорее всего, торговлю с соседними государствами они осуществляли посредством товарообмена. Активизации международной торговли способствовали развитое в государстве земледелие и различные богатые ресурсы. Международная торговля была весьма интенсивной в период функционирования Великого шелкового пути, проходившего также через Фергану, который в то время являлся одним из важных звеньев, соединяющих Китай с другими странами.

В соответствии с китайскими летописями женщины занимали в обществе особо почетное положение, что подтверждают терракотовые статуэтки с изображениями женщин, козла, сайги на некоторых керамических сосудах. Среди отдельных народов существовало поверье, что эти изображения помогают женщинам при родах, а также сохраняют жизнь матери и ребенка.

Для некоторых исследователей эти сведения послужили основанием для выдвижения идеи, согласно которой в Фергане периода Даваньского царства люди поклонялись женскому началу — культу плодородия и связанному с ним культу солнца²⁵. Помимо этого, даваньцы поклонялись культу огня, коня и предков. Таким образом, в их религиозных мировоззрениях наблюдается многообразие. Возможно, именно этим объясняется и различие в погребальных обрядах. Например, существовали следующие виды захоронений: грунтовые, катакомбы и подбойи. Во многих случаях они имели сопровождающий инвентарь — гончарные сосуды, продовольствие и одежду. У даваньцев в канун нового года проводился и такой обряд, как ритуальная борьба (кураш?). Царь и старейшины разделялись на две группы, каждая из которых выбирала представителя для единоборства. Исходя из этого и определялось, каким будет новый год. Примечателен и другой обычай — дарить золотое кольцо в качестве свадебного подарка.

Говоря о культурах и обрядах, необходимо сказать и о культе коня, следы которого обнаружены на археологических памятниках, в частности в Фергане изображения коней зафиксированы более чем на десяти археологических объектах. Сюда, в том числе, входят изображения «небесных коней» на скалах, а также на некоторых гончарных изделиях. В 1993 г. во время раскопок на городище Шурабашат, относящегося к

периоду Даваньского царства, был найден керамический сосуд II—I вв. до н.э., на котором находилось стилизованное изображение коня. Местность вблизи Аравана с наскальными изображениями коней до недавнего времени являлась местом паломничества*. Во-обще культ коня связан с поклонением солнцу и происходит от существовавшего в древние времена огнепоклонничества. По словам Геродота, родственные сакам массагеты приносили в жертву великому боже-ству-солнцу самое быстрое животное — коня²⁶. Древ-ние авторы, высоко оценивая ферганских лошадей, называли их «небесными конями». В ту пору в честь быстроходных аргамаков воздвигали памятники и со-чиняли стихи:

*Вот прославленный конь из ферганской страны!
Как костяк его прочен и накрепко сбит!
Словно стебли бамбука два уха стоят.
Ураган поднимают две пары копыт!**

Мы уже упоминали о том, что в данном государ-стве находились более 70 малых и больших городов, среди которых отмечаются названия только трех: Эрши, Ючен и Гуйшань. Археологические раскопки не толь-ко подтверждают наличие тогда больших городов, но и дополняют их новыми сведениями. К настоящему времени уже обнаружены несколько десятков круп-ных археологических памятников, относящихся к да-ваньскому периоду, который, несомненно, входит в чис-ло вышеуказанных городов. Это, в частности, Шураба-шат (площадь 70 га, вблизи Узгена, Ошская область), Кургашинтепа (вблизи Оша), Янгибазар (10 га, На-укатский район, Ошская область), Мингтепа (38 га, Андижанская область), Кува (12 га, Ферганская об-ласть), Балантепа (9 га, Наманганская область), Учкур-ган 1 (24 га), Актепа (12 га) и Кайнават (15 га, Наман-ганская область)²⁷.

В восточной части Давани располагался город Ючен,

* Здесь следует еще добавить, что в этих районах до сих пор сохрани-лись названия отдельных населенных пунктов, которые так или иначе связа-ны с конями. Например, Асака означает всадник, наездник; Ахтачи—коновал. Б. А. Литвинский термин Асака-Ассакана связывает с саками (Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». Москва, 1972. С. 165).

** Об этих стихах, написанных в середине VIII в., см.: Ло Бо и Ду Фу. Ферганский скакун господина Фана // Избранная лирика / Перевод с ки-тайского. — М., 1987. С. 101.

окруженный мощными стенами и имевший своего правителя. Первоначально ученые локализовали его на месте современного Узгена. Однако Ю. А. Заднепровский, долгое время проводивший археологические раскопки в этом регионе, связывает расположение Ючена с руинами древнего Шурабашата, площадью 70 га, который находился восточнее Узгена. Вероятно, это связано с тем, что под Узгеном не было обнаружено археологических материалов, относящихся к даваньскому периоду. В то же время в Шурабашате зафиксировано наличие нескольких оборонительных стен и слоев, соответствующих этому периоду.

Вторым крупным городом по пути из Китая в Фергану был Эрши, где находилась резиденция правителя. Древние авторы отмечают, что в Эрши выращивали знаменитых небесных лошадей. Город состоял из двух частей: внутреннего и внешнего. Достоверных данных локализации Эрши в источниках нет. Относительно места нахождения данного города существуют разные мнения. Наиболее аргументированное мнение по вопросу локализации Эрши в городище Мархамат (Мингтепа), что в Андижанской области, высказывает А. Н. Бернштам²⁸.

В этой связи вопрос: почему это связано с городищем Мархамат (Мингтепа)? Во-первых, согласно вышеуказанному источнику, Эрши находился в восточной части Ферганской долины; во-вторых, в Мингтепе обнаружены мощная фортификационная система (внутренняя и внешняя стены) и большая площадь (38 га); в-третьих, такого крупного памятника как Мингтепа, в долине больше не выявлено. Следует также добавить, что изображения прославленных китайцами «небесных коней» были выявлены на скале неподалеку от Мингтепа, которые по времени совпадают с периодом расцвета Эрши, датируемые II—I вв. до н.э. Видимо поэтому, исходя из вышеизложенного, большинство исследователей признает локализацию Эрши с руинами Мингтепа.

Следующим городом в царстве был Гуйшань, позже названный Гесай. Он располагался на севере Ферганы, однако до сих пор не решен вопрос относительно его локализации. Еще в 1909 г. В. В. Бартольд соотносил этот город с руинами крепости Муг вблизи города Касанся в Наманганской области. Свое мнение он подтверждал сведениями китайских источни-

ков, где отмечается, что «Лона есть древнее владение Давань, резиденция правителя Гуйшань»²⁹. Позже эта идея была развита А. Н. Бернштамом, который дополнил ее новыми археологическими данными. С этой точкой зрения соглашался и Ю. А. Заднепровский. Однако оба ученых считают, что политической столицей Давани был все же Эрши. Отсюда очевидно следует, что в этом царстве одновременно имелись две столицы. Если вникнуть в суть источников, то становится ясно, что во II в. до н.э. столицей государства являлся Эрши, а в I в. н.э. — Гуйшань³⁰. Возможно в данном случае мы имеем дело с существующей в отдельных странах Востока — летними и зимними резиденциями правителей³¹. Например, в соседнем Кангюе (II в. до н.э.—V в. н.э.) имелись две столицы: летняя — Фаньэй и зимняя — Битянь³². Стало быть, можно допустить существование тогда двух столиц, однако крепость Муг, подразумеваемая как Гуйшань, недостаточно велика по площади. Скорее всего крепость Муг — это укрепленный форпост, нежели столица государства.

Следует отметить, что впервые о государстве Давань упоминается во II в. до н.э., а в последний раз — в III в. н.э. в связи с пребыванием китайского посольства в Фергане в 280—289 гг. после этого о Давани в источниках нет никаких сведений. Уже несколько позже в них содержится сообщение, что посол императора Вэй Дунь Вань в 436 г. отправился в Полону — бывшую Давань³³. Следовательно, к тому времени изменилась политическая ситуация и Давань получила другое название — Полона. Таким образом, государство Фергана на протяжении 400—500 лет существовало под названием Давань.

В течение всей своей истории это государство не попадало под влияние крупных империй и сильных государств, сохранило свою политическую свободу. О том, что древняя Фергана имела свой путь развития, подтверждают и археологические находки. Так, Ферганская долина оставалась в стороне от вторжений иранских Ахеменидов в VI—IV вв. до н.э. и экспансии Александра Македонского, который дошел лишь до Ходжента. Нет сведений и о проникновении в долину Селевкидов. Следовательно, Фергана в течение всей своей истории сохраняла независимость.

Давань являлась государством земледельцев и скотоводов, ремесленников и торговцев со множеством го-

родов, имевших демократическую систему управления. Несомненно и то, что оно оставило заметный след в нашей истории, ощутило повлияло на дальнейшее развитие Ферганы. Примечательно, что Давань мужественно отстояла свою независимость от дважды вторгавшихся с большими силами войск Китайской империи.

Таким образом, государство Давань (Фергана) существовало от IV в. до н.э. и по принципу управления являлось царством. Земледелие и скотоводство в Давани достигло высокого развития. Земледелие было основано на искусственном орошении. Судя по материальной культуре эпохи в Давани были очень развиты разные ремесла. Следует добавить, что развитие производственных сил привело к расцвету городской культуры. Из источников известно, что 25% населения проживало в городах. Становление Великого шелкового пути так же приходится на период расцвета этого государства. В этой межконтинентальной торговле на маршруте от границ восточной Согдианы и до Китайской империи эпохи Тань Фергана обеспечивала безопасность, снабжала провиантом, фуражом, вьючными животными, предоставляла переводчиков и проводников. По своей сути Давань являлась государством земледельцев, скотоводов, ремесленников и торговцев. Это государство оказало влияние и на дальнейшее развитие Ферганы.

Библиография

¹ *Заднепровский Ю. А.* К истории оазисного расселения в первобытной Средней Азии // КСИА. Вып. 167. — М., 1981. С. 23—28; *Его же.* Динамика развития оседлоземледельческой культуры Ферганы // Аральский кризис: Историко-географическая ретроспектива. — М., 1991. С. 186—190.

² *Матбабаев Б. Х.* Некоторые итоги сравнительного изучения расписной керамики чувствской культуры // ИМКУ. Вып. 30. — Т., 1999. С. 41—54.

³ *Сарианиди В. И., Кошеленко Г. А.* Средняя Азия в раннежелезном веке. Заключение // Археология: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. — М., 1985. С. 203; *Анарбаев А.* Города Северной Ферганы в древности и раннем средневековье // ОНУ. 1994. № 1—2. С. 48.

⁴ *Массон В. М.* Средняя Азия в эпоху раннего железа: культурная и социально-экономическая динамика // Раннежелезный век Средней Азии и Индии. Ашхабад, 1984. С. 9.

⁵ *Zadneprovsky Y. A.* Early urban developments in Central Asia // Iran, XXXIII. 1995. P.157.

⁶ *Заднепровский Ю. А.* Древняя Фергана // История Киргизской ССР. Т. I. Фрунзе, 1984. С. 178; *Его же.* Раннежелезный век Ферганы и проблема возникновения Даваньского государства // Ранне-

железный век Средней Азии и Индии // Труды междунар. симпозиума. Ашхабад, 1984. С. 31—34.

⁷ Асқаров А. Ўрта Осиё қадимги дунёсининг асосий хусусиятлари // ЎИФ. 1994. 6-сон. 33-бет; Загнєпровский Ю. А. Раннежелезный век Ферганы и проблема возникновения Даваньского государства. С. 31—33.

⁸ Бичурин Н. Я. (ИАКИНФ). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. ч. II. — М. — Л., 1950. С. 149, 187.

⁹ Там же. С. I IX; Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989. С. 186.

¹⁰ Pulleyblank E. G. Chinese and Indoeuropean // Journal of Royal Asiatic Societe of Great Britan and Ireland. London, 1966. p. 25—30.

¹¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... С. 153.

¹² Бєляева Т. В. Керамика Ходжента как исторический источник // ТД «Средняя Азия и мировая цивилизация». — Т.: 1992. С. 25—26.

¹³ Горбунова Н. Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования) // СА. 1977. № 3. С. 118.

¹⁴ Асқаров А. Ўрта Осиё... С. 33—35; Загнєпровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области (середина I тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.). Фрунзе, 1960. С. 59.

¹⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Ч. II. С. 161.

¹⁶ Там же. С. 186.

¹⁷ Gorbunova N. G. The culture of Ancient Fergana VI centure B. C. — VI centure A. D. British archeological reports. International Servis 281. London, 1986. P. 181.

¹⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Ч. II. С. 149.

¹⁹ Загнєпровский Ю. А. Древняя Фергана. С. 180.

²⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Ч. II. С. 161.

²¹ Материалы по истории с юнну (по китайским источникам). Вып. II. М., 1973. С. 147.

²² Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Ч. II. С. 161.

²³ Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. Серия. Т. XIII. — М. — Л., 1959. С. 261, 293.

²⁴ Загнєпровский Ю. А. Древняя Фергана. С. 188.

²⁵ Gorbunova N. G. I bid. P. 194—196.

²⁶ Беленицкий А. М. Конь в культурах и идеологических представлениях народов Средней Азии и Евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. Вып. 154. — М., 1978. С. 31—39; Gorbunova N. G. I bid. P. 195—209.

²⁷ Матбобоев Б. Х. Фаргона қадимий шаҳарларини жойлашган ўрни муаммолари // ЎИФ. 195. 9-сон. 78 бет.

²⁸ Бернштам А. М. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. № 26. С. 228—230.

²⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Ч. II. С. 260.

³⁰ Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. — VII в. н.э. (Историко-географический обзор по древнекитайским источникам). — М., 1989. С. 56.

³¹ Ибрат. Фаргона тарихи. // Мерос. — Т.: 1991. 283 бет.

³² Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Ч. I. С. 184.

³³ Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии... С. 104—130.

**РАЗВИТИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
УЗБЕКИСТАНА В ПЕРИОД
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ И ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВЛАДЕНИЯМИ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ДВУРЕЧЬЯ

В середине VI в. на Алтае (Южная Сибирь и Северная Монголия) сложилось кочевническое государство, которое сыграло важную роль в истории Средней Азии, — Тюркский каганат (551—744 гг.). Первое упоминание названия «тюрк» относится к 542 году. В письменных источниках оно именуется по-разному: в китайских — «туцзуе», в ираноязычных — «турк», само название народа, судя по сохранившимся надписям, было «тюрк». Термин «тюрк» («сильный, крепкий») первоначально имел не этническое, а социальное значение. Так назывались только представители знати и военная аристократия монголоидного племени ашина и подчинявшихся ему близкородственных племен, составивших ядро нового государственного образования. Впоследствии тюрками стали именовать более обширный союз племен, а также подчинившиеся им народы. Старое же название ашина было династийным именем правившего рода.

Первые сведения о племени турк содержатся в китайских династийных хрониках Чжоу шу, Бей ци шу, Суй шу, Бей ши. Наряду с собственно историческими свидетельствами о ранней истории данного племени в них воспроизведены и две генеалогические легенды, записанные со слов тюркских информаторов. Согласно первой легенде, предки тюрков, жившие на краю большого болота (по Бей ши и Суй шу — на правом берегу «западного моря») были истреблены войсками соседнего племени. В живых остался десятилетний мальчик, которого спасла волчица. Скрываясь от врагов, она бежала в горы севернее Гаочана (Турфанский оазис). Там волчица родила десять сыновей, которые затем женились на женщинах из Гаочана и создали свои роды: один из сыновей волчицы носил имя Ашина, ставшее именем его рода. Ашина был вождем племени, число родов которого увеличилось до нескольких сотен. Один из наследников Ашина Асян-шад вы-

вел потомков волчицы из гор Гаочана и поселил их на Алтае, где они стали подданными жуань-жуаней (аваров), добывая и обрабатывая для них железо. На Алтае племя приняло наименование турк, которое, в соответствии с легендой, было связано с местным названием Алтайских гор.

Согласно второй легенде, предки племени турк происходили из владения Со, локализуемого Н. А. Аристовым на северных склонах Алтая. Глава племени Абанбу имел семнадцать братьев, один из которых был назван «сыном волчицы». Владение Со было уничтожено врагами, а спасшиеся роды рассеялись. Благодаря сверхъестественным способностям «сына волчицы» его род оказался в наиболее благоприятном положении.

На основании сведений легенд С. Г. Кляшторным была воссоздана ранняя история тюрков, которая выглядит следующим образом. Племя ашина иммигрировало в Ганьсу после 256 года, в период массового переселения за Великую китайскую стену гуннских и зависевших от гуннов племен Центральной Азии и Южной Сибири. Возможно, что до переселения племя населяло район Си хай (низовья реки Эдзин-гол). Во время обитания в Ганьсу племя ашина приняло в свой состав новый этнический компонент автохтонного не-китайского и негуннского населения страны. Здесь они создали государство Северное Лян, после разгрома которого в 439 году бежали в Гаочан, где вскоре, после 460 года, попали под власть жуань-жуаней и были переселены к южным отрогам Алтая. Только после этого племя приняло наименование турк, а старое название Ашина стало династийным именем правившего рода по имени матери основателя племени.

Не отрицая возможной связи племени ашина с Алтаем и Сибирью до момента миграции в район к югу от Великой китайской стены, С. Г. Кляшторный отмечает, что лишь после 460 года в предгорьях Южного Алтая сложилась группировка племен, возглавлявшаяся вождями Ашина, которая в 552—555 гг. нанесла сокрушительный удар Жуань-жуаньскому Каганату¹.

Возникновение Тюркского каганата относится к 552 году, когда тюрки под предводительством Бумына / Тумыня из рода Ашина разгромили жуань-жуаней. С этого времени тюркские владетели приняли титул каганов, утверждая себя в качестве восприемников и бы-

лой мощи жуань-жуаней и всех их владений. Первым правителем стал Бумын с тронным титулом Или-каган. При его сыне и наследнике Коло (Кара-каган) жуань-жуаням было нанесено еще одно поражение (553 г.), а Мухан-каган, брат Кара-кагана, завершил их разгром в 555 году. Большая часть жуань-жуаней бежала на запад, где они стали известны под именем аваров. В годы правления Мухан-кагана (553—572) каганат стал политическим гегемоном Центральной Азии: были покорены кидани в юго-западной Манчжурии, кыргызы на Енисее и другие племена. Данниками тюрков стали северокитайские племена.

В это же время начались активные военные кампании тюрков на западе против жуань-жуаней и эфталитов. Еще где-то в 552—553 годах Истеми как предводитель «десяти туменов войск» сопровождал Бумына во время одного из походов, в результате которого подчинил себе тюрков Семиречья и эфталитов, населявших территорию Алтая и «объявил себя каганом, назвавшись «десятиплеменным»² — крайней западной точкой военной экспедиции тюрков в 552 г. Следующая кампания на запад продолжилась в 555 году. По неполным сведениям источников западную границу продвижения тюркских войск условно можно обозначить по среднему течению Сырдарьи (севернее Ташкентского оазиса) и до Аральского моря. В письменных памятниках крайний предел продвижения тюркских войск Истеми в 555 году обозначен как Темиркапыг (Железные ворота) — средневековое название горного прохода из Согда в Тохаристан, располагавшегося в Байсунских горах.

Уже при первых вторжениях в Среднюю Азию тюрки столкнулись с эфталитами, в государство которых входила основная часть Средней Азии. Завоевание Среднеазиатского Междуречья тюрками происходило при дипломатической поддержке Сасанидского Ирана, вынужденного выплачивать огромную дань эфталитам после поражения, нанесенного войскам Пероза в конце V века. Во время правления Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.), в результате его активной реформаторской деятельности, Иран консолидировался и достиг такого военного могущества, что отказался от уплаты дани эфталитам. Хосров I заключил союз с тюрками с целью сокрушить эфталитов. По Динавери, события разворачивались следующим образом. Хосров I отпра-

вил войска против эфталитов и завоевал Тохаристан, Забулистан, Кабулистан и Чаганиан. Тогда царь тюрков собрал свой народ и пошел в поход против Хорасана; он овладел Чачем, Ферганой, Самаркандом, Кешем, Несефом и дошел до самой Бухары³. Разгром эфталитов тюрками произошел, по мнению разных исследователей, между 560—567 годами⁴. В результате военных столкновений прежде всего пострадало население — «В Чаче, Тереке (т.е. Параке), Самарканде и Согде много мест было разорено и стало местопребыванием сов. Для жителей Чаганиана, Бамиана, Хутлана и Балха — для всех их наступили дни черные и горькие»⁵.

Непосредственно после разгрома Эфталитского государства завоеванные территории подпали под верховную власть победителей: по договору тюркам отошли области к северу от Амударьи, южные принадлежали Ирану. Однако тюрки не раз нарушали границу и вторгались в Тохаристан. В 588 году тюрки по сведениям Фирдоуси и арабских историков форсировали Амударью, захватили весь Тохаристан и прошли на запад вплоть до Герата. В начале VII в. Иран предпринимает попытки разгромить тюрков и эфталитов правобережного Тохаристана. Хотя иранский полководец Сambat Багратуни и одержал победу, эти области уже не подчинялись иранцам; вскоре они были изгнаны и тюрки окончательно закрепились в Тохаристане⁶.

После разгрома эфталитов между союзниками возникли трения, вызванные противоречиями между их экономическими интересами, в частности установления контроля на торговых трассах, издревле проходивших через Среднюю Азию из Китая в Византию. В период союзнических взаимоотношений Тюркского каганата с Ираном по инициативе согдийцев было решено направить посольство в Иран с целью договориться о транзитном провозе шелка через его территорию в Византию. Посольство возглавлял Маниах — согдийский купец. Однако оно потерпело полный провал — закупленный привезенный шелк в присутствии послов был сожжен. После фиаско второго посольства, в составе которого были лишь тюрки, отношения союзников достигли критической точки, приведшей к активизации военных столкновений между Ираном и Тюркским каганатом.

Тогда правительство каганата решило установить

политические контакты с Византийской империей — соперницей Ирана. В 588 году посольство во главе с Маниахом выступило вдоль северного побережья Каспия и прошло через Кавказ в Византию. В результате был заключен договор, носивший военный характер и направленный против Ирана. В том же году посольство отправилось назад, причем в его составе находилось и ответное посольство византийцев во главе с Земархом. С этого времени византийско-тюркские взаимоотношения стали постоянными, поскольку вслед за первым последовали и другие посольства⁷.

Таким образом, со второй половины VI в. Тюркский каганат стал политическим гегемоном Центральной Азии. Были покорены кидани в Манчжурии, кыргызы на Енисее, разгромлены эфталиты в Средней Азии. В 576 году тюрки захватили Боспор Киммерийский (Керчь). Была создана огромная кочевая империя на пространстве от Корейского залива на востоке до Каспийского моря на западе, на юге от пустыни Гоби до озера Байкал на севере. Каганат включился в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени — Византии, Сасанидского Ирана, Китая и стал вести борьбу за контроль на Великом шелковом пути.

Вся история Тюркского каганата была наполнена непрерывными войнами и междоусобной внутренней борьбой, в результате чего между 581 и 603 годами⁸ он распался на две части: Восточнотюркский и Западнотюркский каганаты. Под верховной властью Западнотюркского каганата, основное территориальное ядро которого находилось в Семиречье, оказались и оседло-земледельческие оазисы Восточного Туркестана и Средней Азии.

Вскоре после разделения, в 630—682 годах, быстро ослабевший Восточнотюркский каганат потерпел поражение от Китайской империи и фактически прекратил свое существование. В это время Западнотюркский каганат достиг своего расцвета. Во время правления Тардуш-хана (Датюу) тюрки укрепили свои позиции в Средней Азии и вели активные военные действия на востоке против племен теле и сеньято, позднее, в 615—619 годах, окончательно покоренных западными тюрками. Продолжалась активная внешняя политика и на западных рубежах — в 627 году тюркские войска участвовали в Закавказье в войне между

Византией и Ираном на стороне Византии. 630—651 годы ознаменовались междоусобицами внутри каганата. В 651 году основные силы западных тюрков во главе с Ашина хэлу были разбиты китайскими войсками. Земли Западнотюркского каганата Китай разделил на округа во главе с китайскими чиновниками тюркского происхождения. Однако зависимость этих владений от Китая была номинальной, тем более что усилившийся в 70-х годах VII в. Тибет фактически отделил Китай от Средней Азии. На месте Западнотюркского каганата возник Тюркешский каганат (702—756 гг.).

Однако тюркские племена не примирились с потерей независимости. Ряд крупных восстаний привел к образованию в 682 году Второго Тюркского каганата во главе с каганом Ильтересом (Гудулу в китайских источниках), принадлежавшим к правившему роду Ашина. В правление брата Ильтереса Мочжо (Капаган-каган на тюркских надписях) из-под власти Танской империи были освобождены тюрки и племена теле, обитавшие в Монголии. Основной территорией Второго каганата были земли к северу от пустыни Гоби, а ставка кагана находилась в горно-лесистой местности Отукен в районе реки Орхон. Южная граница проходила в Северной Монголии, а северную окраину составляли Алтай и Тува. С именем Капаган-кагана связаны новые походы в Среднюю Азию: в 711 году против тюркешей Семиречья, разбив которых в 712 году он пришел на помощь осажденному арабами Самарканду, но потерпев поражение, был вынужден повернуть обратно. Вслед за гибелью Капаган-кагана и после правления его преемника Бильге (Могиляна) начались междоусобицы, ослабившие и приведшие, в конечном итоге, к гибели Второго Тюркского каганата в 744 году⁹. Основными союзниками среднеазиатских владетелей в их борьбе против арабского нашествия стали тюркешы во главе со своим каганом Сулу, получившим среди арабов прозвание Абу Музахим — «слон»¹⁰.

Для того чтобы понять, как на практике осуществлялись взаимоотношения тюрков со среднеазиатскими владетелями, необходимо рассмотреть принципы организации власти внутри древнетюркских государственных образований. Социально-экономичес-

кий строй внутри каганата реконструируется исследователями¹¹ на основании свидетельств письменных источников, оставленных как самими тюрками, так и китайскими хронистами и арабскими историками.

По представлениям древних тюрков средоточием государственности, лицом, воплощавшим в себе государство, являлся каган или, точнее, правившая династия каганов. Она порождалась тремя силами — волею и силою — Неба (Тэнгри), волею и силою Земли-Воды (Эр-Сут) и деятельностью самого тюркского народа¹².

Супруга кагана титуловалась хатун. Как отмечала О. И. Смирнова, позже этот титул вошел в согдийский язык и мог обозначать супругу правителя вообще, безотносительно к этнической принадлежности ее носительницы¹³.

Порядок престолонаследия определялся в соответствии с удельнолествичной системой, характерной для тюркской государственной структуры. Согласно ей, престол переходил не от отца к сыну, а к младшему брату от старшего, к старшему племяннику от младшего дяди. В ожидании своей очереди принцы крови получали в управление уделы¹⁴. Принцип рассредоточения власти был традиционным способом управления в кочевых государствах Центральной Азии, поскольку он давал двойной эффект: обеспечивались стабильность управления и оборона в условиях господства кочевого скотоводства, а также относительный покой в правившем доме.

За многие годы существования тюркских каганатов имелись различные формы рассредоточения власти: делегирование ее на места, в том числе с присвоением региональным правителям титулов каганов. В период междоусобиц, в 581 году, Эрфу Нету (Шету), имевший титул Шаболо-каган, назначил еще трех каганов. Разделенность Тюркского государства на сферы управления определила наличие младших каганов. Однако всегда предполагалось, что великий каган один¹⁵. Главной его прерогативой и функцией, по свидетельству надписей, являлось посредничество между божествами и народом¹⁶.

Основу государства составлял народ, соединенный с землей. Тюркское государство, развивавшее самостоятельные и традиционные центральноазиатские формы государственности, опиралось на определенные социальные структуры общества и на организованную

или контролировавшуюся им хозяйственную деятельность древних тюрков. Основой этой деятельности было кочевое скотоводство, в небольших масштабах занимались и земледелием. Китайский источник подчеркивает, что тюрки «хотя и не имеют постоянного места жительства, но каждый имеет выделенный ему участок земли»¹⁷.

Кагану в управлении государством помогали его сородичи, прежде всего члены правившего каганского рода, и создававшийся им аппарат управления. Судя по древнетюркским надписям, он подразделялся на четыре группы: родичи, союзные кагану племена и народы; чиновники-администраторы, размещавшиеся справа от кагана; чиновники-администраторы, размещавшиеся слева от кагана. Родственники кагана — сыновья, дядья, племянники и братья носили титул тегин (тэле). По сведениям китайских источников, основной штат чинов древнетюркского государства включал 28 единиц, причем высших чиновников было всего пять единиц: еху (ябгу), шэ (шады), тэле (тегины), сылифа (эльтеберы) и тутуньфа (тутуки). Остальные 23 относились к младшим чиновникам. Все должности были наследственными. Должность тутуков была связана с управлением подчиненными тюркам народами; как отмечает китайский источник, в их задачу входило «надзирать за подчиненными» и «собирать налоги»¹⁸.

Об организации тюркской армии в письменных источниках содержится мало сведений. Выявлено членение тюркской «орды как войска» на правое и левое крыло¹⁹. Подразделения тюркского войска, упоминаемые в китайских хрониках танского времени, кратны десяти, что, по мнению Ю. С. Худякова, позволяет предполагать у тюрков наличие «азиатской» десятичной системы деления войска и народа, среди которых выделялись телохранители (панцирная гвардия каганов из рода Ашина)²⁰. Отдельные крупные формирования в 10, 20 и 40 тысяч находились под командованием шадов или ябгу. Обычно в пору расцвета тюрки как при Первом, так и при Втором каганате могли выставить 100 тысяч воинов. Служба в армии была повинностью, но как она регламентировалась неизвестно²¹.

Нетюркские народы и тюркские племена включались в состав Тюркского государства силой оружия. Завоеванные враги — чужеземцы и управлялись ина-

че — они могли сохранять свои социальные структуры и ими ведал наместник — тутук. По мнению Е. И. Кычанова, главным в инкорпорации нетюркских народов в тюркский эль являлось подчинение, а следовательно, в строгом смысле слова не было конфедерации или федерации. Существовало государство, в котором свой народ был устроен по административному (военно-административному) принципу и который мог использовать формы родоплеменной организации. Чужой народ был подчинен, и если на него не распространялась своя административная организация, то он сохранял свои социальные структуры и управлялся наместником²².

Тюркское общество делилось на людей лично свободных — бош и рабов — куль-кюн. Источники практически не содержат сведений об использовании рабского труда. С. Г. Кляшторный отмечает преимущественное использование женского труда, подчеркивает домашний характер рабства²³. В обществе тюрков господствовала частная собственность на скот, рабов и прочее имущество. Скот клеймили знаком собственности — тамгой. По мнению Ю. А. Зуева, у кочевников-тюрков при слабой дифференциации собственности, когда не существует собственности отдельного лица, а семейная собственность осознается как родовая, показателем власти над основным видом их имущества было таврение родовыми тамгами²⁴.

Тюркское государство имело достаточно полно разработанное уголовное законодательство. Основными видами наказания являлись смертная казнь, композиция и талион. Смертная казнь полагалась за антигосударственные преступления (мятеж, измена) и совершение убийства. Казнь за убийство являлась талионом. Талионом было и отрезание половых органов у развратника — наказание того органа, которым было совершено преступление. Остальные преступления против личности наказывались композицией — возмещением убытков краденого в десятикратном размере; за ранения и травмы отдавали имущество и дочь или жену в рабство, за перелом кости — лошадь²⁵.

Идеологической основой тюркских каганатов были шаманизм, культы предков, Неба (Тэнгри) и Земли-Воды (Ер-Сут), которые являлись государственными культами. Также был распространен культ богини Умай — покровительницы воинов и детей²⁶. Однако по

крайней мере верхушка тюркского общества была знакома с буддизмом. Так, по сведениям китайских источников (Суй шу), находясь в плену у тюрков шаман из государства Ци с монашеским именем Хуэй Линь успешно проповедовал буддизм Тобо-кагану, который лично постился и совершал церемониальные обходы пагоды. Эти события относятся к 574—584 годам²⁷. Для того периода отмечается сильное влияние азиатских религий, прежде всего маздеизма и буддизма. Например, в бугутской согдоязычной надписи сообщается об «учреждении большой новой сангхи»²⁸.

Несмотря на сведения Суй шу о том, что тюрки «письменности не имеют, деловые документы составляют, делая зарубки на дереве», известны памятники древнетюркской рунической письменности, алфавит которой развился на основе одной из разновидностей согдийского письма. Приспособление согдийского алфавита к тюркскому языку произошло, как считает С. Г. Кляшторный, не позднее IV—V вв. в оазисах Восточного Туркестана. Этот тип тюркской руники был весьма неразвитый и примитивный, хотя и не получил государственной протекции в Первом Тюркском каганате и некоторое время употреблялся среди тюркоязычного населения западной части Центральной Азии. В дальнейшем, не позднее VII в., старое руническое письмо было коренным образом реформировано под определяющим влиянием согдийского алфавита, после чего стало нормативным государственным письмом Второго Тюркского каганата²⁹.

Военно-политическое господство тюрков и характерная для тюркской государственной структуры организация власти должны были взаимодействовать с традициями политического и административного устройства оседлоземледельческого Среднеазиатского Двуречья, раздробленного на мелкие самостоятельные владения.

Первоначальная политика тюрков, захвативших Среднюю Азию, заключалась в обложении данью местных правителей, прежние же династии сохранялись, оставались неизменными и порядки, существовавшие в тех или иных владениях. Отношения тюрков, как ранее эфталитов с согдийцами, приняли характер государственного верховного сюзеренитета³⁰.

Период вхождения среднеазиатских государств в состав Тюркского каганата характеризовался довольно

высоким уровнем их культурного развития, чему способствовала установившаяся в середине VI в. стабильность на торговых трассах международной торговли, контролировавшихся тюрками. Права отдельных владельцев на участие в международной торговле также регламентировались Тюркским каганом. Например, разрешение на посольство в Иран согдиец купец Маниах должен был получать от Истеми-кагана. Когда в 568 году византийское посольство Земарха возвращалось в Константинополь, то некоторые среднеазиатские владельцы просили разрешения отправить в Византию и свои посольства. Истеми-каган всем отказал, кроме правителя Хорезма³¹.

Наиболее разнообразными источниками по истории взаимоотношений тюрков с местными владельцами характеризуется время существования Западно-тюркского каганата. К ним, прежде всего, относятся свидетельства китайской хроники Суй шу о браке дочери Датоу-кагана (575/6—603 гг.) с правителем Согда Дайшеби. Здесь же отмечается, что «законы и письменность там тюркские»³². Для более позднего времени мы имеем некоторых правителей Самарканда и Пенджикента тюркского происхождения. Как отмечает В. А. Лившиц, престолонаследия в Согде не существовало; во всяком случае в Пенджикенте в 709 году тюрка Бильга, отец которого — Йодхшетак — не был правителем, сменил согдиец Деваштич³³.

Социальное устройство Согда конца VII—начала VIII в., правовые взаимоотношения между тюрками и согдийцами и другие аспекты внутригосударственной жизни нам известны благодаря согдийским документам с горы Муг, детально исследованным учеными³⁴. Мы лишь обобщим важные для нашей темы данные.

В согдийских документах зафиксирован обширный круг социальной терминологии, позволяющей предполагать о существовании развитой иерархии феодального типа. Основными категориями знати являлись представители правивших домов (чжао-у в китайских источниках) и земельная аристократия — дихкане (владельцы — азимы и простые), после чего шли многочисленные азаты (азаткар — народ, люди), высшее сословие которых составляла титулованная знать. Азаты несли постоянную княжескую службу и были освобождены от податей. Основное население, облагавшееся податями, составляли работники (кариккар) — ре-

месленники и крестьяне. Последнюю ступень социальной лестницы занимали рабы — пожизненные и временные, а также слуги различных категорий.

В основе благосостояния кадивара лежала земельная собственность (семьи, рода) на какие-то категории земли, о чем, в частности, свидетельствует факт ее продажи, засвидетельствованный купчей на земельный участок, сохранившейся в Мугском архиве (док. В 8). Характер этого документа был установлен В. А. Лившицем. Купчая включает следующие основные пункты: дата составления, договаривавшиеся стороны, предмет сделки и условия, на которых эта сделка заключена, имена свидетелей и имя (или должность) лица, ответственного за составление документа. Стоимость участка зафиксирована в драхмах. Любопытно, что его цена равнялась стоимости куска шелковой ткани, которой расплачивались с воинами в тюркской армии³⁵.

Другим источником дохода дихкан были мельницы, принадлежавшие крупнейшим из них, в первую очередь ихшидам. Об этом свидетельствует другой документ из Мугского архива — арендный договор на мельницу³⁶. В раннее средневековье имели место две формы эксплуатации мельниц: сдача в аренду и собственная эксплуатация. Еще одной статьей дохода того же порядка являлись базары, где значительная часть лавок составляла собственность дихкан, кроме того, некоторым из них принадлежали целые кварталы, с которых они получали постоянный доход. В Согде было развито ткацкое ремесло, в особенности хлопко- и шелкоткачество. Не менее развитым было и кожевенное дело. Предполагается, что в домусульманское время в Согде, по аналогии с позднейшим временем, существовали специализированные казенные мастерские по производству оружия. Постоянными предметами выдачи разным лицам, в том числе и должностным, были кольчуги, рубахи к ним, шлемы и обувь. Все это фиксировалось в специальных реестрах в канцелярии пенджикентского правителя Деваштича (А 5 и Б 1). Мастерские по обработке кож, из которых кожи поступали в казну Деваштича, имелись в верховьях Зарафшана. Известно, что значительная часть кож поступала в оседлые районы от кочевников-тюрков (они же поставляли убойный и вьючный скот). Тюрки привозили кожи в необработанном виде, которые уже на месте

дубились оседлым населением. Так, по словам географов, обстояло дело в Шаше³⁷.

О существовании в Согде развитой гражданской юриспруденции свидетельствует и так называемый брачный контракт из Мутского собрания³⁸. Он был заключен при вступлении в брак представителей сословия азатов Уттагина и подопечной, она же жена навикатского государя Чера. В. А. Лившиц в соответствии со структурой данного документа выделил восемь статей, касающихся взаимных обязательств сторон. Анализ текста привел исследователя к выводу о существовании в Согде полигамии, но многоженство было характерно лишь для знатных азатов и зажиточных семей³⁹.

Согдийская знать входила в тюркскую иерархию, а предводители, селившиеся рядом с оазисами групп тюрков, включались в местную политическую систему⁴⁰.

По мнению О. И. Смирновой, на основании имеющихся свидетельств письменных источников можно заключить, что уже в первой четверти VIII в. земледельческая знать Согда стала формироваться из осевших здесь тюрков⁴¹.

В экономике Средней Азии, в частности Согда, важнейшую роль играла как внешняя, так и внутренняя торговля. О важной роли согдийских купцов в международной торговле свидетельствуют согдийские колонии в Турфанском оазисе, просуществовавшие до X в. Об этом мы знаем из писем согдийских колонистов (IV в.) своим родным в Самарканд и Бухару, в которых они сообщают о торговых сделках, закупке товаров на медь, серебро и золото, о ценах на их товары, а также жалуются на затруднения, вызванные беспокойным временем⁴².

Сведения о внутренней торговле в основном сосредоточены в китайских источниках и более поздних мусульманских. Все они сходятся на том, что искусство согдийцев в торговле было столь велико, что по словам паломника Сюань Цзяня (629 г.), половина жителей страны занималась земледелием, а половина — торговлей⁴³. Самарканд — главный город Согда, был одновременно его торгово-промышленным центром и играл роль крупного узлового пункта на караванном пути. В нем сосредоточивались наибольшее количество иноземных товаров, а также основная масса продукции местного ремесла. Крупнейшими торговыми городами были также Пайкенд, Иштихан и Арбиджан,

а также торгово-промысловые селения Тававис и Зан-дана. Бухара славилась своими ювелирными изделиями. Так, согласно местной легенде, в числе бухарской дани Самарканду ежегодно посылались серебряные зайцы и золотые газели, изготовленные местными ремесленниками. Ярким показателем состояния внутренней торговли служат местные рынки, описания которых известны в письменных источниках, а также широкое распространение денежного обращения в раннесредневековом Согде⁴⁴. Под влиянием местных традиций происходило и производство монет, выпускавшихся правителями тюркского происхождения в отдельных среднеазиатских уделах в начале VIII в. Монеты содержат согдоязычные легенды, передающие тюркские титулы. Кроме Семиречья, древнетюркские монеты выпускались в отдельных уделах Согда, Чача и Ферганы, однако, судя по их ограниченному количеству и ареалу, они имели локальный характер обращения⁴⁵.

Материальная культура Средней Азии времени ее вхождения в тюркские каганаты отражает общность местных оседлых народов и кочевников тюрков. Их общность проявлялась в сходстве предметов вооружения, украшениях, форме посуды из драгоценного металла, т.е. предметах, связанных с воинской, аристократической средой среднеазиатского общества. Общность в материальной культуре прежде всего связана, по мнению исследователей, с общностью интересов согдийских городов и тюркских каганов⁴⁶.

Включение Средней Азии в состав тюркских каганатов имело положительное значение. Оно способствовало консолидации тюркских племен, заложило основы формирования ряда тюркоязычных народов Средней Азии. Сильная военная организация каганатов воздвигла мощный заслон агрессивным поползновениям Китая и Ирана в отношении народов Средней Азии. Образование обширных государственных объединений давало благоприятную почву для развития ремесел и торговли. Практиковавшееся тюрками создание поселений из согдийских колонистов в Центральной Азии способствовало оживлению экономической жизни в глубинных районах степи. Последнее обстоятельство наложило отпечаток на облик экономики и культуры каганатов, характеризовавшихся слиянием оседлоземледельческого, состоявшего из небольшой части осев-

ших на землю тюрков и согдийского населения, занимавшего основные позиции в земледелии, ремесле, торговле и культурной жизни государств, и кочевого тюркского населения, господствовавшего в политическом отношении и экономически базировавшегося на кочевом производстве⁴⁷.

Подытоживая все вышеизложенное, можно заключить, что принципы государственности, существовавшие в государствах среднеазиатского Двуречья до включения их в состав Тюркского и Западнотюркского каганатов, получили в VI—VII вв. свое дальнейшее развитие. Включив в себя некоторые, характерные для тюркских кочевнических государств, черты и приспособив их для условий земледельческого хозяйственного уклада, государственность приобретает характер симбиоза древних традиционных для Средней Азии, и новых, привнесенных тюрками-кочевниками традиций. При этом оформляется политический союз, федерация самостоятельных и полусамостоятельных среднеазиатских владений, благодаря чему народы Средней Азии смогли долгое время сдерживать продвижение арабских войск под предводительством Кутейбы.

Библиография

¹ Кляшторный С. Г. Проблема ранней истории племени турк (ашина) // Новое в советской археологии. МИА. 130 — М., 1965. С. 278—281.

² Зуев А. Ю. Западнотюркский каганат // История Казахской ССР. Т. 1. — Алма-Ата, 1977. С. 325.

³ Noldeke T. Geschichte der Persen und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1879. P. 158—159.

⁴ Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Душанбе. 1989. С. 274.

⁵ Фирдавси Абулкосим. Шахнамэ. Ч. VIII. Душанбе, 1966. С. 264—265; Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. МИА. № 15. 1950. С. 112.

⁶ Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turks) Occidentaux. Sankt-Peterburg, 1903. P. 24, 130.

⁷ Пугулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М. — Л. 1951. С. 203.

⁸ Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. — М., 1981. С. 29; Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. — М., 1997. С. 95; Гафуров Б. Г. Таджики... С. 271; Зуев Ю. А. Западнотюркский каганат. // История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1977. С. 329.

⁹ Степи Евразии... С. 29; Гафуров Б. Г. Таджики... С. 271; Бартольд В. В. Очерк по истории Семиречья. Сочинения. Т. 2, ч.1. — М., 1963. С. 245.

¹⁰ Детальное исследование о борьбе среднеазиатских народов против арабского завоевания см.: *Смирнова О. И.* Из истории арабских завоеваний в Средней Азии. // СВ. 1957, № 2. С. 119—134; *Лившиц В. А.* Юридические документы и письма. // СДГМ. Вып. 2. — М. 1962. С. 77—91; *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964. С. 153—155.

¹¹ *Бернштам А. Н.* Социально-экономический строй орхоненнисейских тюрок VI—VIII вв. — М. — Л. 1946; *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники...; *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута // СНВ 1971. № 10. С. 121—136; *Зуев Ю. А.* Западнотюркский каганат... С. 321—350; *Кычанов Е. И.* Кочевые государства...

¹² *Кычанов Е. И.* Кочевые государства... цит. соч. С. 98—100.

¹³ *Смирнова О. И.* Заметки о среднеазиатской литературе (по монетным данным) // ЭВ, XIV, 1961. С. 62.

¹⁴ *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. — М., 1967. С. 58.

¹⁵ *Кычанов Е. И.* Кочевые государства... С. 107.

¹⁶ *Кляшторный С. Г.; Лившиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута. // СНВ, X. 1971. С. 132.

¹⁷ *Кычанов Е. И.* Кочевые государства... С. 114.

¹⁸ Там же. С. 102—105. Здесь же о значении приведенных и других тюркских титулов.

¹⁹ *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. С. 60.

²⁰ *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 267.

²¹ *Кычанов Е. И.* Кочевые государства... С. 113.

²² Там же. С. 117—118.

²³ *Кляшторный С. Г.* Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.

²⁴ *Зуев Ю. А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств (перевод из китайских сочинений VIII—X вв. Танхуйяо 3, гл. 72, с. 1305—1308) // Труды ИИАЭ АН КазССР Т. 8. Алма-Ата, 1960. С. 97.

²⁵ *Кычанов Е. И.* Кочевые государства... С. 110.

²⁶ *Кляшторный С. Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // ТС 1977 (1981). С. 117—138.

²⁷ *Кычанов Е. И.* Кочевые государства... С. 112.

²⁸ *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып. X. — М. 1971. С. 132—133.

²⁹ *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская культура в свете древнейших тюркских текстов // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 13. М., 1988. С. 103—104.

³⁰ *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Кочевники и Согд // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 423.

³¹ *Макрынин В. П.* Раннефеодальные государства VI—X вв. // История Киргизской ССР Том. I. Фрунзе. 1984. С. 234.

³² *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах... — М.—Л. 1950. Т. 2. С. 280—281.

³³ *Лившиц В. А.* Правители Пенджикента VII — начала VIII вв. // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977. С. 45.

³⁴ Согдийские документы с горы Муг. (СДГМ). Вып. 2. Юридические документы и письма (Чтение, перевод и комментарий В. А. Лившица), — М., 1962; *Смирнова О. И.* Очерки из истории Согда. — М., 1970; *Гафуров Б. Г.* Таджики... Т. 1. С. 372.

³⁵ СДГМ. Вып. II. С. 45—58; *Смирнова О. И.* Очерки... С. 108—109.

³⁶ *Лившиц В. А.* Согдийский документ В-4 с горы Муг // ВДИ 6. 1959. С. 123—138.

³⁷ *Смирнова О. И.* Очерки... С. 113—123.

³⁸ СДГМ 2... С. 17—45.

³⁹ *Смирнова О. И.* Очерки... С. 74—76.

⁴⁰ *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Кочевники и Согд // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 423.

⁴¹ *Смирнова О. И.* Очерки... С. 40.

⁴² *Смирнова О. И.* Очерки... С. 125; *Henning W. D.* The date of the sogdian ancient letters // BSOS, V. XII. 1987. P. 3—4, pp. 600—615.

⁴³ *Мангельштам А. М.* Средняя Азия в VI—VII вв. // Очерки по истории СССР. Т. 2 — М., 1958. С. 367.

⁴⁴ *Смирнова О. И.* Очерки... С. 127—139.

⁴⁵ *Баратова Л. С.* Древнетюркские монеты Средней Азии VI—X вв. (типология, иконография, историческая интерпретация). Автореф. дис. канд. ист. наук. Ташкент, 1995; *Baratova L.* Alttürkische Münzen Mittelasiens afus dem VI—X. Jh. n. Chr. Typologie, Ikonographie, historische Interpretation // AMT, Band 31. Berlin, 1999. S. 219—292.

⁴⁶ *Распопова В. И.* Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв. // КСИА. Вып. 122.—М., 1970. С. 86—91.

⁴⁷ Степи Евразии в эпоху средневековья // АС.—М., 1981. С. 30.

ГОСУДАРСТВО ГАЗНЕВИДОВ

Основатель газневидской династии амир Насир ад-Дин вад-даула Себук-тегин Гази был тюркского происхождения. Согласно одной из существующих версий, Себук-тегин происходил из местности Барсхан, что на берегу Иссык-Куля, правителем которой был карлук. В связи с этим В. В. Бартольд полагал, что и сам Себук-тегин являлся карлуком¹. Во время войны с другим тюркским племенем тухси он был захвачен в плен и продан на рынке невольников в Чаче². Существует и иное мнение, высказанное В. В. Бартольдом, что после захвата в плен Себук-тегина его доставили в Нишапур, где он был куплен амиром Алп-тегином³. Наконец, Ш. Шефер считал, что Себук-тегин был приобретен в Туркестане, а затем его доставили в Бухару, где он был куплен купцом по имени Наср ходжи⁴.

К тому времени Алп-тегин, также выходец из тюркских гулямов, занимал видное место в иерархической

структуре Саманидского государства, являясь правителем пользовавшегося большой свободой владения на юго-востоке Афганистана со столицей в Газне, которую он взял штурмом 12 января 963 года⁵. Затем он отразил посланные против него саманидским амиром Мансуром б. Нухом войска и присоединил к своим владениям Буст и другие города⁶. Скончался Алп-тегин в том же 963 г., но еще при его жизни произошло, благодаря незаурядным способностям, возвышение купленного некогда им гулама Себук-тегина.

20 апреля 977 г. Себук-тегин был провозглашен амиром владения Газна, которым он управлял в качестве наместника Саманидов. Его политическое возвышение и расширение владений произошли в самом конце X в., когда в ходе двух сражений в 994 и 995 гг., произошедших в Хорасане, объединенная саманидская армия во главе с Нухом II б. Насром и Себук-тегином разгромила войска мятежных военачальников Абу-Али и Фаика. В результате этого Себук-тегин стал правителем всех саманидских владений к югу от Амударьи. Скончался Себук-тегин, который являлся фактическим основателем Газневидского государства, в 997 г. Незадолго до смерти он неожиданно назначил своим наследником младшего сына Исмаила вопреки тому, что его старшим сыном был Абу-л Касым Махмуд, получивший еще в 994 г. за воинскую доблесть почетный лакаб Сайф ад-Даула — «меч державы». Правление Исмаила длилось всего лишь семь месяцев и завершилось захватом власти в 998 г. Махмудом.

Именно в правление Абу-л Касыма Махмуда (999—1030 гг.), зачастую в научной литературе именуемого как Махмуд Газневидский, в результате проводившейся им широкой завоевательной политики, было создано великое Газневидское государство, просуществовавшее более двухсот лет вплоть до 1186 г., когда владения Газневидов были захвачены Гуридами.

В пору же своего расцвета при Махмуде Газневидском его границы на западе и северо-западе простирались до Западного Ирана, включая города Рей и Исфгань, и Аральского моря, а на юго-востоке охватывали большую часть Северной Индии⁷.

Торжественное вступление Махмуда на престол состоялось согласно В. В. Бартольду, в месяце зу-л-ка'да 389 г.х. (октябрь-ноябрь 999 г.)⁸, хотя некоторые другие исследователи, в частности К. Э. Босворт, датиру-

ют это событие 388 г.х. (998 г.)⁹. Тогда же Махмуд получил от халифа Кадира диплом на управление Хорасаном и почетный титул «Исмин ад-дауля ва амин ал-милля» — «десница державы и доверенное лицо религиозной общины».

Свою политику по расширению Газневидского владения Махмуд стал осуществлять уже в начале 998 г. с окончательным присоединением к нему территории Южного Тохаристана (современный Северный Афганистан. — Э. Р.), после чего он стал претендовать на все хорасанское наместничество Саманидов.

Эти претензии он осуществил в том же году, захватив почти весь Хорасан с городом Нишапур, но некоторое время спустя по договору отказался от Нишапура в пользу саманидского военачальника Бектузуна, сохранив за собой Герат и Буст.

Окончательно же весь Хорасан перешел под власть Махмуда после битвы при Мерве 16 мая 999 г., когда его войска разгромили объединенную армию саманидских военачальников Фаика и Бектузуна. В том же году Богра-хан Харун захватил столицу Саманидов Бухару, а власти Караханидов подчинился почти весь Мавераннахр. По-видимому, уже с того времени начали сталкиваться интересы Караханидов и Газневидов в борьбе за контроль над Северным Тохаристаном.

Существует мнение, основанное на сведениях письменных источников, что власти Махмуда подчинились Чаганиан и Термез, где он поставил у власти представителей местных династий¹⁰.

Однако нумизматические данные обрисовывают иную картину. В настоящее время известны дирхемы и фельсы Саганийяна 405 (1004—1005 гг.) — 416(1023—24 гг.) г.х., где наряду с именами местных правителей в качестве сюзеренов упоминаются имена только караханидских правителей. Имени Махмуда Газневидского на них вовсе нет. Это свидетельствует о том, что Саганийян в то время находился в безусловно вассальной зависимости от Караханидов¹¹. Можно полагать, что Саганийян выполнял своеобразную роль «буферного владения» между государствами Караханидов и Газневидов, что, вероятно, и отражалось на его политическом положении. Усиление Караханидов способствовало признанию саганийянскими правителями вассальной от них зависимости, тогда как их ослабление и укреп-

ление позиции Газневидов приводило к освобождению этой области от караханидского господства.

Примечательно, что позднее, но также еще при жизни Махмуда, с 417/1025—26 гг. по 430/1038—39 гг., в Саганийане лишь в 417 г.х. чеканились дирхемы с упоминанием Караханида Насир ал-Хакк Хана, тогда как в остальные годы выпускались «анонимные» дирхемы и дирхемы только с именами саганийанских правителей Насра и Абу-л Касима¹².

По-видимому, во власти Махмуда находилась долина Амударьи со стратегически весьма важным городом Термезом, куда Газневидами непосредственно назначался наместник и начальник крепости (кут-твал)¹³. Это позволяло Газневидам держать под контролем главные переправы через Амударью и важнейший торговый путь, ведущий из Центральной Азии в Индию через Железные ворота и Термез. Известно, что северной границей между газневидскими и караханидскими владениями была признана Амударья, но эта условная граница неоднократно нарушалась Караханидами до тех пор, пока в битве при Балхе в воскресенье 22 раби, II 398/4 января 1008 г. армия Махмуда не разгромила караханидские войска, в связи с чем временно прекратились их набеги на Хорасан¹⁴.

Примечательно, что на дирхемах Саганийана 398 г.х. отсутствуют имевшиеся в прежние годы их выпуска здесь имена караханидских правителей, и присутствует только имя местного правителя Музаффара¹⁵. Данная перемена, видимо, связана с вышеупомянутой битвой при Балхе и ослаблением в связи с этим позиций Караханидов в Саганийане. Однако, после небольшого промежутка времени, контроль Караханидов над этой областью был восстановлен.

Иным, по-видимому, было положение в Хуттале, где позиции Газневидов были более прочными, однако достоверные сведения для подобного утверждения имеются лишь для второй четверти XI в. В 415 г.х./1024—25 гг. Махмуд под предлогом освобождения населения Центрального Мавераннахра от тирании Алп-тегина перешел Амударью (в районе Термеза, где имелась «царская» переправа) и через Железные ворота вторгся в Согд, дойдя до Самарканда. После этого похода, как писал Б. Г. Гафуров, опираясь на мнение В. В. Бартольда, в сфере его влияния вновь оказались

такие приамударьинские области, как Чаганиан, Хутталан, Кобадан и др.¹⁶. Однако это не совсем так. Имеются два типа дирхемов Саганияна 414 г.х./1023—24 гг. и 415 г.х./1024—25 гг., на одном из которых присутствует имя только халифа Кадир-билляха без какого-либо упоминания имен Газневидов или Караханидов, а на другом появляются лакаб и титул Насир ал-Хакк Хан, принадлежащие главе Караханидов Йусуфу б. Хасану (Кадыр-хану).

Вероятно, если судить по этим данным, правитель Саганияна во время похода Махмуда на Самарканд и его успешных действий занял выжидательную позицию, отчеканив дирхемы от имени только аббасидского халифа, но затем вновь вернулся под караханидский сюзеренитет.

В свете нумизматических данных совершенно поновому обрисовывается политическое положение на северных границах Газневидского государства. На протяжении первых трех десятилетий XI в., вплоть до смерти Махмуда Газневидского, правители Саганияна признавали власть Караханидов, занимая в отдельные годы выжидательную позицию, но ни разу, впрочем, судя по монетным легендам, не нарушив свою ориентацию на Караханидов¹⁷. Что касается политического положения Хуттала, Кобадана и Вахша по отношению к государству Махмуда Газневидского, то столь достоверными сведениями наука пока не располагает.

Можно считать, однако, твердо установленным фактом, что Махмуду Газневидскому принадлежала вся долина Амударьи вплоть до Амуля (Чарджоу). Известно, что перед походом на Хорезм визирем Махмуда Газневидского был отдан приказ подготовить корабли в Термезе, Кувадиане и Хуттале, а в Амуде собрать провиант для войска¹⁸.

В июне 1017 г. армия Махмуда двинулась на Хорезм. Формальным поводом для похода явилось убийство союзника Махмуда хорезмшаха Абу-л Аббаса Мамуна, женатого на сестре Махмуда, и возведение на престол мятежниками племянника Мамуна Абу-л Хариса Мухаммада б. Али¹⁹.

3 июля 1017 г. войска Махмуда взяли столицу Хорезма и жестоко подавили восстание хорезмийцев. Молодой хорезмшах был увезен в Газну и заключен в крепость. На его место Махмуд назначил главного

хаджиба Махмуда Алтунташа, который управлял Хорезмом вплоть до 1032 г., пережив Махмуда на два года. Алтунташ во многом проводил независимую политику, но на протяжении всей своей жизни продолжал признавать себя подданным газневидских султанов, сначала Махмуда, а затем Ма'суда и поддерживал их войсками в военных походах.

Обладание Хорезмом укрепляло позиции Махмуда в Мавераннахре, чему в какой-то мере способствовал и поход на Самарканд в 1025 г., во время которого он заключил союзнический договор с Кадыр-ханом, направленным против другого караханидского правителя Али-тегина.

На западе завоевания Махмуда начались с 1002 г., когда он присоединил к своим владениям Сеистан. Затем он захватил Рей и Исфгань, а в 1010—1011 гг. после длительного сопротивления овладел горной областью Гур на западе Афганистана.

Основным объектом военных действий Махмуда на юго-востоке стала Северная Индия, куда он в период с 1002 по 1026 г. под лозунгом «священной войны» против неверных совершил более пятнадцати походов.

К концу жизни султана Махмуда созданное им государство со столицей в Газне занимало огромную территорию от Исфгани и Каспийского моря на западе до Северной Индии включительно на востоке, от Хорезма на севере до Белуджистана на юге, являясь крупнейшей мусульманской державой того времени. Однако уже при сыне и преемнике Махмуда султана Ма'суде (1030—1041 гг.) держава Газневидов стала клониться к упадку, утратив многие свои территории.

Основными противниками Газневидов стали Сельджукиды. Письменные источники, особенно «Ахбар ад-Даулат», «История Ма'суда» Бейхаки и новые нумизматические данные позволяют более конкретно, чем прежде, проследить последовательность завоеваний Сельджукидами территорий, принадлежавших прежде Газневидам, и политическое положение заамударьинских областей.

Первым от Газневидов отделился Хорезм, правитель которого Алтунташ проводил самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, но еще не решился на открытое выступление против султана Ма'суда²⁰. После смерти Алтунташа в 1032 г. султан Ма'суд при-

нял меры к ограничению власти его преемников: титул хорезмшаха получил сын Ма'суда Са'ид, а Харун, сын Алтунташа, стал в Хорезме лишь представителем царевича, что вызвало соответствующую реакцию со стороны Харуна. Весной 1034 г. Харун поднял восстание против Газневидов, а формальным поводом к тому послужила смерть его брата, содержавшегося при их дворе, якобы в результате преднамеренных действий султана. Установив дружеские отношения с Сельджукидами и Караханидом Алп-тегином, Харун объявил Хорезм независимым от Газневидов и приказал отменить хутбу на имя султана Ма'суда.

Между Караханидами и Газневидами происходила ожесточенная борьба за обладание северными заамударьинскими областями. Хотя Бейхаки дает подробную характеристику происходивших здесь событий, подчеркивая принадлежность Саганийана, Хутталя и Термеза Газневидам²¹, нумизматические данные, как установлено Е. А. Давидович, раскрывают несколько иную картину.

Так, если Термез и Хутгаль действительно принадлежали султану Ма'суду, известны дирхемы Хутталя, битые от его имени и имени местного правителя Абу-л Асада²², то в Саганийане сложилась непростая обстановка. В 420 г.х. / 1029 г. и в 421 г.х. / 1029—30 гг. здесь чеканили дирхемы от имени Насра, в 424 г.х. / 1032—33 гг. — 428 г.х. / 1036—37 гг. — от имени Абу-л Касима, а в 430 г.х. / 1038—39 гг. — 434 г.х. / 1042—43 гг. — от имени Караханида Ибрахима б. Насра (Бури-тегина)²³.

На основании этих данных Е. А. Давидович пришла к выводу, что, несмотря на то, что по сведениям Бейхаки Абу-л Касим был зятем султана Ма'суда и придерживался прогазневидской ориентации, на самом деле Саганийан в его правление был совершенно самостоятельным владением, независимым от Газневидов и Караханидов²⁴.

Однако, судя по нумизматическим данным, в 430 г.х. / 1042—43 гг. — Саганийан вновь стал владением Караханидов. Эта область была завоевана Ибрахимом б. Насром (Бури-тегином) и от его имени чеканились монеты. По-видимому, после этого Караханиды потеряли власть над областями к северу от Амударьи, и основная борьба за власть над Тохаристаном развернулась между Газневидами и Сельджукидами²⁵.

В мае 1040 г. в битве при Данданакане войска султана Ма'суда были наголову разбиты Сельджукидами, после чего Газневиды навсегда потеряли Хорасан, а сам Ма'суд бежал в Газни и был убит заговорщиками, которые возвели на престол его брата Мухаммада. Однако сын Ма'суда Маудуд (1041—1048 гг.) разбил войска Мухаммада, умертвил его и сам стал правителем газневидского государства.

Одним из результатов поражения Газневидов при Данданакане стало еще более усиленное проникновение Сельджукидов в Тохаристан, начавшееся при Чагры-беке Дауде, который в 430/1038 гг. захватил Балх, Джуздан и Хутталан. Несколько позднее сельджукидские войска, возглавляемые Чагры-беком, осадили и взяли Термез. Согласно «Ахбар ад-Даулат», после захвата Термеза Чагры-бек Дауд назначил своего малолетнего сына Алп-Арслана правителем Балха, Тохаристана, Термеза, Кувадийана, Вахша и Валвалиджа. Сразу же после данного пассажа в «Ахбар ад-Даулат» приводятся сведения о захвате Хорезма Сельджукидами, произошедшем в 435/1043—44 гг.²⁶ Можно поэтому полагать, что Алп-Арслан стал владельцем областей в верховьях Амударьи в этом же году.

Существенные данные в вопросе о борьбе Газневидов и Сельджукидов за Термез и Саганийан вносят нумизматические данные. Так, выявлены дирхемы Термеза 433/1041—1042 гг. и Саганийана 434/1042—1043 гг., чеканенные от имени газневидского султана Маудуда²⁷ и дирхемы Саганийана, битые в 435/1043—44 гг. от имени Алп-Арслана²⁸, дирхемы Саганийана 44? (*егуницы стертые*) / 1048—59 гг. и дирхемы Вахша, дата на которых условно восстановлена как 4/6/2 г.х., но скорее всего, это 442/1050—51 гг., т. е. они, как и дирхемы Саганийана, чеканены еще до того, как в 1063 г. Алп-Арслан стал верховным главой Сельджукидов.

Таким образом, уже начиная с 435/1043—44 гг. Сельджукиды прочно владели областями верховьев Амударьи, устранив здесь власть Газневидов и Караханидов.

Султан Маудуд, правда, предпринимал неоднократные попытки восстановить власть Газневидов в этих областях, однако сельджукидские войска в августе 1043 г./434 г.х. наголову разгромили Газневидов. Неудачей закончились и все последующие попытки Маудуда захватить эти области.

Более успешными были действия Газневида Фарухзада (1035—1059 гг.), который последовательно в двух сражениях разбил сельджукидские войска. Однако затем Алп-Арслану удалось разгромить Газневидов, после него было достигнуто соглашение, по которому Газневидам и Сельджукидам «надлежало быть самостоятельными в своих владениях и оставить попытки овладеть чужим». Согласно В. В. Бартольд, окончательное подчинение Балха Сельджукидам произошло только в 1059 г. по договору между Чагрыбеком Даудом и газневидским султаном Ибрахимом²⁹.

После заключения этого договора, Газневиды навсегда теряют какие-либо права на Мавераннахр и Тохаристан, а их владения ограничиваются районом Газни и частью Северной Индии, постепенно сокращаясь в размерах.

В 582/1186 г. войска Гийас ад-Дина Мухаммада из династии Гуридов окончательно уничтожили династию Газневидов, власть которой к этому времени ограничивалась Пенджабом.

В заключение отметим, что данная статья была ограничена анализом лишь одного вопроса из большого комплекса вопросов, связанных с понятием государственности — территориальном расширении того или иного государства, в данном случае Газневидского, происходившем в древности и средневековье преимущественно в результате военных походов, что и было показано в ней.

Газневидское государство, несмотря на ограниченность захваченной территории в Мавераннахре и сравнительно небольшой период времени их владения — всего 30—40 лет, тем не менее является важной вехой в истории государственности этого региона. Его возникновение, также как и одновременное возникновение в конце X — начале XI в. других государств — Сельджукидов и Караханидов означало событие огромной исторической значимости — окончательное установление в Средней Азии тюркской государственности.

Библиография

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — М., 1963. С. 322.

² Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Душанбе, 1989. С. 107.

³ Бартольд В. В. Туркестан... С. 322.

⁴ О происхождении Себук-тегина и различных точках зрения по данному вопросу подробно см.: *Bosworth C. E. The Ghaznavids. Their Empire in Afghanistan and Eastern Iran 994—1040.* Edinburgh, 1963.

⁵ *Nazim Muhammad. The life and times of sultan Mahmud of Ghazna.* Cambridge. 1931. P. 25; *Массон В. М., Ромогин В. А.* История Афганистана. Т. 1. — М., 1964. С. 242.

⁶ *Бартольд В. В.* Туркестан... С. 325.

⁷ *Гафуров Б. Г.* Таджики. С. 107.

⁸ *Бартольд В. В.* Туркестан... С. 332.

⁹ *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. — М., 1971. С. 237.

¹⁰ *Гафуров Б. Г.* Таджики... С. 108.

¹¹ *Давидович Е. А.* Клад саганийанских монет второй четверти X в. как исторический источник // Письменные памятники Востока. 1968. — М., 1970. С. 83.

¹² Там же. С. 83—86 и далее.

¹³ *Абу-л Фазл Бейхаки.* История Масуда. 1030—1041/ Пер. А. К. Арндса. Ташкент, 1962.

¹⁴ *Бартольд В. В.* Туркестан... С. 335.

¹⁵ *Ртвеладзе Э. В.* К истории Саганийана первой четверти XI в. /Эпиграфика Востока, XXIV. — Л., 1988.

¹⁶ *Гафуров Б. Г.* Таджики... С. 108.

¹⁷ *Ртвеладзе Э. В.* К истории... С. 50—51.

¹⁸ *Бартольд В. В.* Туркестан... С. 339.

¹⁹ Там же. С. 340

²⁰ Там же. С. 359.

²¹ *Абу-л Фазл Бейхаки.* Указ. соч. С. 411, 435.

²² *Давидович Е. А.* Клады древних и средневековых монет Таджикистана. Душанбе; — М., 1979. С. 131—140.

²³ *Давидович Е. А.* Клад саганийанских монет... С. 84.

²⁴ Там же. С. 85—86.

²⁵ Там же. С. 86—88.

²⁶ *Садр ад-Дин Али ал-Хусайни.* Ахбар ад-Даулат ас-сельджукийя / Пер. З. М. Бунятова. — М., 1980. С. 43.

²⁷ *Кочнев Б. Д.* Партия монет из клада, содержащего дирхемы Саганийана XI в. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. II. (Нумизматический сборник Т. II.). Нижний Новгород, 2000. С. 231—243.

²⁸ *Ртвеладзе Э. В.* Алп-Арслан и Саганийан // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. — М., 1999. С. 262—265.

²⁹ *Бартольд В. В.* Туркестан... С. 366—367.

КАРАХАНИДСКИЙ КАГНАТ

Если Саманиды (как и их современники) были прекрасно осведомлены о происхождении своего рода и его названия, то совершенно иначе обстоит дело с тюркской династией Караханидов. Сами себя они считали потомками мифического Афрасиаба, а свою династию именовали «Ал-Афрасиаб» («род Афрасиаба»).

В рукописных источниках их также называют Ханидами, или Хаканидами, в научной литературе — Караханидами, но все эти наименования, произведенные от распространенных у них титулов, ни в малейшей степени не проясняют вопрос о происхождении династии. Среди существующих на этот счет многочисленных гипотез наибольшее признание получила та, что выводит Караханидов из карлуков или чигилей. Привлечение наряду с рукописными источниками также нумизматических материалов позволило предположить, что Караханиды происходили из рода (или племени) эддиш, или эдиш, составлявшего часть чигилей, входивших в карлуцкую конференцию¹.

Возникновение династии Караханидов обычно относят к 840 г., о последующих же полутора веках их истории известно очень немного. Считается, например, что владетель Тараза, которого Саманид Исмаил ибн Ахмад победил в 893 г., взяв в плен его супругу и еще 15 тысяч человек, принадлежал к Караханидам, хотя Масуди говорит лишь о том, что они были карлуками. Первым из Караханидов обратился в ислам Сатук Бутра-хан, принявший мусульманское имя Абдалкарим (ум. в 955 г.), а вскоре, в 960 г., произошло массовое обращение, когда ислам приняли двести тысяч «шатров», т. е. семей. Впрочем исламизация, конечно, не была тотальной, и даже в конце XI в. одного из караханидских правителей средневековый историк именует «царем неверных тюрок».

На широкую историческую арену Караханиды вышли в конце X в., в пору максимального ослабления Саманидской державы. В 990—992 гг. Караханид Бутра-хан Харун (Хасан) (ум. в 992 г.) завоевал большую часть среднеазиатских владений Саманидов, но уже в 992 г. те вернули все захваченное. Через несколько лет другой Караханид, Наср ибн Али, повторил успех Бутра-хана и в 999 г. вступил в саманидскую столицу Бухару. Претендуя на все наследие Саманидов, он не раз пытался завладеть также Хорасаном, где утвердились Газневиды, но добивался лишь временных успехов. Граница между двумя новыми государствами пролегла в районе Амударьи, реально же Караханидам из северотохаристанских областей принадлежал только Чаганиан (бассейн Сурхандарьи), да и то недолго. Несмотря на частые междоусобицы, Караханидская дер-

жава некоторое время сохраняла, хотя бы формально, некое единство, пока в 1040 г. окончательно не разделась на два совершенно самостоятельных каганата — Западный (со столицей в Самарканде) и Восточный (с центрами в Баласагуне и Кашгаре). Создатель Западного каганата, знаменитый Табгач-хан Ибрахим ибн Наср, к 1062 г. продвинул рубеж своих владений далеко на восток, до Баласагуна включительно. Однако через несколько лет его сын и преемник Шамс ал-Мулк Наср потерял почти все приобретения отца.

Шамс ал-Мулк развернул экспансию в другом направлении и дважды вторгнулся в Сельджукидскую империю, в 1073 г. ненадолго захватив Балх. В свою очередь Сельджукид Малик-шах в 1089 г. вступил с большим войском в Мавераннахр и подчинил Западнокараханидский каганат. Караханидов он все же не лишил власти, посадив на самаркандский престол Мухаммада, сына Табгач-хана Ибрахима. С тех пор Западные Караханиды стали вассалами Сельджукидов, а многие из них были просто ставленниками сельджукидских султанов. Рукописные источники уверяют, что Малик-шаху выразил покорность владетель Кашгара и даже стал чеканить монету с его именем. Тем не менее ни одной подобной монеты не известно, тогда как в чекане Западного каганата упоминания Сельджукидов вполне обычны. Очевидно, зависимость Караханидов от сельджукидских султанов была различной: вполне реальной для Западных и лишь формальной для Восточных каганов.

События второй четверти XII в. подтверждают такой вывод. В то время с Дальнего Востока явились неверные карахытаи, или кидани, и завоевали Восточный Туркестан и Семиречье, т. е. владения Восточных Караханидов, которым никто не пришел на помощь. В 1137 г. те же кидани разбили при Ходженде самаркандского хана Махмуда, а в 1141 г. им противостояло в Катванской битве объединенное мусульманское войско во главе с султаном Санджаром ибн Малик-шахом и Караханидом Махмудом. Это сражение закончилось полной победой карахытаев, которые теперь подчинили и весь Мавераннахр. Около 1165 г. вместе с самаркандским ханом Масудом они совершили поход на юг и заняли Балх, после чего весь Тохаристан вошел, с одной стороны, в состав караханидских владений, с

другой — Киданьской империи. Карахытгаи оставили у власти Караханидов везде, кроме Баласагуна, и редко вмешивались, особенно на первых порах, в их внутренние дела. Внешне это проявлялось, в частности, в том, что Караханиды как ни в чем ни бывало продолжали чеканить монету от своего имени, упоминая гурхана, владыку киданей, только в виде редчайшего исключения.

При карахытгах со временем происходило все возраставшее дробление Западного каганата. Около рубежа XII—XIII вв. на его территории было уже с десяток уделов — Самаркандский, Узгендский, Касанский, Маргинанский, Бенакетский, Парабский (Отрарский), Балхский, Термезский, Вахшский, Хутталанский и, кажется, Чаганианский. Главным и самым крупным из них являлся удел с центром в Самарканде, который продолжал считаться столицей Западнокараханидского каганата. На территории этого удела находится Бухарский оазис, где очень усилились садры из рода Бурханидов — наследственных хатибов и раисов Бухары. Обычно принято подчеркивать весьма большую самостоятельность садров, а некоторые исследователи считают, что они вообще никак не зависели от Караханидов, и даже именуют Бухару при садрах «государством в государстве». Более внимательный анализ письменных известий, а главное, привлечение нумизматических материалов, приводят к иному выводу. Действительно, большинство позднекараханидских правителей Самарканда вполне определенно распространяли свою власть на Бухару, а многие из них чеканили там монету от своего имени. В 1194 г. в Самарканде и Бухаре выпускались однотипные фельсы (медные монеты) с упоминанием Караханида Ибрахима ибн Хусейна, т.е. даже тип мелкой разменной монеты для Бухары утверждался центральной властью, а Бухара не могла проявить самостоятельность даже на столь невысоком уровне. Караханидский чекан Бухары XII—начала XIII в. представлен несколькими именами, многими типами, датами и всеми тремя категориями монет (динары, дирхемы, фельсы), тогда как от садров не дошло ни одной (!) монеты. Коль скоро садры ни разу не реализовали неотъемлемое право всякого суверенного мусульманского государя на соб-

ственную монетную чеканку (сикка), то они не могли считаться суверенными правителями. В этом отношении их официальный политический статус был ниже статуса любого мелкого удельного владельца, чеканившего монету. Каждый из этих удельных ханов стоял во главе самостоятельного (не независимого!) государственного образования, обладавшего определенным суверенитетом, Бухара же оставалась владением в составе одного из таких уделов, пусть и самого крупного.

По письменным известиям Караханиды и при садрах защищали Бухару, затрачивая средства на ее оборону, т. е. защищали Бухару, выполняя одну из первых обязанностей государя по отношению к своим подданным, которые, в свою очередь, должны выплачивать ему подати. Кроме того, сама монетная регалия предполагает определенные права и, как правило, доходы. Все это позволяет думать, что часть налогов Бухары поступала в самаркандскую казну. Таким образом, садры были зависимы от Караханидов Самарканда не только в политическом, но, вероятно, и в экономическом отношении, хотя располагали в Бухарском оазисе реальной властью и пользовались определенной автономией. Но «государством» Бухара при Бурханидах все же не была.

Данниками карахытаев явились не только Бурханиды и Караханиды, но и хорезмшахи из династии Ануштегинидов. Предпоследний представитель этой династии, Мухаммад ибн Текиш, усилился настолько, что вступил в открытую борьбу с киданями и заключил союз с самаркандским ханом Османом ибн Ибрахимом, скрепленный браком с дочерью хорезмшаха. Бремя власти единовластного хорезмшаха оказалось (или показалось) даже более тяжким, чем иго неверных карахытаев, и в 1212 г. Самарканд восстал. Подавив мятеж, Мухаммад ибн Текиш в том же году казнил Османа, а затем и других среднеазиатских Караханидов, окончательно присоединив к своей империи их владения. Обычно считается, что при этом погибли практически все Караханиды, однако, судя по монетам, битым, очевидно, после 1212 г. в одной из приамударьинских областей, сохранил власть, но уже в качестве ануштегинидского вассала, Арабшах, сын вахшского Караханида Абу Бакра. Еще раньше, в 1211 г.,

погиб от руки мятежных эмиров, даже не вступив на кашгарский престол, последний Восточный Караханид, Мухаммад ибн Юсуф.

За время своего существования (840—1212 гг.) Караханидский каганат не раз менял свои размеры и границы. Так, до завоевания Мавераннахра его территория ограничивалась Тянь-Шанем и Притянь-Шанем, а к началу XI в. его границы достигли Амударьи. В Восточном Туркестане уже в начале того же столетия Караханиды владели Кашгаром и Хотаном, около середины же XI в., если не раньше, их пограничными пунктами были Черчен (на юге) и Куча с Бугуром (на севере). Таким образом, Караханидам принадлежала вся западная половина Восточного Туркестана.

По словам Махмуда Кашгарского граница между мусульманами и неверными уйгурами проходила в районе озера Юлдуз. Очевидно, имеется в виду заболоченная долина Большой Юлдуз либо Малый Юлдуз непосредственно к северу от Бугура, за перевалом Коктеке. О северовосточных рубежах каганата конкретных сведений нет, но есть основания считать, что они проходили в районе современного Манаса (западнее Урумчи), далее по линии озер Алакуль, Сасыккуль и Балхаш. Далее граница через низовья Чу выходила к Сырдарье, охватывая Параб (Отрар) и Ясы (Туркестан), а также, вероятно, города северного склона Каратау. Лежавший ниже по течению реки Сыгнак Караханидам определенно не принадлежал, а значит, граница проходила где-то между Ясы и Сыгнаком. Важный центр низовьев Сырдарьи Дженд в середине XII в. являлся владением Караханида Камал ад-Дина, но очень недолго. От района Ясы граница каганата, охватывая узкую полосу левобережья Сырдарьи, шла на юг: к западу простирались необозримые пески Кызылкума, где кочевали огузы. Далее она проходила по северным рубежам Согда и от Бухарского оазиса поворачивала к Амударье, куда выходила в районе Фарабра (Фараба) и дальше шла вдоль реки.

Из тохаристанских областей Караханидам принадлежал Чаганиан (Саганиан), т. е. бассейн Сурхандарьи, но только до 1043 г., да и то с большим перерывом. Около 1165 г. Караханиды вместе с карахытаями завоевали весь Тохаристан, включая Балх, однако не позже 1191 г. Балх перешел в руки Гуридов, которые

распространили свою власть и на некоторые северотохаристанские земли, например Чаганиан и Вахш. Впрочем, непосредственным владельцем Вахша был караханидский хан, вассал Гуридов. Что касается Памира, то в состав Караханидского каганата он вошел, вероятно, еще с момента или вскоре после завоевания Мавераннахра, захват последнего сделал Караханидов хозяевами почти всех среднеазиатских владений Саманидов, в том числе их столицы Бухары. Можно было бы ожидать, что завоеватели станут управлять захваченной страной в соответствии с давно сложившимися здесь традициями организации власти. Однако случилось иначе: Караханиды привнесли другие принципы государственного устройства. В пору единого каганата (конец X в. — 1040 г.) клан Караханидов являл собой некую иерархическую систему, своего рода пирамиду (лестницу), верхним шести ступеням которой соответствовали посты двух царей — великого кагана и младшего кагана, а также четырех князей — Арслан-илига, Йинал-тегина, Арслан-тегина, Йанга/Йанга-тегина; ниже располагались прочие князья, носившие титулы Тоган-тегин, Тогрыл-тегин, Чагры-тегин и т.д. Каждому члену династии было отведено определенное, полагавшееся ему в силу принципа старшинства (майората), место в иерархии, но оно не оставалось неизменным: смерть одного из высших ее членов автоматически означала для нижестоящих перемещение на более высокую ступень. Власть в каганате переходила не по прямой нисходящей от отца к сыну (как, например, у Саманидов), а от старшего брата младшему, затем к следующему поколению династии. В соответствии с этой системой каждый член правившего рода мог (по крайней мере в идеале), поднимаясь по иерархической лестнице, достичь высших ее ступеней и даже добиться царского венца. В реальной же действительности эта идеальная схема не раз нарушалась, что нередко вызывало междоусобицы. По существу, весь клан Караханидов являлся коллективным носителем власти, а каждый член династии уже в силу своего происхождения имел право на часть общединастийного достояния. Наибольшая причиталась трем старшим членам рода (великому кагану, младшему кагану, илигу), но и любому из их родичей полагалась своя доля, размеры и местоположение которой не зависели

от ранга и того, каковы были владения и сан его отца. Иначе говоря, представление о правах сына на удел отца было чуждо раннекараханидской юридической теории и политической практике. Так, завоеватель Мавераннахра Наср ибн Али (умер в 1012 г.) был владельцем огромного удела, но его сыновья этот удел не унаследовали, а Ибрахиму ибн Насру пришлось начать создание собственного владения буквально с нуля.

Описанная система, которую принято называть удельно-лествичной (или удельно-лестничной), восходит к древнетюркскому времени и связана с весьма давними кочевыми, степными традициями. Естественно, прежде всего она стала разрушаться в Мавераннахре, стране древней оседлой культуры с иными принципами организации власти. Ибрахим ибн Наср, создавший Западный каганат, нарушил по крайней мере три основополагающих принципа этой системы. Во-первых, он вне всякой очереди присвоил ханский (царский) сан: вступив в 1040 г. в Самарканд одним из князей, Бури-тегином, он тут же провозгласил себя царем, приняв титул Табгач Бугра-хан. Во-вторых, покончил с дуальной системой власти: и он, и его преемники являлись единственными носителями верховной власти в Западном каганате, где не существовало постов великого кагана и младшего кагана. В-третьих, сделал наследственным Самаркандский престол, который его потомки занимали вплоть до начала XIII в. Кроме того, при Ибрахиме заметно сократилось число уделов и, очевидно, уменьшился объем прав удельных правителей, а при его сыне Шамс ал-Мулке Насре и преемниках последнего удельный монетный чекан вовсе не известен. В последние десятилетия существования Западного каганата здесь вернулись к одному из ранних принципов распределения власти, в соответствии с которым если не все, то многие представители правившей ветви династии (из потомков Хасана ибн Али ибн Абдалмумина) имели право на какую-то долю общего достояния. В Восточном каганате, по крайней мере до конца XI в., сохранялись как дуальная система верховной власти (с двумя каганами), так и весьма большая самостоятельность удельных правителей, но в XII в. и здесь власть сосредоточилась в руках одного хана. В целом же пережитки удельно-лествичной сис-

темы сохранились у Караханидов до самого падения династии.

От державы Саманидов Караханидский каганат отличали также характер и уровень развития института феодальных пожалований. Важнейшую информацию об этом содержат монетные надписи. Так, легенды раннекараханидских монет демонстрируют двух-, трех-, четырехступенчатую иерархию. В ряде случаев они фиксируют совместное владение областью или городом. Например, на битых в 997 г. фельсах Илака, небольшой области в бассейне Ахангарана, обозначены сразу четыре лица: три караханидских правителя — Ахмад ибн Али, Мухаммад ибн Али, Аба Салих, плюс местный дехкан. Есть примеры другого рода, когда на одной монете фигурируют держатель относительно небольшого удела, его непосредственный сюзерен, которому принадлежала более обширная территория, включавшая этот удел, и, наконец, верховный сюзерен их обоих. Так, на ахсикетских и узгендских дирхемах 1018—1020 гг. названы владетель части (?) Ферганы Ахмад ибн Мансур, правитель большей части Мавераннахра Мухаммад ибн Али и великий каган Мансур ибн Али, отец Ахмада. Более сложная картина отражена надписями на дирхемах, битых в 1019—1021 гг. в испиджабском городе Будухкете. На них названы непосредственные владетели города — сперва Али, потом Абдалмалик, кроме того упомянут Ахмад ибн Мухаммад ибн Али, сильный князь, владевший, в частности, областью Испиджаба (ныне Шымкент), и, наконец, глава династии Мансур ибн Али. При этом на данных монетах никак не обозначен Наср, фигурировавший на синхронных дирхемах Испиджаба. Следовательно, Будухкет был выделен из удела Насра и не принадлежал ему, а в плане удельной иерархии Али и Абдалмалик вышли на уровень Насра, несмотря на крошечные размеры владения. Вообще же караханидские уделы могли быть любыми по размерам — от небольшого города и даже городка с округой (Будухкет, Хумрак в Ташкентском оазисе) до крупных областей (Испиджаб, Шаш, Фергана и т. д.) и даже огромных территорий, включавших по несколько областей. Размеры и состав уделов даже самых могущественных раннекараханидских князей не оставались неизменными, а сами уделы могли не образовывать компакт-

ного массива. Тот же Ахмад ибн Мухаммад ибн Али в 1020—1022 гг. владел Бухарой, Испиджабом, Таразом (верховный сюзерен — Мансур ибн Али) и восточно-туркестанским Учем (сюзерен — Юсуф ибн Харун).

Если в X в. при Саманидах жалованные владетели преимущественно чеканили фельсы (медные монеты), то в раннекараханидское время право выпуска дирхемов получили правители едва ли не любого ранга, вплоть до самых мелких. Следовательно, политические права удельных правителей существенно увеличились, их статус заметно повысился. Многократно возросло число жалованных владетелей и случаев пожалований, производившихся гораздо чаще, чем прежде. Размеры объектов пожалования были значительными и в X в. (иногда это целые области), но не в такой степени, как в раннекараханидское время. В X в. объектами пожалования становились многие области и города, но регулярно — только Фергана или ее округа, в раннекараханидское же время жалованных владений не было лишь в пределах домена великого кагана (часть Семиречья), т. е. размеры фонда пожалований многократно увеличились. Пожалования X в. и раннекараханидского периода были временными, однако еще в пору единого каганата некоторые из них были фактически пожизненными (Наср ибн Али) и даже наследственными (Али ибн Хасан смог передать Центральный Мавераннахр своему старшему сыну Юсуфу). В качестве жалованных владетелей в X в. преимущественно выступали выходцы из служилой знати, реже — из среды местных правителей, еще реже — члены царствовавшей династии. С приходом же Караханидов на первое место вышли (хотя и не сразу) именно представители правившего дома, т. е. соотношение разных категорий жалованных владетелей принципиально изменилось.

Все приведенные факты убеждают в том, что раннекараханидское время не просто очередной этап в естественной эволюции института феодальных пожалований: приход Караханидов с их удельно-лествичной системой вызвал весьма серьезные и резкие изменения принципиального характера.

Судьба удельной системы после разделения в 1040 г. единого каганата на западе и востоке была различной. Удельная стихия с ее многоступенчатой иерархией, многочисленными и весьма самостоятельными князья-

ми, часто сменявшими друг друга, продолжала захлестывать Восточный каганат в середине и даже во второй половине XI в. К сожалению, дальнейшая история института феодальных пожалований на востоке неясна, прежде всего из-за скудости монетных данных. В Западном каганате централизаторская политика Ибрахима ибн Насра, продолженная и углубленная его первыми преемниками, сперва привела к сокращению числа и размеров жалованных владений, а затем и к прекращению удельного чекана, что означало если не полное исчезновение уделов, то весьма существенное урезывание прав их держателей.

С первой трети XII в. здесь вновь появились уделы, оформленные монетным чеканом, число которых к началу XIII в. достигло десятка. В то время прослеживалась явная тенденция дробления больших уделов на малые, процесс отпочкования все новых владений, остановленный, очевидно, только поглощением Западного каганата империей Ануштегинидов. Все позднекараханидские уделы возглавлялись очень самостоятельными ханами, отношения между которыми не были отношениями сюзеренитета — вассалитета — правильнее говорить, вслед за Е. А. Давидович, о субординации, выразившейся в приоритете формальной главы каганата, владельца Самарканда. Особенно важно, что власть в позднекараханидских уделах была наследственной, передаваясь от отца к сыну. Значит тенденция превращения временных держаний бенефициального типа в наследственный лен, наметившаяся еще во второй четверти XI в., в XII столетии окончательно победила.

Сравнивая саманидское и караханидское время, можно заключить, что весь этот период характеризовался борьбой центростремительных и центробежных тенденций, но если при Саманидах преобладали первые, то при Караханидах — вторые. В Саманидском государстве мы усматриваем лишь зачатки удельного устройства, в Караханидском — победу удельной системы, торжество феодальной раздробленности.

Вполне естественно, что в Караханидском каганате верхние эшелоны власти были отведены именно членам царствовавшего дома. И все же они не были единственными носителями власти; среди правителей областей и городов, особенно конца X — начала XI в.,

было немало лиц иного происхождения. Прежде всего это представители старинных местных династий, уцелевших в некоторых областях от Саманидского периода и даже более ранних времен. Так, по монетам установлены имена четырех дихканов Илака — Мансура ибн Ахмада, Мухаммад ибн Мансура, Салара ибн Мухаммада, Бакра ибн Мухаммада. Тем самым выясняется, что непосредственная власть над этой небольшой, но богатой минеральными ресурсами областью, находилась в руках местных династов и что власть эта передавалась по наследству, переходя от отца к сыну, т.е. не так, как у Караханидов в ту пору. С одной стороны, илакские дихканы, не имевшие при Саманидах политической власти, при Караханидах ее получили вместе с правом чеканить монету, с другой — их статус был относительно невысок, а права и привилегии ограничены (они занимали нижнюю ступень иерархической лестницы, а иногда вовсе не упоминались на монетах). Столь же невысокое место в иерархии было отведено Матту, представителю тюркской по происхождению династии Маттидов, владельцев Испиджаба, а также Ахмаду ибн Мухаммаду, члену саганианского правившего рода Мухтаджидов. Самые поздние монеты местных владельцев была чеканены в Испиджабе в 404 г. хиджры / 1013—1014 гг. н.э., в Саганиане — в 406/1015—1016 гг., в Илаке — в 414 / 1023—1024 гг. Таким образом, по крайней мере в трех среднеазиатских областях Караханиды сохранили местных династов, которые в течение многих лет удерживали достаточно прочные позиции, несмотря на неоднократные перемены на более высоких уровнях иерархии. Очевидно Караханиды, заинтересованные в том, чтобы эффективно управлять завоеванной страной, весьма нуждались в сотрудничестве с местными правителями, имевшими давние и прочные корни в своих родных областях, и привлекали их предоставлением новых прав и привилегий, в частности в сфере монетной чеканки (при Саманидах дихканы Илака своей монеты вовсе не имели, Мухтаджиды и особенно Маттиды выпускали монеты намного реже, чем при Караханидах).

Среди монет Восточного Туркестана чекан местных династов до сих пор не выявлен, но о существовании там таких свидетельствуют некоторые письменные известия. Так, в китайских хрониках сообща-

ется, что правители «государства» Куча отправляли в Китай «посольства» с дарами (т.е., по существу, торговые караваны) на протяжении всего XI в., до 1096 г. включительно. Между тем Махмуд Кашгарский, писавший в третьей четверти того же столетия, называет пограничными пунктами караханидских владений Кучу и Бугур, лежавший намного восточнее Кучи. Согласовать эти сообщения можно, лишь допустив, что Караханиды и в завоеванных ими оазисах Восточного Туркестана или хотя бы в некоторых из них сохраняли у руля непосредственного управления местных владетелей. По крайней мере в некоторых сферах последние обладали, очевидно, определенным суверенитетом и достаточно большими правами, чтобы на международной арене их продолжали воспринимать как самостоятельную политическую силу.

Среди «низовых» правителей были не только местные династии. Здесь может быть назван знаменитый военачальник Бегтузун, один из крупнейших саманидских сановников. Он служил Караханидам вплоть до 1025 г. и служил, надо полагать, исправно, коль скоро был вознагражден пожалованием сперва Кеша, затем Самарканда, потом Ходженда. Определенно не принадлежал к Караханидам Али по прозвищу Сарраф («меняла»), известный по монетам Испиджаба 398—404/1007—1014 гг. Если его прозвание не родовое, то он мог быть привлечен к управлению Испиджабом как представитель крупного капитала. В целом чекан конца X — начала XI в. демонстрирует очень пестрый состав удельных правителей, значительная (если не большая) часть которых не принадлежала к Караханидам. Со второй четверти XI в. и на местах власть или во всяком случае монетная регалия сосредоточилась в руках самих Караханидов. Как показывают нумизматические факты, Караханиды, явившись в Среднюю Азию, привлекали к управлению кого угодно — местных владетелей, саманидских сановников, банкира-менялу или выходца из семьи, где это занятие было традиционным. Однако, наладив управление завоеванной страной, они лишили власти старинных местных династий (чего не решались сделать даже Саманиды) и отказались от услуг прочих лиц некараханидского происхождения.

При изучении государственного устройства Кара-

ханидского каганата приходится постоянно обращаться к нумизматическим материалам ввиду их исключительного богатства и, наоборот, скудости рукописных источников. Последнее обстоятельство объясняет, почему так мало известно о караханидской административной структуре, которая, разумеется, никак не отражалась в монетном чекане. Обычно считается, что в этой сфере Караханиды многое унаследовали от Саманидов. Это тем более вероятно, что, как отмечено выше, на службу к Караханидам переходили крупные саманидские сановники. Даже терминология во многом осталась прежней.

Ближайшим помощником и советником хана был вазир — «первый министр». При назначении на этот пост вручались печать, бунчук, барабан и кольчуга². Вазир получал особые «профессиональные» лакабы (почетные прозвания). Так, Садр ад-Дин Мухаммад, вазир предпоследнего самаркандского хана Ибрахима ибн Хусейна (1178—1203 гг.), имел лакаб Низам ал-Мулк — такой же, какой был у знаменитого сельджукского вазира XI в. Происхождение Садр ад-Дина неизвестно, вазир же Ибрахима ибн Насра (1040—1068 гг.), Абу Абдаллах Мухаммад ибн Абу Бакр Ахмад ал-Бараки (сын одного из учителей Ибн Сины), определенно принадлежал к духовенству. В царствование внука Ибрахима, Ахмада ибн Хызра, вазиром был Абу Наср Ахмад ибн Сулейман ал-Касани, одно время являвшийся верховным судьей (кади) Самарканда³. Рядом с вазиром Юсуф Баласагунский⁴ называет «халифа», т.е. «заместителя», «наместника» государя, но из контекста его функции совершенно неясны.

На одном из самаркандских надгробий конца XII в. упоминается мустауфи — этим термином в саманидское время обозначали казначея или чиновника финансового ведомства, существовавшего, конечно, и при Караханидах. Судя по документу XII в., в Западном каганате были также финансовые чиновники иного ранга — мутасаррифы, а кроме того финансовые контролеры — мушрифы.

Дворцовое ведомство возглавлялось хасс-хаджибом (т.е. «личным камергером»), или великим (улуғ) хасс-хаджибом, своего рода министром двора, главным камергером. Этим званием был пожалован Юсуф Баласагунский, в поэме которого очерчен круг обязаннос-

тей хасс-хаджиба. Он должен был следить за исполнением законов и обычаев, за правильной организацией официальных церемоний, входить в сношения с казначеем, писцами и пр., выслушивать просьбы и жалобы подданных и докладывать о них государю, принимать и провожать послов⁵.

Существовали тюркские эквиваленты арабских и персидских названий должностей: хаджиб — таянгу, мустауфи — агичи, вазир — югруш, сипахсалар — сьюбаши⁶.

В качестве наименований военных должностей приводятся также термины сархайл (командир конного отряда), салар (военачальник). Государь обычно сам водил войска в походы, но при этом существовала должность главнокомандующего (сипахсалара). Занимать ее мог и человек незнатного происхождения, как, например, Айяр-бек, который при Масуде ибн Хасане (1161—1171 гг.) восстал и даже захватил, на короткий срок, самаркандский престол. Огромное значение армии и ее командной верхушки видно не только из этого, но и многих других фактов караханидской истории. Мысль о войске, как важнейшей опоре престола, пронизывает всю поэму «Кутадгу билиг»:

*Без войска не правит людьми властелин,
А как он управится с властью один!
Страной управлять — нужно пестовать рать...*

Неоднократно разъясняется, как ее надлежит «пестовать»:

*Второе — будь щедрым, всех жалуй добычей,
Корыстный — без войска, таков уж обычай.
Дари серебро — и сберутся войска,
А копшь в запас — разбегутся войска.
Возрагуй войска — гай им куш из казны,
И — требуй, что хочешь — все будут верны!
Дарами их рагуй, держи их в почете,
Неволишь к иной и не вздумай работе⁷.*

Насколько актуальны были настойчивые призывы к щедрости, видно, в частности, из того, что в конце XI в. чигили, составлявшие ядро войска Западного каганата, восстали, недовольные скупостью султана Малик-шаха⁸.

О численности караханидских войск данных очень немного. Сообщается, например, что около 1165 г. Масуд ибн Хасан пересек Амударью со стотысячной армией. В. В. Бартольд, который первым привлек это известие, не сомневался в его достоверности⁹. И не мудрено: во-первых, исходит оно от современника событий, историка самого Масуда; во-вторых, в войске последнего были не только его собственные силы, но и киданьский отряд, причем столь значительный, что тогдашнее нашествие на Балх было воспринято другим историком как карахытайское¹⁰. Между тем, сравнительно незадолго до того, в Катванской битве 1141 г., все мусульманское войско, сражавшееся против карахытаев, насчитывало 100 тысяч воинов, а коль скоро основу его составляли силы повелителя обширной империи султана Санджара и многих его вассалов, то на караханидскую часть этой армии приходится явно меньше половины. В свете данного примера, приведенную историком Масуда цифру следует понимать не как точную, а просто как указание на большие размеры войска этого хана. Махмуд Кашгарский сообщает о другом Караханиде, Арслан-тегине, который с сорокатысячным войском разгромил огромную армию неверных, будто бы в 700 тысяч человек¹¹. По сравнению со второй цифрой первая вызывает гораздо большее доверие: в рассказе о победе Арслан-тегина важно было подчеркнуть, что неверные были разбиты несмотря на их многократный численный перевес, а для этого вполне естественно преувеличить силы кафиров, но уж никак не мусульман. Для домонгольского времени сорок тысяч — очень внушительная цифра. Вот лишь несколько примеров. В 1006 г. Караханидский завоеватель Мавераннахра Наср ибн Али отправил на Балх шеститысячный отряд¹². В 1080 г. караханидский владетель Мавераннахра отразил вторжение сельджукидского принца, имея восьмитысячное войско¹³. Караханид Мухаммад ибн Сулайман (1102—1130 гг.) совершал походы против неверных во главе двенадцатитысячного корпуса¹⁴. Наконец Юсуф Баласагунский, обобщая богатый караханидский военный опыт, вкладывает в уста одному из героев своей поэмы слова о том, что для битвы достаточно двенадцати тысяч воинов, а другому персонажу — что и четырех тысяч¹⁵.

Очень мало известно об областной (окружной) и городской администрации. Начальником города и его округа был раис. Говоря о домонгольском периоде в целом, В. В. Бартольд называет раиса «первым лицом города и представителем его интересов; через него государь выражал свою волю жителям»¹⁶. Трудно сказать, отличались ли какой-либо спецификой функции раиса в Караханидском каганате, поскольку известно лишь, что раисы были. Упомянувшийся уже Абу Абдаллах Мухаммад ал-Бараки, бывший одно время вазиром Ибрахима ибн Насра, потом стал раисом Бухары¹⁷. В XII в. садры из рода Бурханидов, возглавлявшие ханифитскую общину Бухары, стали там наследственными раисами и управляли Бухарой вплоть до начала XIII в. Были свои раисы и в Самарканде. Так, Ибн ал-Асир рассказывает о заговоре, который был направлен против правителя Арслан-хана Мухаммада (1102—1130 гг.) и который возглавили глава духовенства и самаркандский раис, в стихах ал-Газзи, именуемый садром¹⁸. На самаркандском погребении 1185 г. отцом погребенного назван кади, имам, раис, садр Низам ад-Дин Абдаррахман.

В домонгольской Средней Азии слово «садр» обычно употреблялось как почетный титул предводителей духовенства, нередко исполнявших и административные функции. Так, в качестве адресатов многих касид поэта Сузани (XII в.) выступают садры, именуемые также дихканами и управлявшие отдельными областями, чаще всего Самаркандом; дихкан Али ибн Фахр ад-Дин управлял Несефом¹⁹. Как явствует из надписей надгробия 1185 г., садр мог быть не только раисом, но и кади. Мухаммад ал-Бараки был сперва бухарским кади, потом вазиром, затем раисом Бухары²⁰. Административные и судебные функции могли соединяться в одном лице. Так, Абу Бакр Мухаммад ибн Абдассамад ибн Исмаил ал-Бухари в конце XI в. был одновременно кади и хакимом (правителем) провинции (кура) Яркенд²¹. Скончавшийся в 1203 г. узгендский шейх Абу Наср Ахмад ибн Мухаммад назван в эпитафии садром, правосуднейшим из судей и справедливейшим из правителей (хуккам)²². Похоже, что кади города Кушании, осмеянный в одном из произведений Сузани, полновластно в нем распоряжался²³. Помимо судей отдельных городов (округов, областей), в Караха-

нидском государстве были главные судьи (кади кудат), возглавлявшие судейский аппарат; упомянутый выше Абу Наср Ахмад ал-Касани был кади кудат при Хызре ибн Ибрахиме. Он, в частности, назначил Масуда ибн Махмуда ал-Харкани своим заместителем по судопроизводству в самаркандское селение Харкан.

Исследователь администрации домонгольского города Средней Азии О. Г. Большаков на примере Хорасана показал существование целых судейских династий и предположил, что о наличии таковых в Мавераннахре мы не знаем лишь из-за отсутствия соответствующих рукописных источников²⁴. Такие источники не выявлены и поныне, но правоту О. Г. Большакова отчасти подтверждают надписи самаркандского кайрака 1185 г., где покойный шейх назван имамом, кади, его отец — кади, имамом, райсом, а дед — великим садром.

В «Кутадгу билиг» упоминаются также мухтасибы, которые должны поддерживать строгий порядок и заботиться о мечетях²⁵.

Даже из имеющихся немногочисленных и отрывочных данных отчетливо видно, что ряды гражданской администрации преимущественно пополнялись из среды духовенства. Это более чем естественно и характерно не только для Средней Азии, но лишний раз подчеркивает огромную роль мусульманского духовенства, которое не раз давало почувствовать свою силу караханидским ханам. Но какова бы ни была мощь духовенства, все правители общегородской администрации, по заключению О. Г. Большакова, были всего лишь правительственными чиновниками, а какие-либо элементы общегородского самоуправления отсутствовали²⁶. В целом же все члены государственного аппарата, вплоть до вазира, были только «слугами» и «рабами» государя, от которого зависели не только служебное положение, но даже жизнь и смерть «слуги».

*Хотя бы в одном оплошал лишь едва,
Как ты ни велик, а прощай голова!*

*А бек, как ни мал он, а все же он — бек,
И слуг своих выше он славой на век!*

Это и многое другое в том же роде мы читаем у

Юсуфа Баласагунского²⁷, а он сам, будучи одним из вельмож, хорошо знал, что говорил.

При всем том, власть государя, конечно, не была абсолютно неограниченной. Ему приходилось считаться и с правами других членов династии, и с силой военной аристократии, и с авторитетом и влиянием мусульманского духовенства. И в борьбе между благочестивыми караханидскими ханами и духовенством не всегда жертвами становились представители последнего — был случай, когда погиб государь, внук создателя Западного каганата.

Итак, Караханидскому каганату, просуществовавшему более двух столетий принадлежит огромная роль в истории государственности Средней Азии и в частности Узбекистана, территория которого почти целиком входила в его состав.

Основная его значимость в том, что от предшествующих традиционных организаций власти, Караханиды принесли иные принципы государственного устройства и систему наследования власти, которые были связаны с весьма давними кочевыми, древнетюркскими традициями. От предшествующей державы Саманидов Караханидский каганат включал также характер и уровень феодальных пожалований и торжество удельной системы, ставшей определяющей организацией в Караханидском каганате. Словом, Караханидский каганат являл собой совершенно новые явления в эволюции государственности Узбекистана.

Библиография

¹ Kochnev B. The origins of the Karakhanids: A reconsideration // Der Islam. Bd. 73. Berlin, 1996. P. 352—357. Об истории Караханидов существует обширная литература. Это прежде всего классический труд Бартольда В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. (Соч. Т. I. — М., 1963). О Караханидах имеются и монографические исследования (Pritsak O. Die Karachaniden // Der Islam. Bd. 31. Berlin, 1953; Караев О. История караханидского каганата. Фрунзе, 1983; Кочнев Б. Д. Караханидские монеты: источниковедческое и историческое исследование. Автореф. Дис. на соиск. Докт. ист. наук. М., 1993). Итогом многочисленных и весьма важных нумизматических изысканий Е. А. Давидович явилась ее емкая статья (Davidovich E. A. The Karakhanids // History of civilization of Central Asia. Vol. IV. Part 1. Paris, 1998).

² Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. Издание подготовил С. Н. Иванов. — М., 1983. С. 105.

³ Камалиддинов Ш. С. «Китоб ал-ансаб» Абу Сада Абдалкарима

ибн Мухаммада ас-Самани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993. С. 134.

⁴ Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. С. 400.

⁵ Коконев А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. С. 501—502.

⁶ Pritsak O. Die Karachaniden. С. 24; Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. С. 553.

⁷ Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. С. 174, 192, 240, 408, 409, 417.

⁸ Бартольд В. В. Туркестан... С. 380.

⁹ Там же. С. 400.

¹⁰ Там же. С. 399.

¹¹ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. Т. V. — М., 1968. С. 86.

¹² Бартольд В. В. Туркестан... С. 334.

¹³ Бунятов З. М. Гарс ан-Нима ас-Саби и Камал ад-Дин ибн Фувати об истории Караханидов // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежедневник (1974). — М., 1981. С. 7.

¹⁴ Бартольд В. В. Туркестан... С. 382. Примеч. 5.

¹⁵ Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. С. 192.

¹⁶ Бартольд В. В. Туркестан... С. 294.

¹⁷ Камалиддинов Ш. С. «Китоб ал-ансаб». С. 134.

¹⁸ Бейлис В. М. Политические мотивы в творчестве арабского поэта ал-Газзи (441/1049—50—524/1129—30) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежедневник (1976—1977). — М., 1984. С. 43.

¹⁹ Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. — М., 1960. С. 470—471.

²⁰ Камалиддинов Ш. С. «Китоб ал-ансаб». С. 134.

²¹ Бартольд В. В. Богра-хан, упомянутый в Кутаду билиг // Соч. Т. V. — М., 1968. С. 421—422.

²² Настич В. Н., Горячева В. Д. Эпиграфические памятники Узгена // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983. С. 171—172.

²³ Бертельс Е. Э. История... С. 69.

²⁴ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. — Л., 1973. С. 329—331.

²⁵ Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. С. 414.

²⁶ Беленицкий А. М. и др. С. 333.

²⁷ Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. С. 312—314.

ГОСУДАРСТВО АМИРА ТЕМУРА И МЕХАНИЗМ ЕГО УПРАВЛЕНИЯ

Государственное устройство в державе Амира Темура основывалось на вековых традициях местной государственности, обогащенной опытом сопредельных стран Востока.

К концу XVI в. строго централизованное государство Амира Темура стало крупнейшим государственным

ным объединением пожалуй не только на всем Востоке, но и во всем мире. Оно имело разветвленную управленческую и административную систему, подчиненную единому властелину — Амиру Темуру, хотя формально, в соответствии с правилами, принятыми тогда среди тюркских и монгольских племен, во главе государства стояли подставные ханы из династии Чингизидов — вначале Мухаммад Суюргатмыш, а затем Махмуд Султан.

Основы государства Амира Темура были заложены еще в 1370 г. на курултае в Самарканде, а затем в течение многих лет вся система и принципы управления государством неизменно совершенствовались и корректировались в зависимости от тех или иных факторов, в частности включения в него тех или иных территорий.

Основным стержнем государственного управления были принципы законности и мусульманского права. «Я построил здание своего государства согласно исламу, — говорил Амир Темура, — управлял на основе закона (туры и тузуков) и все, что совершал в повседневной деятельности, делал, опираясь на закон».

Амир Темура обеспечил в своем государстве силу и действенность закона. Им был создан компактный государственный аппарат, состоявший из семи ведомств: 1) канцелярия главного визиря (министерство по делам страны и народа); 2) военное министерство (министерство по делам войска); 3) министерство по делам финансов; 4) министерство двора; 5) министерство юстиции (диван верховного казия); 6) министерство государственной безопасности (диван-и мушриф); 7) министерство по делам внешних сношений (диван-и расаил).

Центральную исполнительную власть здесь возглавлял совет визирей (аркан-и давлат), в состав которого входили семь визирей во главе с главным визирем (диванбеги). Они занимались составлением отчетов о численности населения, развитии торговли и культуры, состоянии надзора в государстве, информировали правителя о деятельности администрации, положении дел в провинциях, сборе и распределении податей, налогов и т. д.¹

Каждый из визирей выполнял определенные функции. Так, первый визирь (по государственным и гражд-

данским делам) занимался вопросами сбора урожая, податей и налогов с вилайатов (областей) и туманов (районов) и их распределением. В круг его обязанностей входили также учет материальных и денежных ценностей, вопросы благоустройства.

Второй визирь по военным делам (визир-и сипах) представлял государю списки войск и реестр жалования, докладывал о довольствии и вооружении армии, информировал о состоянии военного дела в государстве.

Третий визирь по делам торговли следил за жертвованиями и налогами, которые уплачивали купцы (закат-и бадж), отвечал за сохранность стад, пастбищ, прудов и лугов, ведал сбором налогов (средств) со скотоводов, занимался распределением товаров и имущества, оставшихся без владельцев, а также вопросами наследования.

Четвертый визирь следил за финансовым состоянием учреждений и ведал государственной казной.

При дворе были введены должности еще трех визирей, следивших за состоянием дел в провинциях и зависимых владений (табе), т.е. в вассальных государствах, а также ведавших вопросами государственного имущества. Они контролировали поступление средств в казну и отвечали за связанные с этим финансовые операции. В целом совет визирей представлял собой главное управление по контролю в государстве, которое именовалось «халиса» (лояльный комитет).

Все семь визирей подчинялись диванбеги, без согласия которого не могли осуществлять финансовые или иные операции. Как сообщают письменные источники², в период правления Амира Темура и Темуридов обязанности высших чиновников в государственном управлении выполняли Амир Дауд, Джалаал ад-Дин Ферузшах, Гийяс ад-Дин Шах Малик, Ала ад-Дин Алика Кукадаш и Алишер Навои, которые своими практическими действиями способствовали благоустройству и укреплению устоев государства.

При кабинете (диванхана) были учреждены должности духовного судьи по вопросам, связанным с религией; гражданского судьи, занимавшегося делами подданных страны, а также должности высшего духовного сана — арзбеги, садр-и а' зам, шайх ал-ислам и ахдас кази³.

Арзбег занимался приемами жалоб и заявлений от граждан и воинов, составлял сведения о делах государства и информировал об этом верховное управление. Садр-и а' зам — главный чиновник по вакуфным имуществам и ценностям духовенства — контролировал собственность медресе, мечетей и ханака, проводил опись земель и имущества по передаче в вакф пожертвованных владений и юридически их оформлял.

Шайх ал-ислам следил за исполнением законов шариата лицами разного социального сословия, своевременным и правильным соблюдением ими мусульманских обрядов и ритуалов. Правовыми делами ведал и главный судья (кази ал-куззат) государства, именовавшийся также ахдас кази, который вел гражданские дела. Специальный секретарь (мунши) отвечал за поступление и распределение ежедневных денежных средств и их учет в государстве.

В административном отношении государство Амира Темура делилось на улусы, вилайаты и туманы, которыми соответственно управляли хаким, наиб и туманбаши (т.е. правитель, наместник и тысячник). Многие из них были амирами и военачальниками. Город, область или округ имели свое финансовое управление, т.е. диванхану, судью, муфтия, мутававали и мухтасиба (чиновника-администратора), а также делопроизводителя.

Местные административные органы подчинялись верховному государственному управлению и правителю. Как правило, наибями и хакимами областей назначались царевич или проявившие себя военачальники и представители высших чинов, ибо Амир Темур управлял огромным государством через своих сыновей, внуков и приближенных, при этом он широко использовал систему суюргала, т.е. феодального лена. Как известно, судьба государства, его величие или распад во многом зависели от функционирования государственных учреждений и деятельности чиновников (визирей, эмиров и др.). Поэтому Амир Темур государственные учреждения как в центре, так и на местах комплектовал людьми компетентными, честными и добросовестными. По его мнению, государственные служащие, особенно визири, должны обладать четырьмя необходимыми качествами: 1) благородством и величием; 2) умом и принципиальностью; 3) осведомленностью о положении народа и войс-

ка; 4) воздержанностью, терпимостью и миролюбием. Амир Темур не принимал на государственную службу корыстолюбивых, развращенных, завистливых людей и клеветников. Он предупреждал своих потомков относительно подобных людей, говоря: «Люди злые и мстительные, изменники и завистники должны быть исключены из государственных канцелярий (диванов), потому что их участие в управлении делами (царства) приведет к ослаблению государства».

Как свидетельствуют источники, Амир Темур четко определил права и обязанности каждого государственного служащего, работавшего в центральном аппарате или канцелярии местного правителя, требуя, в частности от последних, неизменно проявлять заботу о благоустройстве малых и больших городов и селений: строить в них мечети, медресе, дервишеские обители (ханакахи, завие), бани, постоялые дворы (караван-сарай) и лечебницы; чинить мосты и строить новые; обеспечивать безопасность торговых караванов и путешественников; защищать посеы и огороды от воров и грабителей.

Все области, входившие в состав государства, Амир Темур незадолго до своей кончины разделил между своими потомками следующим образом: Азербайджан, Рум и Константинополь, Сирию и Египет он отдал царевичу Умару, сыну Мираншаха; Фарс и Ирак — царевичу Пир Мухаммаду, сыну Умаршайха; весь Хорасан до Рея и Сеистан — царевичу Шахруху; «страну Султана Махмуда Газневи» от Кабула и Кандахара до Индии, включая долину реки Синд, — Пир Мухаммаду, сыну Джангира; Ташкент, Отрар, Сайрам, Ашпару до границ Китая — Улугбеку; Фергану, Тараз до Хотана, т. е. юго-западную часть Восточного Туркестана — Ибрахим Султану. Правители этих земель хотя и подчинялись верховной власти, но в определенной мере обладали самостоятельностью, имея собственное управление и войско. Однако как подданные верховной власти и согласно законам государства они должны были направлять часть собранных налогов в центральную казну. По первому же требованию верховного правителя они также были обязаны выставлять определенное количество войска и участвовать в военных походах.

Сюргал как восточная форма лена получила при Амуре Темуре широкое распространение. Лица, имев-

шие суюргальные владения, управляли ими как вассальные правители. С санкции главы государства эти владения нередко передавались по наследству. Владелец полностью или частично распоряжался также доходами с суюргальных земель. Так, после подавления восстания гератцев Амир Темур ликвидировал династию Куртов, образовал в составе Балха, Кундуза, Бадахшана, Хутгалана и Хисара гератское владение и передал его в суюргал своему сыну Мираншаху.

В 1392 г. на основе суюргала его внуку Пир Мухаммаду, сыну Джахангира, было пожаловано газневидское владение. В 1393—1394 гг. второму своему сыну Умаршайху Амир Темур передал в качестве суюргального пожалования Фарс. В 1393 г. в виде суюргала Мираншаху были пожалованы Иран и Ирак. Затем эти земли были переданы Амиром Темуром Мухаммад Султану, а после его смерти в 1400 г. сыну Мираншаха Умару. На том же основании Рустам, сын Умаршайха, владел Исфаханом, а Абу Бакр, сын Мираншаха, — Багдадом.

Таким образом, объединяя отдельные феодальные владения в единое государство, Амир Темур одновременно его и дробил, создавая новые владения и раздавая в суюргал округа, области и целые страны.

Обладая твердой властью, государь умел подчинить своей воле вассалов, и горе было тому, кто не выполнял его приказов и противостоял воле властелина. Так, в 1388 г. в Самарканде Амир Темур жестоко наказал некоторых амиров, выразивших ему свое недовольство. Он также отнял Фарс с городом Шираз у сына Умаршайха Пир Мухаммада, который отказался выступить в поход по его приказу. Лишь в 1403 г. Пир Мухаммаду вновь был возвращен его суюргал.

Большое значение Амир Темур придавал советам (кенгаш), устраиваемым для решения важных государственных дел. Он говорил: «девять частей своих дел я решал на основании решений советов (старейшин, эмиров, визирей, умных и умудренных опытом людей) и лишь одну часть — при помощи меча». Без решения совета Амир Темур ничего не предпринимал.

Огромное внимание уделял Амир Темур проведению курултаев и советов. По словам Али Йазди¹, в них наряду с государем, принимали участие царевичи — правители владений, военачальники, авторитетные вель-

можи и богатые торговцы. Здесь обсуждались важнейшие вопросы экономического и военного положения, основных дел в государстве, принимались указы и намечались мероприятия на ближайшую перспективу. Примечательно, что эти заседания проходили в духе открытых обсуждений, на них выслушивались различные мнения, которые затем принимались или отвергались правителем.

По вопросам государственной важности Амир Темура советовался со специалистами в той или иной области. Например, в 1403 г. на заседании совета в Байлакане были приглашены ученые и умудренные опытом люди, которые давали свои рекомендации относительно дел по благоустройству и строительству общественных зданий, сооружений и др.⁵

Примечательно и то, что проведение курултаев, советов, царских приемов, пышных дворцовых церемоний основывалось на традициях средневековой государственности, начиная от торжественности проводившихся мероприятий и кончая женскими церемониальными одеяниями. При Амуре Темуре они достигли своеобразного протокольного совершенства.

Например, во время официальных церемоний главный амир, главный бек, амиры, военачальники, главы улусов, вилайатов и туманов, а также тысячники, сотники, в зависимости от сана, чина и должности, располагались по левую сторону от правителя; сайиды, судьи, свита ученых, музыканты, люди высшего сословия — по правую; главный и другие визиры восседали напротив престола, а хакимы городов и старосты селений — за ними. Гвардейцы (воины с саблями) находились за престолом с правой стороны, а охрана — с левой.

Важнейшей составной частью системы управления государством являлась армия, укреплению и совершенствованию которой Амир Темура придавал исключительное значение⁶. Восхождение Амира Темура началось благодаря его военному искусству, но официальное признание произошло на курултае в Балхе, который избрал Амира Темура властителем Мавераннахра, предоставив ему, тем самым, возможность установить долгожданный мир, стабильность и порядок в стране. Следует сказать, что еще до начала битвы с Хусейном, когда Амир Темура подходил к Термезу, в

местности Бева, в трех фарсах (ок. 20 км) от Термеза, в его ставку прибыл один из священнослужителей Мекки Сайид Барака и преподнес сахибкирану барабан и знамя — атрибуты власти. Впоследствии Сайид Барака до самого конца жизни провел в походах вместе с ним.

Однако курултай не определил точных границ государства и подвластных ему земель, с которых следовало брать в казну налог — харадж. Амир Темура должен был решить эту задачу лично сам. Кроме того, еще оставался нерешенным вопрос о тайных и явных претендентах на власть. Амир Темура сразу же взялся и за их решение.

В начале лета 1370 г. Амир Темура избрал своей столицей Самарканд и построил в нем цитадель. За короткое время, восстановив разрушения в столице и придав ей блеск, он приступил к решению вопроса о мятежниках-претендентах на власть и территориального вопроса. Следующие десять лет он посвятил именно этому.

Весной 1380 г. он возвел крепостные стены вокруг Кеша и начал строительство дворца Ак Сарай — одного из величественных зданий средневековья.

Таким образом, к весне 1380 г., совершив за десять лет пять походов в Джете и четыре — в Хорезм, в целом ему удалось объединить эти части Центральной Азии.

Восточные его пределы были обезопасены и расширены до Гульджи. Решил он и спорную проблему Хорасана, часть которого издавна принадлежала улусу Чигатая, мирным путем — правитель Хорасана Алибек Джаникурбани пришел с повинной к Амиру Темуру и изъявил покорность. Таким вот образом границы его государства отодвинулись до Каспийского моря. Учитывая подчиненность хана Золотой Орды Тохтамышша, с 1380 г. государство Амира Темура следует рассматривать как империю.

Дальнейшие события в приграничных районах государства вынудили его совершить ряд военных походов в Восточный Туркестан, Иран, улус Джучи, Анатолию, Кавказ, Ирак и Сирию. По продолжительности каждый из этих походов был назван «трехлетним», «пятилетним» и «семилетним». Его цель заключалась во включении данных территорий в состав централизо-

ванного государства с тем, чтобы обезопасить караванную торговлю на Великом шелковом пути и дорогу паломникам в священные города мусульман Мекку и Медину.

Еще в начале 1360 г., когда Амир Темура в двадцатичетырехлетнем возрасте вышел на политическую и историческую арену Мавераннахр как вполне сформировавшийся государственный деятель, он застал разруху, смуту, предательство и насилие. Страна была полностью разобщена, чем воспользовались иноземцы. Уже тогда он понял, что если она будет оставаться такой же разобщенной и разделенной, то непременно станет легкой добычей для завоевателей.

Слушая исторические рассказы с детских лет, он знал, что на его родине в прошлом существовали сильные государства, дававшие отпор любому врагу. Он хорошо знал историю великих Хоразмшахов, противостоявших монгольскому вторжению. Поэтому сначала им овладела идея возрождения, воссоздания границ улуса Чигатая, а затем — идея объединения всей страны. Его конечной целью было создание единого государства, с процветающей экономикой и культурой, где полностью была бы обеспечена безопасность населения. Для осуществления своей идеи Амир Темура воевал 35 лет.

Шараф ад-Дин Йазди об этом пишет: «Вначале, когда в каждой стране мира сидел свой царь и из-за разногласий и стычек между ними страдали многие мусульмане и нигде не было безопасности и покоя, а на дорогах бесчинствовали воры и грабители, из-за чего они были закрыты и ни один мусульманин нигде не мог ходить, то государь сахибкиран приложил усилия для этих дел...

По велению всевышнего господина издавна было установлено, что в то время, когда в мире нарушалось равновесие и устанавливался разлад, сахибкиран восстановил равновесие своим гневом и ненавистью. Господь всевышний выделил его среди людей и поднял, в его сердце вложил власть и победу, благодаря чему он завоевал мир. Благодаря его справедливости и правосудию стало так, что если кто-либо, подняв на голову таз с золотом или серебром, пройдет с крайнего запада на крайний восток сам один, никто не осмелится посмотреть на него прямо. Однако он вынужденно

разорил многие земли: если бы он не сделал этого, порядок в мире не был бы установлен»⁷.

Величие Амира Темура заключается в том, что история возложила на него сразу несколько великих миссий. Первая — это объединение Центральной Азии в единое государство. Другая состояла в разгроме Золотой Орды в 1395 г., после чего степное государство уже не смогло восстановить былую свою мощь. Это открыло прямую дорогу к усилению Московской Руси и объединению других русских уделов вокруг этого государства. Как писал А. Ю. Якубовский, «Темур вел борьбу с Золотой Ордой ради среднеазиатских интересов..., однако объективно он сделал полезное дело не только для Средней Азии, но и для Руси»⁸. Кроме того, благодаря разгрому Тохтамыша в 1401 г. была восстановлена Польско-Литовская уния и одержана победа в Грюнвальдской битве 1410 г.

Таким образом, Амир Темур совершил крутой поворот в истории Восточной и Центральной Европы. Третья миссия Амира Темура — его победа над Байазидом I в 1402 г. у Анкары. Разгромив державу Османов, Амир Темур восстановил прежние княжества в Малой Азии и раздробил Османскую империю, отбросив на 50 лет новое объединение этой державы и завоевание ею стран Европы.

Нельзя не сказать и о том, что благодаря объединению Амиром Темуром громадных географических территорий с различным уровнем культуры в единое централизованное государство, были созданы условия для бурного развития культуры, которое западными учеными названо «Темуридским Ренессансом».

Созданные Амиром Темуром механизмы управления огромной державой были весьма действенны при его жизни, потому что весь процесс их функционирования подчинялся воле, мощи и величию этой выдающейся личности. Вместе с тем, объединяя различные владения в единое государство, Амир Темур одновременно создавал новые, раздавая в сюргал округа, области и целые страны, которые затем зачастую передавались по наследству. Такого рода система, способствуя постоянному накоплению внутренних центробежных сил, в конечном итоге после кончины Амира Темура привела к распаду великого государства.

Библиография

¹ Уложение Тимура. — Ташкент, 1992. С. 40—41.

² Там же. С. 41.

³ *Абдураззак Самарканди*. Матлаъи саъдайн ва мажмаи бахрайн. Тошкент, 1969; *Шараф ад-Дин Али Йазди*. Зафар-наме, л. 457 а.

⁴ *Шараф ад-Дин Али Йазди*. Зафар-наме / Подготовка к печати, предисловие, примечания и указатели А. Урунбаева. Ташкент: Фан, 1972, л. 99 а.

⁵ *Мухаммаджонов А.* Темур ва Темурийлар салтанати. Тошкент, 1994. 44 б.

⁶ *Муминов И. М.* Роль и место Амира Темура в истории Средней Азии. Ташкент, 1968. С. 28—29.

⁷ *Шараф ад-Дин Али Йазди*. Зафар-наме, л. 464 б.

⁸ *Якубовский А. Ю.* Темур // Тамерлан: эпоха, личность, деяния. — М.: Гураш, 1992. С. 33; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. — М. — Л., 1950. С. 373.

**ГОСУДАРСТВА УЗБЕКИСТАНА
В XVI—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX В.**

БУХАРСКОЕ ХАНСТВО (ЭМИРАТ)

В конце XV в. государство, созданное Амиром Темуром, распалось на ряд мелких владений, во главе которых стояли полунезависимые правители, в большинстве своем не обладающие реальной властью. Решающую роль в государственных делах Темуридов в Мавераннахре играли тарханные беки, а также два сына Убайдуллы Ходжа Ахрара — Ходжа Кутб ад-Дин Йахийя и Ходжа Мухаммад Абдаллах, более известный как Ходжаги Ходжа. Отдельные амиры также пытались властвовать независимо от правителя, формально считавшегося верховным.

Между тем, на севере Средней Азии набирало мощь ополчение Мухаммада Шайбани, внука Абулхайр-хана (1428—1469 гг.) — правителя государства кочевых узбеков в восточной части Дашт-и Кипчака.

Мухаммад Шайбани (1451—1510 гг.) по приглашениям то самаркандского, то бухарского правителей стал активно вмешиваться в политические события в Мавераннахре. В 1497 и 1498 гг. он дважды участвовал в осаде Самарканда. Затем он присоединился к войску темуридского правителя Бухары, выступившего при его поддержке против ташкентского хана. Какое-то время Мухаммад Шайбани прожил в Бухаре и сблизился здесь с некоторыми светскими и духовными сановниками, которые позже помогли ему укрепиться на самаркандском престоле.

За несколько лет Шайбани-хану удалось подчинить Самарканд, Бухару, Ташкент, Андижан и весь Хорезм¹. В 1506 г. был покорен Балх, в 1507 г. — завоеван Герат. К концу жизни Шайбани-хана в подвластное ему государство входила огромная территория, включавшая северные присырдарьинские города, Хорезм, Ферганскую долину, земли южного Туркменистана с Мервом, а также Дамганскую область с Мешхедом и Астрабадом².

Шайбани-хан сосредоточил в своих руках и светскую, и духовную власть, присвоив себе звание «Хазрат-и имом-аз-замон ва халифат ар-рахмон» — «Его величество имам времени и халиф всемилостивого»³.

Войскам Шайбани-хана упорное сопротивление оказал Захириддин Мухаммад Бабур (1483—1530 гг.), сын ферганского правителя Умаршайха, праправнука Амира Темура. В династийной борьбе юному Бабуру дважды удалось возглавить правительство в Самарканде, сначала вступив в борьбу с другими Темуридами, а позже, уже после захвата Самарканда войсками Мухаммада Шайбани — в 1500 г. Заговор против гарнизона, оставленного Мухаммадом Шайбани в городе, возглавил Ходжа Абулмакарим, потомок Бурхан ад-Дина Маргинани. Бабур был впущен в Самарканд и провозглашен верховным правителем, его власть вскоре была признана и другими городами Мавераннахра. Но удержаться в Самарканде Бабур не смог. Помощь из окружающих Самарканд районов, также разоренных в результате военных действий, не поступала и в городе начался голод. Тяжелым положением горожан воспользовался Мухаммад Шайбани.

Узнав о приближении войск Шайбани-хана, Захириддин Бабур решил дать своему противнику бой на подступах к городу, у Сари Пула, но в жестоком сражении потерпел поражение, в результате чего он был вынужден оставить город.

Позднее ему еще раз удалось занять Самарканд, но это было уже после гибели Мухаммада Шайбани.

В начале 1513 г. Бабур вынужден был навсегда покинуть Самарканд.

В дальнейшем лишь отдельным шайбанидским ханам удавалось добиться признания со стороны правителей областей и достичь определенных успехов в усилении центральной власти. Одним из таких был Убайдулла-хан (1533—1539 гг.), который, являясь удельным правителем Бухары, объявил ее столицей государства. К середине XVI в. государство Шайбанидов состояло из нескольких фактически самостоятельных владений. В двух его крупнейших городах — Самарканде и Бухаре одновременно восседали два правителя, официально именовавшиеся ханами.

Фактически почти «самостоятельным государством» был Ташкент — центр административного управления и экономической жизни области, в состав которого входили Фергана и города по Сырдарье. Роль Ташкента усилилась в годы правления шайбанидских султанов — Суюнч-ходжи и Кучкунджи-хана, сыновей Абул-

хайр-хана и дочери Улутбека Рабиъа-Султан, внуков Мирзо Улутбека.

В обстановке раздробленности, взаимной вражды султанов и беков одним из претендентов на власть в Бухаре выступил Абдулла-султан, активно поддержанный могущественными джуйбарскими шейхами. Абдулла-хану II (1557—1598 гг.) удалось объединить под своей властью разрозненные области. В 1573 г. им был подчинен Балх, в 1574 г. — Хисар, в 1578 г. — Самарканд, в 1582 г. — Ташкент, в 1584 г. — Бадахшан.

Столицей государства при Абдулла-хане окончательно стала Бухара — политический, экономический и административный центр страны, само государство поэтому в дальнейшем называется историками «Бухарским ханством». В годы правления Абдулла-хана II наблюдается рост ремесленного производства, внутренней, внешней и транзитной торговли. Частью его внутренней политики была денежная реформа, преследовавшая цель создания благоприятных условий для торговли.

Последние годы правления Абдуллы II характеризовались внешнеполитическими неудачами. На севере стал активно действовать казахский султан Таваккал. На юге иранский шах Аббас I стал вытеснять войска Абдулла-хана из Хорасана. Смерть Абдулла-хана послужила сигналом к восстановлению независимости Хорезма.

В самом конце XVI в. отсутствием центральной власти и воцарившимся в стране после смерти Абдулла-хана II беспорядком активно воспользовались внутренние и внешние противники Бухарского ханства, усилилась борьба за полную независимость от центрального управления улусных амиров.

Ханы из новой, пришедшей к власти династии — Джанидов (Аштарханидов) (1601—1753 гг.)⁴, не могли не считаться с амирами и военно-кочевой знатью, как и с представителями крупного мусульманского духовенства, которые представляли из себя большую экономическую и политическую силу. А это в значительной степени определило все более усиливающуюся раздробленность государства и падение роли центральной власти⁵.

Некоторая политическая устойчивость наблюдается при Имамкули-хане (1611—1642 гг.). В первые годы его правления не прекращались набеги кочевников на

северо-восточные районы Бухарского ханства. Имамкули выступил против них и подчинил территорию до Ашпары и Кара-тау. Затем Имамкули-хан захватил Ташкент, в результате чего Ташкентская область вновь была подчинена Бухарскому ханству, в состав которого в эти годы входила также вся Ферганская долина. Верховную власть Имамкули-хана признавал и правитель Балха. В период его более 30-летнего правления положение Бухарского ханства несколько упрочилось.

Однако во второй половине XVII в. Бухарское ханство подвергается опустошительным нападениям войск хорезмских правителей, разоривших окрестности Бухары и многие города и селения.

В состав Бухарского ханства формально входила также Балхская область с округами — Кундуз, Джузган (Файзабад), Шаберган, а также Термез, Куляб и Кабадиан.

Балхское владение на протяжении почти 250 лет (XVI—первая половина XVIII в.) было почти самостоятельной областью, хотя временами оно номинально признавало верховную власть бухарских ханов. Не случайно Балх с окружающими его районами в письменных источниках тех лет именуется «балхским царством», «балхским государством», «балхским ханством»⁶.

Ослаблением Бухарского государства воспользовался захвативший в 1736 г. власть в Иране Надир-шах Афшар. После второго похода в Среднюю Азию ему удалось в 1740 г. договориться с аталыком Мухаммад Хаким-бием, происходившим из племени мангытов. Джанид Абу-л-Файз-хан (1711—1747 гг.) к тому времени фактически был полностью отстранен от государственной власти.

Мухаммад Хаким-бий вступил в переговоры с Надир-шахом и призвал население не оказывать сопротивление его войскам. Амирам и государственным сановникам он обещал добиться сохранения за ними их имущества и занимаемые ими должности.

При его содействии Надир-шах был признан верховным правителем Бухарского ханства, которое до смерти шаха в 1747 г. считалось находящимся в вассальной зависимости от Ирана. Полномочным правителем Бухары Надир-шах назначил главу всех аталыков Мухаммад Хаким-бия, его дядя Мухаммад-Даниал-бий, будущий всемогущий властитель Буха-

ры, получил в управление Кармине, а сын — Мухаммад Рахим-бий — стал одним из приближенных Надир-шаха.

После смерти Мухаммад Хакима в 1743 г. Мухаммад Рахим сосредоточил всю власть в своих руках. По его приказу Абу-л-Файз-хан был убит и в 1753 г. амир Мухаммад Рахим занял бухарский престол, основав династию Мангытгов, последнюю династию Бухарского государства, просуществовавшего до 1920 г.

Рахим-бий активно проводил политику централизации власти, снимая с должностей могущественных амиров и заменяя их представителями из средних слоев населения. Амиры племен лишались своих исконных владений (юртов) и насильно переселялись на новые земли, с тем, чтобы лишить их поддержки со стороны соплеменников.

Рахим-бий добился самостоятельного управления государством. Возведению его в 1753 г. на бухарский престол помогли активные выступления представителей ремесленников и торговцев, в определенной степени всегда поддерживавших политику объединения государства и усиления верховной власти.

В 1785 г. главным аталыком эмирата стал сын Даниял-бия Шах-Мурад. Свергнув последнего номинального правителя Джанида Абулгази (начиная с 1753 г. джанидские ханы никакой роли в государстве уже не играли), он официально объявил себя амиром — главой государства, и повел борьбу за усиление Бухарского государства. Ему удалось добиться поддержки со стороны бухарцев, которых он освободил от ряда налогов и повинностей.

Шах-Мурад ввел новшества в суде, попытался заменить наделение войсковых командиров доходами с земель денежной платой, упорядочить вакфные хозяйства. Шах-Мурад неоднократно объявлял войны против «еретиков-шиитов», и организовывал походы на территорию Ирана и Афганистана.

В дальнейшем в Бухарском эмирате наблюдается значительное укрепление государственной власти. Однако процессы консолидации тормозились частыми военными действиями со стороны правителей Кокандского и Хивинского ханств, а также восстаниями, одним из которых было сильнейшее восстание китайкипчаков.

В период правления Насруллы (1826—1860 гг.) раз-
вертываются новые походы, связанные с борьбой за
объединение отдельных областей и стремлением к уси-
лению государственной власти.

ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО

Хорезм в конце XV—начале XVI в. лишь фор-
мально считался частью государства Темурида Сул-
тана Хусейна. В последние годы своего царствова-
ния Султан Хусейн (ум. в 1507 г.) уже не мог оста-
новить процесс распада подвластной ему террито-
рии на отдельные фактически независимые владе-
ния. Не мог он поддержать и хорезмийцев, пытав-
шихся противостоять продвигавшемуся с севера
Шайбани-хану. В конце 1504 г. войска последнего,
к тому времени уже подчинившего многие города
Мавераннахра, осадили Хиву, которая в конце авгу-
ста 1505 г. после окончания осады была захвачена
войсками Шайбани-хана.

Завоеванный Хорезм был передан ханом в управ-
ление Кепек-бию и на новых землях расселилась часть
племени кунград. Позже, в XVIII в., из племени кунг-
рад выделилась династия Кунград, возглавившая Хи-
винское ханство.

С 1511 г. в Хорезме воцарились ханы — потомки
Шайбана, по другой, чем Мухаммад Шайбани-хан, вет-
ви.

В 1556 г. Аванеш-хан объявил Хиву столицей го-
сударства, но в действительности в разные периоды
истории Хорезма правитель Хивы обычно реально рас-
поряжался только территорией города, столицей она
считалась лишь номинально.

Роль Хивы резко возрастает в конце XVI — начале
XVII в. в связи с изменением рукава Амударьи и по-
степенным замиранием жизни в Ургенче (ныне Куня-
Ургенч). Многие жители Куня-Ургенча вынуждены
были покинуть город и обосноваться в 30 км от Хивы,
где возник Новый Ургенч. Выгодное географическое
расположение Нового Ургенча в дальнейшем обеспе-
чило его рост как ремесленного и торгового центра
Средней Азии, что, в свою очередь, повлияло на даль-
нейшее возвышение Хивы.

Хива окончательно становится стольным городом
государства в начале XVII в. при Араб Мухаммаде

(1602—1623 гг.), когда в Хорезме установилась относительная политическая стабильность. При Абулгази Бахадур-хане (1643—1663 гг.) роль Хивы еще больше возросла, как возросла и роль государственности в целом.

Большое значение имели реформы Абулгази-хана, направленные на укрепление государства в целом. Им была изменена структура государственного управления. Во главе удельных владений были поставлены беки — предводители племен. Для устранения постоянных столкновений между враждовавшими главами племен он разделил население низовьев Амударьи на четыре объединения, каждый из которых получил пахотные земли. Из их числа были назначены лица, занявшие важные административные должности в государственном аппарате управления.

Согласно указу Абулгази-хана, из верхушки племен были выделены те, кто составил группу непосредственных советников хана. Из их числа выдвинулись и наиболее важные сановники-инаки.

Реформа Абулгази-хана имела целью не только ослабить межплеменные войны и усилить государственную власть, но одновременно и усилить процесс оседания кочевников и полукочевников.

В «Фирдаус ал-икбал» Абулгази-хан характеризуется как талантливый полководец, «человек ученый и умный». При нем значительно возросла роль Хивы и как центра культуры⁷.

Упорядочение государственных дел продолжалось при Ануша-хане.

В 1740 г. армия Надир-шаха (1736—1747 гг.) вторглась в Среднюю Азию. Захватив Бухару и Хорезм, шах учинил жестокую расправу с местными жителями и разорил весь край.

В дальнейшем особое внимание восстановлению хозяйства в городах и сельских местностях уделяло государство при выходе из племени кунград Мухаммад Амин инаке — фактическом правителе Хивинского ханства с 1763 по 90-е годы XVIII в. Он стал родоначальником династии Кунград (1763—1920 гг.).

В жизни Хивинского государства инакам принадлежало особое место: они были важными сановниками и играли решающую роль при избрании ханов. Мухаммад Амин инак стал управлять государством от

имени правивших в Хорезме с 1511 г. царевичей — Чингизидов, которые к тому времени уже утратили свое влияние. По инициативе Мухаммад Амин инака, на хивинский престол возводились и свергались подставные ханы, в большинстве своем привезенные из Дашта — «степи».

Мухаммад Амин повел успешную борьбу против сепаратистски настроенных, независимых от верховной власти удельных правителей. Он энергично выступал за объединение разоренных областей в единое государство, умело используя для укрепления власти предводителей туркменских племен.

Постепенно «государство было приведено в порядок, а население (фукаро) стало жить спокойно», — отмечается в «Фирдаус ал-икбал». Проводившиеся государством с мобилизацией податного населения большие оросительные работы, способствовали развитию земледелия и дальнейшему оседанию кочевников и полукочевников⁸.

В 1804 г. Эльтузар (1804—1806 гг.) официально принял титул хана.

Дальнейшее объединение разрозненных владений в единое государство происходит при Мухаммад Рахиме I (1806—1825 гг.), который учредил и возглавил верховный совет для обсуждения важных государственных дел, состоявший из высших сановников и представителей узбекских племен, провел налоговую реформу, завел таможи.

В XVIII в. с появлением Оренбургской укрепленной линии, Хивинское государство стало непосредственно граничить с Россией. С этого времени политико-экономические взаимоотношения двух государств значительно активизировались. Потребности экономического развития ханства вели к необходимости укрепления и централизации государства. Однако во второй половине XIX в. Хорезм вновь был охвачен междоусобными войнами. В эти годы усиливается процесс превращения Хивы в поставщика хлопка-сырца и пряжи в Россию. Для развивающейся хлопчатобумажной промышленности России Средняя Азия, в том числе и Хивинское государство, все больше становились важным рынком сырья. И это было одним из объективных факторов, обусловивших превращение ее в колонию царизма.

КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

Важное место на политической арене Средней Азии занимало Кокандское ханство. Основной причиной его возникновения стал глубокий упадок политической и общественно-экономической жизни в Бухарском ханстве в конце XVII—начале XVIII в. Отделению Коканда (1709 г.) способствовали компактность территории и возросшая экономическая самостоятельность Ферганской долины⁹.

В Кокандское ханство вошла территория Северной Ферганы от Намангана до земель Пансадгази. Первым правителем государства был Шахрух-бий (1709—1721/1722 гг.).

В период правления его сына Абдурахим-бия (1722—1733 гг.) территория Кокандского ханства значительно расширилась. К нему временно были присоединены также Ходжент (1725—1726 гг.), Уратепа (1727 г.), Каттакурган, Джизак и другие земли. На короткое время под его власть попал и Самарканд.

В дальнейшем политика по укреплению ханства проводилась при Эрдона-бие (1751—1769 гг.) и Норбута-бие (1770—1798 гг.). Норбута-бию удалось установить в стране, хотя и относительный, мир. Был заключен сепаратный мир с правителями Чуста и Намангана; он также сумел подавить мятеж, поднятый его же братом Ходжи-бием.

При нем отмечалось относительное общественно-экономическое развитие ханства. Была расширена сеть оросительных каналов, возведено несколько общественных зданий. Расширению внутренней торговли способствовало введение в оборот мелких денег — пул (пулус, фулус).

Проводилась дальнейшая политика по расширению территории ханства во времена Олим-бека (1800—1810 гг.). С помощью наемной армии были подчинены Чимкент, Сайрам (1810 г.), Ангренский оазис и весь Ташкентский вилоят (1809 г.).

В 1805 г. Олим-бек принял звание хана, и государство, начиная с этого времени, стало именоваться Кокандским ханством.

Такая же политика по расширению территории ханства проводилась и в годы правления Умар-хана (1810—1822 гг.) и Мухаммад Али-хана (1822—1841 гг.). Общественно-экономическая жизнь в этот период ха-

рактизовалась относительно высоким развитием. Несмотря на стихийные бедствия — землетрясение (1823 г.), эпидемия холеры (1828—1829 гг.) — был проведен ряд мероприятий, направленных на развитие экономики, например, расширена сеть оросительных каналов, сооружены новые, в 1819—1822 гг. в Наманганском вилояте был прорыт канал Янги-арык, а в 1830 г. из Сырдарьи протянулась оросительная сеть в сторону Уратепы. Несколько оживилась в стране и культурная жизнь¹⁰.

Вместе с тем, Мухаммад Али-хан не мог организовать противостояние натиску в Коканд войск амира Бухары Насруллы. По указу последнего, овладевшего в 1842 г. Кокандом, он был казнен. При следующих ханах значительно возросла в политической жизни ханства роль Мусульманкула мингбаши. По его инициативе на престол был возведен несовершеннолетний Худояр-хан, при котором сам он стал регентом правителя. Мусульманкул сам решал важные проблемы Коканда, пользуясь поддержкой верхушки своего племени — кипчаков¹¹. Между тем, проводимая им политика привела к возникновению оппозиции против него, в результате чего в 1853 г. Мусульманкул был казнен, а 20 тысяч кипчаков, поддерживавших его, перебиты.

В период правления Худояр-хана, отличавшегося жестокостью, происходит смена правителей. Сам Худояр-хан трижды занимал престол хана.

ТРАДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ИХ РАЗВИТИЕ В УЗБЕКСКИХ ХАНСТВАХ

Мухаммад Шайбани, завоевав Мавераннахр с прилегающими к нему областями и Северный Хорасан, объявил себя «халифом Всемилостивого», т.е. наместником Бога на земле; то, что он являлся ханом — Чингизидом давало ему официальное право считаться обладателем высшей власти в обществе.

Письменные источники не упоминают, когда и где он был провозглашен ханом, хотя традиция избрания в ханы путем поднятия его на белом войлоке, прежде чем посадить на трон будущего верховного правителя, описана применительно правителя Ташкента — Юнус-хана, Абдулла-хана II и других.

Провозгласив себя «Хазрат-и имом-аз-замон ва халифат-ар-рахмон», Шайбани-хан сосредоточил в сво-

их руках светскую и духовную власти. При решении важных вопросов, касающихся государственных дел, он все же собирал маджлис, на котором добивался подтверждения своего решения с точки зрения соответствия его принципам религии факихами-законоведами.

Завоеванные в начале XVI в. земли, ранее подвластные Темуридам, были распределены Шайбани-ханом между султанами Шайбанидами. Лишь в отдельных случаях главой улуса (удела) назначались особо отличившиеся при завоевании городов и сел Мавераннахра предводители племен. Например, главе племени кунграт в улус была выделена часть Хорезма.

Наделение улусными землями производил сам хан, вследствие чего в известной степени они были зависимы от ханской власти. Верховное право на земли теоретически сохранялось за Шайбани-ханом. По своему усмотрению он неоднократно перемещал улусных правителей из одной области в другую. Власть Шайбани-хана, по сравнению с последними Темуридами и первыми его последующими преемниками, была сильнее. Он мог в случае проявления непокорности со стороны того или иного султана отобрать у него улус, ранее переданный им же в кормление.

Между тем, новые улусные правители за короткое время стали владельцами богатых областей, нередко имевших стратегическое значение. Об огромных богатствах отдельных из представителей новой правящей династии и племенной знати, например, представительницы дома Шайбанидов — Михр-султан-ханум, вождя племени найман Джан-Вафо и его сына Дуст-Мухаммад-бия, свидетельствуют юридические документы, удостоверенные печатью казиза.

Государственные административные должности были распределены Шайбани-ханом в основном между его приближенными и лицами из местной знати, ранее не принимавшими участия или отстраненными при Темуридах от государственных дел. Значительно усилившаяся во второй половине XV в. часть духовной знати, была заменена новой, положение которой теперь в значительной степени стало зависимой от государственной власти.

Усиление центральной власти, возглавленной Мухаммад Шайбани-ханом, благоприятно повлияло на развитие государственности в целом, однако в даль-

нейшем еще при жизни хана деление на улусы имело результатом усиление центробежных сил. После гибели Шайбани-хана стремление к независимости султанов и беков, возглавлявших улусы, вылилось в новые династийные и междоусобные войны.

Объединение разрозненных земель Средней Азии, как и значительная централизация власти, хотя и на сравнительно короткое время, в определенной степени способствовало ослаблению межфеодалных войн, осады крепостей, уменьшению случаев перехода городов и сел из рук одного правителя в другие, следовательно и открытого грабежа и увода в плен мирных жителей политическими противниками. В результате создались определенные условия для развития сельского хозяйства, ремесленного производства и торговли.

В целом вся внутренняя и внешняя политика Шайбанидов, как и прежних правителей, служила интересам крупных землевладельцев, в руках которых находилось и большинство торгово-ремесленных заведений.

Между тем, возросшие запросы к богатству и предметам роскоши военно-кочевая знать пыталась удовлетворить за счет новых завоеваний. Однако, возможности дальнейших завоеваний значительно сократились. На севере государство Шайбанидов стало граничить с мощным казахским союзом, на юге оно соприкасалось с территорией Сефевидской державы. Шах Исмаил к тому времени, помимо ряда других областей, захватил весь Западный Иран.

Сокращение налогового дохода заставило Шайбанидов (первое десятилетие XVI в.) принять ряд мер для оживления сельского хозяйства. Была сделана попытка вернуть бежавших с насиженных мест земледельцев и мелких землевладельцев, а вернувшимся несколько облегчить подати, с тем, чтобы, как отметил один из современников, «снова сделать их налогоплательщиками» и чтобы «диванские (государственные) налоги оставались постоянными». Запрещалось укрывать беглых крестьян, а в случае обнаружения таковых надлежало вернуть их на постоянное место жительства. Однако эти меры не могли привести к желаемым результатам.

Войны и нашествие войск Надир-шаха привели в упадок ирригационные сооружения, вызвали сокращение посевных площадей. Невыносимой стала жизнь

народа и в годы бесчинства и «действий Мирзы Беклера, визира хана» Субханкули, который, по образному выражению очевидца, «раскрыл врата взмысканий перед несчастными подданными и отворил двери невыносимых поборов»¹².

Отдельные правители старались поддерживать развитие сельского хозяйства. Призывы отдельных эмиров к мудрому, разумному управлению государством звучат в письмах, адресованных Абдулла-хану, включенных в труд Бадриддина Капмири «Раузат ар-ризван». Они свидетельствуют о стремлении передовых людей того времени поднять экономику страны, укрепить государственность.

Верховным распорядителем основного богатства государства — земли (а в условиях поливного земледелия и воды), считался хан, но чаще государственные земли фактически принадлежали земледельческой знати, являясь основным источником роста их независимости. Власть предводителей полукочевых племен — амиров, беков, которые стали фактическими владельцами обширных территорий и независимыми не только в экономическом, но и в политическом отношении, усилились к концу XVII—началу XVIII в.

Земельная собственность делилась на несколько категорий. При этом признаки, характерные для одной из них, могли быть присущи и другим. Государственные, вакфные и милковые земли продолжали существовать при Шайбанидах, Аджтарханидах и Мангытах. То же самое наблюдалось в Хивинском и Кокандском ханствах. Постепенно стали четко выделяться в особую категорию частнособственнические обеленные земли — милки-хурри холис, освобожденные от государственных налогов, в результате чего происходит укрепление безусловной земельной собственности.

Хан, в основном в завуалированной форме, мог считать государственные земли принадлежащими лично ему. Государственная собственность на землю сочеталась с общинным землепользованием. Последнее на протяжении столетий постепенно сокращается.

В первое десятилетие XVI в. наблюдается перемещение части земельной собственности в категорию государственных, что было одним из признаков централизованной власти. Однако этот процесс был кратковременным. В дальнейшем размеры государствен-

ных земель значительно сократились за счет роста условного землевладения (многие владельцы таких земель превратились в независимых от хана лиц).

Формы условного землевладения были различными: суюргал, икта, танхо, тиул и др. Терминологическое значение этих форм в разные периоды истории было неодинаковым, при этом изменение их характера, как правило, вело к росту числа их разновидностей. Начиная с Шайбанидов, например, значительно изменилось содержание слова «суюргал».

Государственные земли, вернее налоговые сборы с них, были основным источником вознаграждения светских и духовных землевладельцев и военно-кочевой знати за несение ими службы государю, главным образом военной.

Отмечается доминирование условных форм землевладения и наблюдается усиление процесса превращения права сбора ренты крупными землевладельцами из временного в постоянное, нередко с передачей этих прав по наследству.

Рост власти амиров заставлял многих верховных правителей официально считаться с ними. В верховный совет, учрежденный при Мухаммаде Рахим-хане Кунграде (1806—1825 гг.) в Хивинском ханстве, входили, например, наряду с высшими сановниками государства и амиры наиболее сильных племен. Возглавлял совет сам хан.

В конечном итоге раздача государственных земель в условное временное пользование имела результатом сокращение доходов казны, ослабление ханской власти, децентрализация государства. Попытки отдельных ханов пресечь процесс дробления государства не всегда давали желаемый результат.

Государство принимало меры к оживлению сельского хозяйства путем проведения новых и ремонта старых ирригационных сооружений. При Шайбанихане путем возведения моста-вододелителя было улучшено водоснабжение на р. Зарафшан. По распоряжению Абдулла-хана II была построена водоудерживающая плотина «Абдулла-хан банд» в Акчобе, к востоку от Нураты. В урегулировании распределения воды р. Зарафшан большую роль сыграли сооруженные во второй половине XVI в. вододелители Пул-и Кармина, Пул-и Мехтар, Пул-и Джандар и др. На протяжении нескольких лет строились оросительные каналы, вы-

веденные из Вахша, с целью увеличения за счет вновь орошенных земель доходов джуйбарских шейхов. В XVII—XVIII вв. большое внимание проведению и ремонту оросительных каналов уделяли правители Хивинского государства. Приемы доведения воды до выращиваемых культур, последовательность сезонных работ по очистке и ремонту водоснабжающих каналов были основным условием получения урожая во всех ханствах. Традиционные способы орошения в отдельные периоды фиксировались со стороны государства в особых трактатах.

Роль государства значительно возросла в годы правления отдельных верховных правителей. Объединение страны воедино, хотя и относительное, привело, например, при Абдулла-хане II к повышению роли государства в развитии ремесла, внутренней и внешней торговли. Усиление государственной власти при нем нашло поддержку со стороны крупнейших представителей духовенства — джуйбарских шейхов, занимавших пост шейхульисламов. Авторитет и экономическая мощь джуйбарских шейхов позволяли им активно участвовать в решении наиболее важных вопросов, связанных с внутренней и внешней политикой государства. Будучи владельцами множества земельных участков в сельских местностях и недвижимости в городах, они диктовали через своих наместников свои условия не только крестьянам, но и городским ремесленникам. С ними вынуждены были считаться и крупные сановники и могущественные ханы. Джуйбарские шейхи, особенно Ходжа Ислам и Ходжа Са'д, поддерживали позиции верховного правителя и это единство в сознании необходимости усиления государственной власти и поддержки ее сыграла большую роль в росте мощи государства Шайбанидов в 70—80-х годах XVI в. Именно к этим годам относятся значительное расширение посевных площадей в Бухарском ханстве, появление новых сельскохозяйственных культур, усиление специализации городов на изготовлении нередко только данному городу характерных ремесленных изделий, росту специализации среди ремесленников. В административном управлении значительно возросла роль аталыков.

К восьмидесятым — началу девяностых годов XVI в. относятся документы, косвенно зафиксировавшие

отдельные гражданские права горожан. Значительная часть последних обращалась в судебную камеру — козихона — для решения проблем, связанных с их ежедневной жизнью: покупки и продажи недвижимости, предоставление ее в аренду с указанием арендного срока и ее условий, поступление ученика на обучение к мастеру-ремесленнику, выделение средств на содержание сирот и полусирот¹³. В разнохарактерных документах, составленных в казихона, отражается роль государства в регулировании городской жизни. Документальные материалы отражают также роль городских властей и государства в целом в производственных отношениях ремесленников и налоговых сборов с них.

Одним из характерных признаков XVI—XVIII вв. является рост вакфного землевладения. В целом земли любой категории — государственные или вакфные, условные или милковые (принадлежавшие крупным землевладельцам), состояли из мелких участков, обрабатываемых на разных условиях крестьянами-арендаторами. Отсутствие в крупных масштабах собственного хозяйства — характерная черта позднесредневековой Средней Азии.

В исследуемый период расширилась практика передачи сборов ренты-налога на откуп. Откупщиками в большинстве случаев являлись крупные землевладельцы и даже представители царского дома. Они выступали как посредники между владельцами земли (часто вакфным учреждением в лице мутаваллия) и непосредственным производителем — земледельцем-издольщиком. При этом крупный землевладелец-откупщик сам непосредственно не занимался сбором податей, а поручал это специальным сборщикам. Двойная аренда была разорительной для крестьян, ибо откупщик получал земли лишь на определенный срок (официально не более чем на три года). Платежеспособность крестьян по истечении срока откупа ренты-налога его не интересовала, и все свои возможности он направлял на извлечение доходов в период своего сравнительно короткого арендного срока¹⁴.

Податные сборы включали: множество названий обобщающих сборов, в состав которых входила группа податных сборов и повинностей; специальные сборы, взимавшиеся с населения за пользование землей, водой и т.д.; сборы в пользу должностных лиц; сборы на

содержание ополчений правителя; множество других мелких податей и налогов. Практиковалось привлечение трудового населения к строительству городских стен, медресе, мечетей, осуществлению оросительных работ, проведению дорог и т.д.

Основным поземельным налогом в период позднего средневековья был харадж (мал), взимаемый с доли урожая. Термин «мал» в письменных источниках XVI—XVIII вв. встречается также в форме «малуджихат», или «мал ва джихат», но более распространена была его сокращенная форма — «мал», а еще чаще — «харадж». Харадж в основном взимался натурой.

Кроме хараджа, практиковался сбор большого числа других налогов и податей: «постоянных», «законных» и «чрезвычайных», число которых (включая повторное взимание одних и тех же сборов) особенно возрастало в периоды междоусобиц и децентрализации государства.

Рентой-налогом, уплата которого государству, землевладельцу или вакфному учреждению была обязательной, являлся также ихраджат — «издержки», «расходы». К категории ихраджат относились разные сборы на содержание государственного аппарата, войска и ханского двора. В XVI—середине XVIII в., как и при Темуридах, ихраджат означал группу сборов.

Большая часть налогов взималась натурой, но относительно некоторых районов можно говорить не о фактическом, а лишь формальном господстве натуральной ренты.

В деньгах, судя по добавлению к виду налогового сбора слова «пул», собирались пила пули (сбор с коконов), кукнар пули (сбор с маковой головки), сабзи пули (сбор с моркови), харбуза пули (сбор с арбузов) и другие.

В многочисленных документах, оформлявшихся в связи с предоставлением лавок-мастерских в аренду непосредственному производителю, плата за аренду всегда выражена в деньгах.

Практиковались натуральные сборы с податного населения для снабжения армии. Размер этих сборов возрастал при внутренних неурядицах в стране, династических и междоусобных войнах. Часть налогов и повинностей с податного населения в пользу армии была

постоянной, другие взимались в особых случаях и входили в перечень чрезвычайных.

Разнообразными сборами облагались торговые люди — лавочники, перекупщики, местные и иноземные купцы. Как информируют А. Дженкинсон и Н. И. Потанин, хан собирал с купцов дополнительные суммы денег и нужные для него товары, которые привозил купец. Соответствующую плату должны были вносить купцы-иноверцы — кяфиры, проживавшие в Бухарском ханстве, «кои есть покровительствуемые подданные».

Обширный список известных нам податей и налогов включал до 90 названий, но многие из них взимались лишь при особых ситуациях, а некоторые в зависимости от времени и местности определялись под разными названиями.

В годы усиления власти государство пыталось упорядочить налогообложение и налоговые сборы в подвластных им землях, ибо беспорядки в области налогообложения и их сборов вели к ослаблению поступлений в казну и крайнему обнищанию народа. Однако подобные попытки не всегда завершались реально ощутимыми результатами.

Лишь незначительная часть всех доходов, поступавших от налоговых сборов, возвращалась обратно в форме общественно полезных построек — мостов, оросительных сооружений, городских стен, использовалась для ремонта и проведения дорог.

Произвол налоговых сборщиков особенно усиливался в годы децентрализации государства. Между тем и в эти периоды крупные землевладельцы и богатые купцы добивались у правителей иммунитетных грамот, благодаря которым они освобождались, целиком или частично, от налоговых сборов и торговых пошлин.

Надзор по соблюдению установленных норм городским властям удавалось осуществлять далеко не всегда. Возросшее могущество племенной аристократии усиливало стремление последних к полной независимости от верховного правителя, а всесильные аталыки, теоретически обязанные поддерживать государство, становились фактическими правителями независимых владений. Особое место среди них занимали правители Балхской области, в том числе Махмуд-бий Катаган.

Отдельные из правителей пытались укрепить свои позиции дипломатическими путями и военными походами, однако в создавшихся условиях, когда сепаратизм амиров стал явлением всеобщим, их усилия не имели успеха, государство стало распадаться на отдельные независимые и полузависимые от центральной власти владения.

Одной из обязанностей правителя по отношению к своим подданным была защита населения от нападений.

Военные формирования были основной силой, поддерживающей государство и лично государя.

В начале XVI в. в процессе движения на юг ряды войск Шайбани-хана значительно пополнились за счет жителей покоренных областей государства Темуридов. В конечном итоге войска Шайбани-хана, прибывшие в Мавераннахр, состояли уже из кочевого, полукочевого и частично оседлого населения¹⁵. По образному выражению современника Шайбани-хана Муллы Шади, после покорения Бухары хан заставил идти в поход всех бухарцев от 7 до 70 лет¹⁶. В результате силами скомплектованных таким способом отрядов с 1500 по 1503 г. Шайбани-хану удалось завоевать Самарканд, Бухару, Ташкент, Андижан и ряд других городов и селений Мавераннахра.

В целом, военные формирования верховных правителей среднеазиатских ханств в XVI—XVII вв. состояли главным образом из контингентов воинственных элементов разных племен, и в основном представляли конных воинов. Они отличались мобильностью, умением окружать противника и неожиданно наступать, владели приемами ложного отступления. Именно эти приемы во многом обеспечивали успех их военных действий. По традиции войско делилось по числу воинов, которые возглавлялись: тысячниками, сотниками, пятидесятниками и десятниками. Сержант Екатерины II Ф. Ефремов — бывший раб у Даниял-бия, выслужившийся до чина юзбоши, приравнивал чин десятника к званию капитана в России.

Состав регулярных военных формирований в этот период пополнялся за счет мобилизованных в армию молодых людей из городов и сел. Относительно отдельных годов позднесредневековой истории Узбекистана авторы сочинений тех столетий сообщают о проведении переписи населения, указывая при этом,

что те, кто был способен нести воинскую службу, обязательно должны были служить в рядах воинских формирований. О переписи податного населения, с целью выявления количества ополченцев соответственно числу семей, которое должно было выставляться той или иной местностью, есть упоминания в письменных источниках XVIII—начала XIX столетий. Набор в войско, отрывавший мужчин от их хозяйственных дел, особенно, когда он принимал массовый характер, нередко приводил к выступлениям против правительства.

Из отборной части войска составлялась гвардия. В XVIII в. она нередко состояла из рабов. Гвардия Абу-л-Файз-хана, например, состояла из калмыков и русских.

Основным оружием войска в XVI—XVII вв. оставались лук, стрелы и копьё. В первой половине XVIII в. используются уже более совершенные виды вооружения: ружья (хотя первые упоминания о них в просмотренных нами письменных источниках относятся еще к XVI в.), а также пушки, которые при осаде городов применялись в XVI в. К концу XVII в. относится информация, что в Бухаре было 500 пушек.

В XVIII в. основу войска, объединенного единым командованием, составляли: конница, пехота и артиллерия. К этому столетию относится информация, что число лучников в армии бухарского хана было незначительное. Спустя же столетие П. И. Демезон уже сообщает, что бухарские солдаты потеряли навык стрельбы из лука¹⁷.

В средневековый период верховный правитель отправлялся в поход в сопровождении своих приближенных, должностных лиц, в том числе представителей духовенства. Специальный судья казий-аскар, также сопровождал армию. Придворные историки и поэты сопровождали хана, фиксируя происходившие события в пути. Они обязаны были воспевать действия хана, его действительные и мнимые победы. Многие из них принимали непосредственное участие и в сражениях. Те, кто владел профессией, имевшей отношение к оснащению войска, также входили в состав войска. В мирное время многие из последних занимались различными ремеслами, каждый соответственно своей профессии.

На протяжении XVI—первой половины XIX в. социально-экономические и культурные отношения в Средней Азии развивались не равномерно: периоды относительного подъема, достигнутые в отдельные десятилетия, сменялись очередным спадом.

Тяжелейший кризис, который переживали народы Средней Азии в конце XVII—первой половине XVIII в., отразился на экономической, политической и культурной жизни общества, чем не замедлил воспользоваться иранский шах Надир, организовавший походы на Бухару и Хорезм. Захватнические действия Надир-шаха нанесли значительный урон хозяйству обоих ханств — Бухарского и Хивинского.

В XVIII в. от Бухарского ханства отпочковывается Кокандское, сыгравшее заметную роль в экономической, политической и культурной жизни региона.

Постепенно возрастает роль Хивы как торгового и культурного центра ханства. Значительно оживляются торговля, ремесло, разворачивается строительство новых ирригационных сооружений, дворцов, мечетей и медресе. Возникают новые города, возрастает роль государства.

Со второй половины XVIII в. наблюдается определенный подъем во всех трех среднеазиатских ханствах. Городское и сельское население региона было связано между собой тесными хозяйственными и культурными узами, нередко нарушавшимися, однако, династическими и междоусобными войнами.

Определенные изменения наблюдаются в политике государства, в сфере ремесленного производства и торговли. Если в первой половине XVI в. Самарканд оставался одним из основных центров торгово-ремесленной деятельности, то с 60—70 гг. этого столетия крупнейшим торгово-промышленным городом среднеазиатского региона становится Бухара. Она превращается в административный, хозяйственный и культурный центр ханства (позже — эмирата). Значительно расширяются его границы, растет число торгово-ремесленных заведений, специализированных базаров, культовых и гражданских сооружений.

В экономике среднеазиатских ханств большая роль принадлежала ремесленникам. Ремесленная продукция удовлетворяла потребности городского, сельского и полукочевого населения. Часть ее вывозилась в другие государства.

Ремесленники имели свои профессиональные корпорации, которые в определенной мере защищали интересы городских ремесленников. Вместе с тем ремесленные организации использовались властями в своих целях. Через своего ставленника — старшину ремесленной корпорации — государство руководило и контролировало торгово-ремесленную деятельность.

Характерно, что в период позднего средневековья значительное место в развитии культурной жизни города принадлежало ремесленникам. Из их среды вышли многие поэты и писатели, строители монументальных зданий, деятели государства.

Среди лиц, сыгравших большую роль в развитии среднеазиатских ханств и проблем государственности было немало выходцев из обеспеченных кругов ремесленников. При этом следует отметить: еще не все страницы многогранной и богатой событиями истории узбекского и других народов Средней Азии изучены и освещены с необходимой полнотой.

Библиография

¹ Мукминова Р. Г. О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в. // Труды Института востоковедения. Вып. III, Ташкент, 1954.

² История Узбекистана Т. III (XVI — первая половина начала XIX в.), Ташкент: Фан. 1993. С. 35.

³ *Ahsan-ut-Tawarikh*. History of the Safavi Period of Persian History, 15-th and 16-th centuries. by Hasan-i-Rumle. Ed. by C.N. Seddon, Baroda, p. 988

⁴ Последние Джаниды ханами считались лишь номинально.

⁵ *McChesney*. The «Reforms» of Baqi Muhammad Khan // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. XXVI, Part 1, 1980, p. 69—84; Подробнее см.: История Узбекистана. Т. 3. С. 56—58.

⁶ Ахмедов Б. А. История Балха (XVI — первая половина XVIII в.). — Т. 1982. С. 7 и др.

⁷ Мукминова Р. Г. Стольный град ханства — Хива // Общественные науки в Узбекистане. 1997. № 7—8. С. 25.

⁸ Там же.

⁹ Бейсембиев Т. «Тарих-и Шахрух-и» как исторический источник. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 10.

¹⁰ История Узбекистана. Т. III. — С. 206—207; Бейсембиев Т. «Тарихи Шахрух-и» как исторический источник. С. 17.

¹¹ Показания сибирских казаков Милюшина и Батарышкина, бывших в плену у кокандцев с 1849 по 1852 год // Вестник ИРГО. 1856. Т. 17 (II). — СПб. С. 56.

¹² *Ходжа Самангар Термези*. Дастур ал-мулук (Назидание государям) / Факсимиле старейшей рукописи, перевод с персидского,

предисловие, примечания и указатели М. А. Салахетдиновой. — М., 1971., С. 165.

¹³ *Маджму'а-йи васоик*. Рук. ИВ АН РУз. Инв. № 1386.

¹⁴ *Мухминова Р. Г.* К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме». Ташкент: Фан. 1966. С. 49—52.

¹⁵ *Мухминова Р. Г.* К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в. // Труды Института Востоковедения АН УзССР, 1954, № 1.

¹⁶ *Мулло Шаги*. Фатх-наме. Рук. ИВ АН РУз. Инв. № 5369, л. 385.

¹⁷ Записки о Бухарском ханстве. (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). М.: Наука. 1983. С. 72.

**УЗБЕКИСТАН
В НОВОЕ ВРЕМЯ**

УЗБЕКИСТАН В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Период колониализма связан с определенными трансформациями в жизни, политике, экономике и общественном строе среднеазиатских государств:

— с военной экспансией царской России и захватом Кокандского, Бухарского и Хивинского ханств;

— с полной, как в случае с Кокандом, или с частичной, как в Бухаре и Хиве, утратой независимости, с созданием колониальных структур власти;

— с формированием законодательного пространства, закрепившего экономическое и политическое господство царизма, диктат российского торгового, промышленного и финансового капитала;

— с созданием новых экономических условий, ориентированных на расширение рыночного обмена между Средней Азией и Россией, радикализировавших колониационные процессы и вызвавших неизбежные деформации экономических структур региона;

— с полным игнорированием национальных интересов народов региона, их элементарных прав и массовым их порабощением.

Агрессия царизма началась уже в первой половине XIX в., сопровождаясь глубокой разведывательной работой, перманентным нарушением территориальной целостности Кокандского ханства, захватом устья Сырдарьи и постройкой там Раимского укрепления в 1847 г., захватом Ак-Мечети в 1853 г., основанием укреплений Копал и Верного со стороны Западной Сибири. Они стали опорными пунктами Оренбургской и Сибирской военно-стратегической линии царской России и исходными точками развития российского экспансионизма в глубь территории среднеазиатских ханств. Захват отдельных пунктов был продолжен действиями рекогносцировочных отрядов Дандевиля на побережье Каспия, Бутакова на Аму-Дарье, Венюкова в районе бассейна речки Чу, которые завершились взятием кре-

постей Токмак и Пишпек (1862 г.). 20 декабря 1863 г. был подписан царский указ о соединении Оренбургской и Сибирской линий, что означало завершение изолированных завоевательных походов царской армии и начало широкой военной кампании против государств Средней Азии.

В 1864 г. царские войска заняли Сузак, Чолак-Курган, Аулиэ-Ата, Туркестан и Чимкент. Первая попытка захватить Ташкент закончилась провалом, так как жители его оказали серьезное сопротивление и отбросили царские войска. Лишь захватив крепость Ниязбек и став хозяевами двух главных рукавов Чирчика, обеспечивавших водой население Ташкента и его окрестностей, царским войскам удалось 17 июня 1865 г. войти в город.

На завоеванных территориях создается Туркестанская область, административное деление которой приспособляется для решения военных задач: правый фланг, позднее переименованный в Сырдарьинский район, куда вошли г. Аральск, форт № 1 (позднее Казалинск) и Перовск (позднее Кзыл-Орда); левый фланг с городами Аулиэ-ата, Мерке и Пишпек и центр, включивший в себя Туркестанский и Чимкентский районы.

1866 г. в составе Туркестанской области были созданы Ирджарский и Зааминский отделы, Уратюбинский и Джизакский районы из территорий, отторгнутых царскими войсками от Бухарского эмирата, и вся область, по указу царя, была включена в состав Оренбургского генерал-губернаторства. Основы управления ею определялись «Временным положением» от 6 августа 1865 г. и базировались на слиянии военной и гражданской власти, а также на концентрации в одних и тех же учреждениях административных, судебных, хозяйственных и прочих функций. Военным губернатором области был назначен генерал М. Г. Черняев, занимавший эту должность до февраля 1866 г., затем губернатором стал генерал Д. И. Романовский (до июля 1867 г.).

На местах администрацию возглавляли начальники отделов, одновременно являвшиеся военными комендантами. Им подчинялись управляющие местным населением, назначаемые из царских чиновников и осуществлявшие общий контроль за сбором податей и налогов с коренного населения.

В судебной сфере были сохранены суды казиев для оседлого населения и суды биев для кочевого. Но одновременно были внесены некоторые изменения в структуру и функции этих судов, которые свелись:

— к уравниванию прав всех казиев, путем упразднения должности кази-каляна;

— к введению выборности судей на трехлетний срок и предоставлению права истцу обращаться к тому казию, которому он больше доверял;

— дела, затрагивающие в какой-то мере интересы царизма или русского населения, или дела, влекущие по законам шариата смертную казнь или тяжелое увечье, передавались на рассмотрение царских судов;

— военному губернатору предоставлялось право заменить отдельные приговоры казийских и бийских судов соответствующими наказаниями по российским военно-уголовным законам¹.

Народы Туркестана с самого начала были поставлены под двойной гнет. Сохраненная для них ханская административно-налоговая система оказалась не только не подорванной, но, напротив, усиленной всей мощью военно-полицейского государства и его методами национально-колониального угнетения.

Практика управления Туркестанской областью на началах сформулированных в «Положении» 1865 г. показала, что откровенный оккупационный режим недостаточно эффективен. Он не обеспечивал, с точки зрения царизма, полноценной системы налогообложения, а, главное, оказался не в состоянии подорвать политическое влияние тех социальных слоев местного общества, которые открыто выступали против навязываемого режима — это мусульманское духовенство, крупные землевладельцы, родовая аристократия у кочевников, бывшие ханские чиновники и др.

Торгово-промышленные круги России, крайне заинтересованные в эксплуатации природных богатств Туркестана, настойчиво пропагандировали необходимость более или менее решительных изменений в социально-экономическом строе среднеазиатских владений, сближение их в этом плане с коренными российскими областями, создания удобных путей сообщения. Они критиковали русскую администрацию за

вмешательство в местные обычаи и законы и призывали ее искать и находить равновесие между местными условиями и требованиями скорейшего введения в крае российских органов управления.

Тем временем, 11 июля 1867 г., был издан указ о создании новой административной единицы — Туркестанского генерал-губернаторства в составе двух областей — Сырдарьинской и Семиреченской. Первым генерал-губернатором был назначен генерал-адъютант фон Кауфман, имевший к тому времени большой административный опыт службы на Кавказе, в Польше и Северо-Западном крае Российской империи². Царским манифестом от 17 июля 1867 г. Кауфману были предоставлены неограниченные полномочия в решении всяких политических, пограничных и торговых дел, «к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и к подписанию трактатов, условий или постановлений, касающихся взаимоотношений России с этими странами»³.

Перед ним была поставлена задача — открыть «широкий и легко доступный путь» российской торговле и промышленности в Средней Азии. Для выполнения этой задачи Кауфман в январе 1868 г. добивается принятия Худояр-ханом торгового договора, который фактически превращал Кокандское ханство в контролируемый рынок сбыта российских товаров и дешевый источник сырьевых ресурсов.

Обеспечив свой тыл и закрепив зависимое положение Кокандского ханства, в мае того же года он двинул царские войска в пределы Бухарского эмирата и в ходе ожесточенных боев захватил Ургут, Катта-Курган, Зирабулакские высоты, Самарканд и жестко расправился с восставшими в нем горожанами. Бухарское ханство вынуждено было капитулировать и подписать договор 23 июля 1868 г., по которому оккупированные царскими войсками территории вошли в состав Российской империи. Был создан Зерафшанский округ, состоящий из Самаркандского и Катта-Курганского отделов (1868 г.). В дальнейшем, Кауфман санкционировал включение в состав округа г. Пенджикента, осуществленное начальником этого округа Абрамовым в августе 1868 г. В апреле-июле 1870 г. в состав Зерафшанского округа были включены горные селения —

Матча, Фан, Фальгар, Магиан, Янгоб — под названием «Нагорные тюмени».

Туркестанская администрация во главе с Кауфманом важнейшим результатом своей политики считала установление «стабильного мира с Бухарой», расширение с ней торговых связей и заявляла, что для Российской империи нет необходимости присоединять Бухарское ханство: более выгодно господствовать над ним с помощью послушного эмира, чем содержать там войско и административный аппарат¹.

Добившись санкции Петербурга на военную экспансию против Хивы, в феврале 1873 г. Кауфман возглавил 12-тысячную армию против нее. Заодно была предпринята карательная экспедиция против туркменского племени иомудов, не желавших платить контрибуцию, связанную с войной, к которой они никакого отношения не имели. После окончания карательных действий царских войск между Кауфманом и хивинским ханом Мухаммед Рахимом II 12 августа 1873 г. был подписан мирный договор. По его условиям хан признавал свою вассальную зависимость от Российской империи, отказывался от непосредственных сношений с другими странами и обязывался выделить часть своей территории для устройства русских факторий, пристаней, торговых складов и обеспечить их безопасность. Из земель, расположенных на первом берегу Амударьи была создана особая административная единица — Амударьинский отдел, введенный в состав Сырдарьинской области. Одной из функций начальника этого отдела являлся контроль за положением дел в Хиве и посредничество между туркестанским генерал-губернатором и хивинским ханом.

Вскоре, воспользовавшись нестабильной обстановкой в Кокандском ханстве, где началось всеобщее народное движение против Худояр-хана, аристократия требовала восстановления Кокандского ханства в его прежних границах и полной независимости от России, царские войска оккупировали важнейшие населенные пункты ханства, захватили, казнили или сослали из края руководителей восстания.

19 февраля 1876 г. был издан царский указ о включении территории Кокандского ханства в качестве Фер-

ганской области в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Таким же путем в состав Российской империи были включены и остальные части Средней Азии. С 1879 г. началось систематическое завоевание туркменских земель — Геок-Тепе, Асхабада, Ахал-Текинского оазиса и др. В 1881 г. из завоеванных туркменских земель был создан Закаспийский военный отдел, преобразованный позднее в Закаспийскую область (1882).

В 1884 г. в состав Российской империи были включены Иолатанский и Мервский оазисы, определившие южные рубежи царизма в Средней Азии. В 1895 г. в международном плане была решена памирская проблема и царское правительство занялось внутренним устройством Памира. Восточные районы, населенные киргизами-кочевниками, были разделены на две волости — Памирскую и Орошорскую и вошли в состав Ферганской области. Что же касается Западного Памира, то Рушан, Шугнан и Северный Вахан были переданы бухарскому эмиру, роль которого была лишь представительская.

Итак, первоначально Туркестанское генерал-губернаторство делилось на две области: Сырдарьинскую с центром в г. Ташкенте и Семиреченскую с центром в г. Верном. За счет завоеванных позднее территорий были созданы следующие административно-территориальные единицы: в 1868 г. — Зерафшанский округ с центром в Самарканде; в 1874 г. — Амударьинский отдел с центром в Петроалександровске (Турткуль); в 1876 г. — Ферганская область с центром в Новом Маргилане (Фергана); в 1881 г. — Закаспийская область с центром в Асхабаде, которая до 1899 г. находилась в составе Кавказского наместничества, а с 1899 по 1917 г. в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Семиреченская же область в 1882 г., была переведена в состав Степного генерал-губернаторства, но в 1899 г., также как и Закаспийская, снова вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

В 1886 г. Зерафшанский округ был преобразован в Самаркандскую область. Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую области их современники называли «коренными».

Общая площадь Туркестанского генерал-губерна-

торства в конце XIX в. составляла 1738918 кв. км. Численность населения по неполным данным Первой Всероссийской переписи (1897 г.) составила 5280983 человека. По данным, собранным статистическим управлением России в 1911 г. она достигла 6492692 чел.

В общей массе населения Туркестана преобладали узбеки, казахи, киргизы, таджики, туркмены, каракалпаки. По вышеуказанным источникам их численность составила в 1897 г. — 4986324 чел., в 1911 г. — 5941604 человека.

Численность русского населения, а также украинцев и белорусов, составила в 1897 г. — 197240 чел., в 1911 г. — 406607 человек. Кроме того, этнический состав населения Туркестана пополнили татары, башкиры, грузины, армяне, литовцы, латыши, поляки и другие, а также выходцы из сопредельных стран Востока — кашгарцы, таранчи, уйгуры, персы, курды, афганцы и др.

В сельских местностях Туркестана сосредоточивалось 86,17% населения, в городах — 13,83 %. Удельный вес городского населения был наиболее высоким лишь в коренных областях, где находились крупные торгово-промышленные центры Туркестанского края — Ташкент, Коканд, Андижан, Самарканд, Маргилан и другие.

При выработке первых программных документов по управлению Туркестанским генерал-губернаторством определяющим оказался фактор «военной ситуации»⁵. Они появлялись на свет по мере захвата царизмом все новых и новых территорий среднеазиатских ханств и потому, как правило, имели «временный» характер. Например, «Проект положения об управлении в Сырдарьинской и Семиреченской областях 1867 г.» был введен «в виде опыта» на три года, а действовал в течение 20 лет. Также обстоит дело с «Временными правилами управления Зерафшанским округом 1868 г.», «Временными правилами по управлению Амударьинским отделом 1874 г.» и «Временным положением по управлению Ферганской областью 1876 г.».

Все они в своей основе подтвердили «нераздельность военной и административной власти и соединение ее в одних руках». Вместе с тем, вышеуказанный

ситуационный фактор и незнание колониальными чиновниками традиционных социально-правовых и цивилизационных норм местного общества, вынудили царизм пойти на своеобразный «компромисс» — введение выборной системы занятия низших административных должностей представителями коренного населения края. Хотя практика действия этой системы продемонстрировала ее чисто фиктивный характер.

В сфере правоотношений решено было оставить шариат и местные обычаи до времени, как говорилось в документах, «когда они будут определены русским законом», предусматривалось «отстранение в туземном управлении всего того, что окажется решительно вредным в интересах государства», а также планировалось постепенное развитие органов власти «сообразовано возникновению и усложнению требований местного управления»⁶.

Эти общие принципы так называемого «военно-народного» управления развивались и детализировались в многочисленных указах, инструкциях и директивах, издаваемых как в Ташкенте, так и в Петербурге по линии Военного министерства, курировавшего под отчетное ему Туркестанское генерал-губернаторство.

Вершиной колониальной системы власти был генерал-губернатор, назначаемый царем. Он сосредоточивал в своих руках внешнеполитические, административные, военные, судебные, полицейские, хозяйственные вопросы, определял размеры налогового обложения населения Туркестана, предоставлял иностранцам русское подданство, имел право высылать из края по политическим мотивам любого на срок до 5 лет, передавать дела на рассмотрение военных и военно-полевых судов, имел право конфирмации приговоров о смертной казни, выносимых как царскими судами, так и судами казиев и биев. Как видим, за ним было закреплено право владеть и управлять народами Туркестана при помощи бюрократической машины, которая приводилась в движение целой армией военных и гражданских чиновников.

Главным звеном этой машины была Канцелярия туркестанского генерал-губернатора — высший бюрократический орган колониального аппарата царизма, решавший судьбы многих тысяч людей. Созданная

в 1867 году и состоявшая, на первых порах из 4-х, позднее из 9 отделений, канцелярия ведала вопросами административно-штатского и инспекторского порядка, земельными вопросами и повинностями, дорожным строительством и горным делом, решением вопросов, связанных с протекторатом Российской империи над Хивой и Бухарой и связями с сопредельными странами Востока.

Особо значительной была роль канцелярии в подготовке и проведении в жизнь различных нормативных актов по управлению краем. Вместе со специально созданными правительственными комиссиями, Канцелярия принимала участие в разработке всех законопроектов, касающихся Туркестана и представляла их на рассмотрение министерств, ведомств и государственного Совета России. Несмотря на то, что Канцелярия являлась исполнительным органом при генерал-губернаторе, она во всех отраслях управления оставалась решающей, вплоть до 1886 г., когда начало действовать новое «Положение об управлении Туркестанским краем», резко ограничившее ее права в экономической и судебной сферах.

Состав Канцелярии во все времена существования колониального режима оставлял желать лучшего. Часто под личиной «усердного служения» царизму скрывались люди малокомпетентные в вопросах административного управления, казнокрады и взяточники. Широкою негативную огласку в местной и российской печати получили действия чиновников кауфманской администрации П. П. Каблукова, Головачева, Савенкова, Гюса и других, занимавшихся незаконными операциями с земельными участками коренного населения, лишая их пастбищ и угодий, разного рода злоупотреблениями служебным положением.

В областях Туркестана полными «хозяевами» положения были военные губернаторы, являвшиеся одновременно командующими войсками на правах командиров корпусов или дивизий в зависимости от численности войск, расквартированных в той или иной области. Наряду с административными, военные губернаторы были наделены полицейскими и судебными функциями. Им предоставлялось право подвергать штрафу лиц коренной национальности на сумму не свыше

100 рублей и аресту в административном порядке на срок не более месяца. В их компетенцию входил также контроль за деятельностью всех судебных и карательных учреждений, утверждение приговоров по политическим и уголовным делам, рассмотрение прошений и жалоб местного населения на противоправные действия низовых звеньев колониальной администрации⁷.

Важнейшими административными учреждениями в областях являлись правления при военных губернаторах. Они состояли из отделений, количество которых возрастало по мере утверждения и усиления колониального режима. Так, если в начальный период действовало всего 3—4 отделения: распорядительное, хозяйственное, судное и бухгалтерская часть, то к середине 80-х годов XIX в. были открыты строительное, межевое, сельско-врачебное, ветеринарное, по заведению государственным имуществом, поземельно-податное, лесное, а также при каждом областном правлении были открыты типографии и статистические комитеты⁸.

Главная роль в областных правлениях была всегда отведена хозяйственному отделению, на которое были возложены следующие важные функции: поземельное «устройство» оседлого и кочевого населения, заведение делами о вакуфах, дела по водопользованию и податному обложению коренного населения, составление смет денежных земских повинностей и заведение земскими расходами, наблюдение за взиманием таможенных пошлин, оформление и выдача лицензий на разработку сырьевых ресурсов края, оформление торговых сделок и подрядов.

Хорошо просматриваемая тенденция к всеобъемлющей регламентации и бесцеремонному вмешательству колониальной власти во все сферы жизни коренного населения, становится еще яснее и четче при рассмотрении структуры и функций низовых органов управления. Прежде всего это касается уездной администрации во главе с уездными начальниками. Последние, как правило, совмещали несколько должностей: городского головы, земского начальника, председателя поземельно-податного присутствия, полицмейстера, командующего войсками, расквартированными в уезде⁹.

На это звено системы падала основная тяжесть многочисленных текущих дел по наблюдению за порядком в волостях и селах, по исчислению податей, разбору хронических споров о земле и воде, по проведению выборов в местные административные и судебные органы. На деле, это звено оказалось наиболее некомпетентным, преследующим собственные корыстные цели и потребовало от вышестоящих властей многочисленных реорганизаций в сторону его усиления. Достигалось подобное «усиление» расширением полицейских и карательных полномочий уездной администрации, своевременным переводом наиболее ненавистных народу чиновников в соседние уезды или области, иногда привлечением к ответственности наиболее зарвавшихся из них. Так, в Ферганской области в 1883 г. было зарегистрировано 238 дознаний по незаконным действиям колониальных чиновников, расследование было проведено по 106 делам, за преступления по должности было предано суду всего 18 человек, остальные дела по распоряжению военного губернатора были прекращены¹⁰.

Незаконные поборы с коренного населения, с точки зрения чиновничьей морали, были обычным явлением. Широко практиковалось хищение средств, собранных с населения на строительство и ремонт дорог, мостов и других сооружений; вымогательство и продажа должностей волостных и сельских управителей; различные махинации с вакуфными землями и имуществом и т. д. Процесс этот почти не находит своего отражения в официальных отчетах военных губернаторов областей, генерал-губернаторов и даже в ревизионных отчетах сенаторов Ф. К. Гирса (1882 г.) и К. К. Палена (1908 г.). Последние предпочитали писать о коррупции выборного волостного и сельского аппарата, продажности казийских и бийских судов, о необходимости отмены выборной системы и введения на всех уровнях действия имперских судов.

Система власти в волостях состояла из волостного управления и съезда выборных. Выборы волостного управителя были двухэтапными. Сначала собирался сельский сход, на котором из каждых 50 домохозяев избирался один выборный. Затем выборные от сельских обществ собирались на волостной съезд, прохо-

дивший под наблюдением русской администрации. Волостной съезд считался несостоявшимся, если на нем присутствовало 2/3 всего количества выборных.

Ведению волостного съезда подлежали выборы управителя-аксакала, народных судей — казиев и биев и кандидатов к ним; определение денежного содержания должностным лицам низовой администрации арык-аксакалам, мирабам, раисам, миршабам и др.; дела по водопользованию и водоснабжению населения, контроль за состоянием мостов, дорог, различных хозяйственных построек.

Управитель исполнял и сугубо полицейские функции: наблюдал за спокойствием вверенной ему волости, производил дознания по преступлениям, подведомственным народному суду, налагал денежные штрафы до 3-х рублей (§112 Положения 1867 г.).

Если личность волостного не устраивала русскую администрацию, то военный губернатор области мог назначить новые выборы или временно заменить его другим человеком. Царская администрация довольно широко использовала это право. Так, в отчете Ф. К. Гирса приводятся следующие данные: «Из 109 волостных управителей Сырдарьинской области уволено в течение трех лет 38 лиц, что составляет 35% или около 13 случаев в год»¹¹, — пишет он. Подобные данные были характерны и для других областей.

Изложение материала о политико-административном устройстве Туркестанского генерал-губернаторства было бы неполным, если не упомянуть об управлении городами. Города делились на части, во главе которых стояли старшины-аксакалы, избираемые съездами выборных от квартальных сходов домовладельцев. Старшины городских районов подчинялись старшему аксакалу, назначаемому военным губернатором. Старшему аксакалу подчинялись миршабы — низшие полицейские чины, мирабы — начальники оросительных систем городов и судьи — казии и бии. Все они получали жалованье из средств, собираемых с населения. В европейских частях городов администрация называлась военными губернаторами¹².

Город Ташкент, являясь политическим и административным центром Туркестанского генерал-губернаторства, имел своеобразное управление. В старой и

«новой» частях города были созданы отдельные хозяйственно-общественные управления, причем в старом городе члены управления избирались представителями городской верхушки. В 1877 г., в соответствии с новым «Городовым положением», все городское хозяйство перешло в ведение городского Думы, избираемой населением, обеих частей Ташкента.

Правом участия в выборах гласных Думы пользовались жители, достигшие 25 лет, являвшиеся российскими подданными, владевшие недвижимым имуществом, включая и вакуфы, с которых в пользу города взимались сборы. Трудовые слои населения, не соответствующие этим требованиям, к выборам не допускались.

1/3 гласных Ташкентской Думы избиралась «азиатской частью» города, а 2/3 гласных «русской частью». Избиратели распределялись по куриям в соответствии с имущественным цензом. Каждая курия, вне зависимости от числа лиц, входивших в нее, избирала одинаковое число гласных — по 24 человека¹³. Например, в составе Думы первого созыва гласными первого разряда были избраны 24 человека, из них только 6 человек от коренного населения, из гласных второго разряда — только 8 человек, из гласных третьего разряда было избрано 7 местных жителей. Таким образом, 80 тыс. жителей местного населения получили возможность выдвинуть 21 человека, а небольшое число русских жителей, насчитывавших 3921 человек, выдвинуло 48 человек гласных Думы¹⁴. Такое дискриминационное представительство было разрешено и в исполнительный орган Думы — городскую Управу.

Ташкентский городской голова назначался администрацией и, как правило, это был начальник г. Ташкента. К. П. Кауфман, настоявший на совмещение этих двух должностей, аргументировал это так: «...во избежание случайного избрания на эту должность лица, не отвечающего своему назначению, а главное — ввиду политического положения города, значительное большинство жителей которого состоит из недавно покоренных мусульман»¹⁵. На деле это означало полное подчинение городского самоуправления колониальной администрации, что в конечном счете являлось вполне определенной и целенаправленной государственной политикой.

Общая характеристика колониальной системы власти отражается и в ее охранительных и карательных институтах. Основные звенья судебной системы в 60—80-е годы XIX в. были следующие: выборные суды казиев и биев, уездные суды, временные военно-судные комиссии, судные отделы областных правлений и судный отдел Канцелярии туркестанского генерал-губернатора.

В соответствии с «Положением 1867 г.» первой судебной инстанцией для коренного населения являлся единоличный суд казиев и биев, решавший дела, размер иска по которым не превышал 100 руб. Второй инстанцией являлись так называемые съезды народных судей, решавшие дела, размер иска по которым не превышал 1000 руб. Одновременно они являлись апелляционной инстанцией по решениям единоличных судей. Высшей инстанцией являлись Чрезвычайные съезды народных судей, разрешавшие сложные и спорные дела, возникавшие между жителями различных волостей и уездов.

Выборное начало и отсутствие требований относительно образовательного уровня кандидатов на должность казиев и биев открыли широкий доступ в судебные органы людям малограмотным и невежественным в области мусульманского права. Как следствие этого, довольно часто возникали разного рода злоупотребления и нарушения судопроизводства, что вызывало справедливое недовольство народа. Его жалобы, письма и прошения в разные колониальные учреждения оставались, как правило, без рассмотрения. Власти исходили из «степени верноподданности» судей, лояльности их к режиму, их мало волновали проблемы народа. Они рассчитывали именно из этой категории судей создать «надежную кадровую базу» поддерживающую колониальные порядки.

Что касается общих тенденций развития судостроительства и судопроизводства в общеимперском русле и с учетом судебных уставов империи 1864 года, то они в начале были крайне ничтожны. В соответствии с «Проектом положения 1867 г.» для русского населения был создан институт уездных судов, компетенция и объем деятельности которого были такими же, как у мировых судов в Европейской России. Но по приказу Кауфмана из юрисдикции этих судов предусмотрительно

были изъяты военные губернаторы, их помощники, начальники уездов, начальники отделов военно-окружных управлений и более того, военным губернаторам областей предоставлялось право вмешиваться в деятельность судов, вплоть до выговоров и замечаний в адрес уездных судей¹⁶. Институт уездных судов просуществовал до 1 января 1887 г., когда по «Положению о управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г. был заменен институтом мировых судей как в уездах, так и в городах.

На областном и краевом уровнях судебные функции осуществляли судные отделения областных правлений и Канцелярии генерал-губернатора, пользуясь такими правами и полномочиями, которыми по словам Ф. К. Гирса «не пользовалось Министерство юстиции по отношению к подведомственным ему судам»¹⁶. Частичное отделение судов от администрации произошло в 1887 г., когда были введены областные суды в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях края. При каждом областном суде предусматривались должности прокурора и товарища прокурора (т.е. заместителя) суда. Областные суды, в делах, перешедших к ним от мировых судей, руководствовались Судебным уставом 1864 г., по остальным делам — уставами до-реформенного времени.

С 1899 г. функции областных судов перешли к окружным судам ташкентской судебной палаты, введенным после утверждения 2 июня 1898 г. «Проекта правил о применении судебных уставов к областям Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской и другим»¹⁷. При каждом окружном суде и Ташкентской судебной палате были введены должности прокуроров, их товарищей, судебных следователей и адвокатов. На заседаниях этих судов принимали участие присяжные поверенные, устанавливающие меру и степень вины подсудимых. Решения окружных судов, принятые с их участием, считались окончательными, в противном случае могли быть обжалованы в Ташкентской судебной палате — высшей апелляционной судебной инстанции в пределах Туркестанского края. Апелляции же на решения Ташкентской судебной палаты рассматривал Правительствующий Сенат Российской империи.

Несмотря на отделение судов от администрации, что несомненно было шагом вперед и соответствовало курсу царизма в сторону либерализации своей судебной системы, колониальные власти находили способы давления на суды и влияния на принятие ими решений. Тем более, что наряду с вышеназванными судами, продолжали действовать и приобрели особое значение военные суды, военно-полевые и так называемые особые суды, в ускоренном режиме расправляясь с участниками народных восстаний и волнений, национально-освободительных движений против царизма и колониального режима.

Характерной особенностью управления Туркестанским генерал-губернаторством являлось то, что начиная с 1892 г. по 1917 г. по настоятельной просьбе колониальной администрации, были введены и действовали положения об «усиленной» и «чрезвычайной охране». Благодаря им, полицейские и карательные функции всей администрации, по существу, были неограниченными, метод насилия и репрессий переходил в настоящие «чистки», травмировавшие национальное самосознание народов Туркестана и вызывавшие у них неудержимое желание освободиться от ненавистного гнета.

Таким образом, реорганизация судебной системы в Туркестане в конце XIX в., имевшая целью создание более или менее независимого противовеса военно-административному управлению, не имела сколько-нибудь существенного значения для народов Туркестанского края. «Новое правосознание», заложенное в буржуазных уставах, коснулось лишь представителей верхнего и отчасти средних слоев русского населения. Оно не интегрировало в его нижние слои по причине нищеты и бесправия русского трудового народа, не имевшего материальных средств воспользоваться услугами этих судов в случае необходимости.

С усложнением задач царизма по стабилизации обстановки в регионе в связи с растущим сопротивлением режиму, предпринимаются меры по расширению сети карательных органов. Полицейские управления в «старых» и «новых» городах и населенных пунктах края дополняются жандармско-полицейскими управлениями и их отделениями на станциях Среднеазиатской (1899 г.) и Ташкентской (1905—1906 гг.) желез-

ных дорог. В августе 1907 г. по распоряжению царского правительства создается Особый отдел для организации розыска в Туркестанском крае. Местные полицейские власти обязаны были отслеживать и сообщать в этот отдел все сведения «о настроении умов местного населения» и общественно-политической ситуации в крае в целом.

В октябре 1907 г. Особый отдел был преобразован в Туркестанское районное охранное отделение, в сферу деятельности которого были подключены розыскные отделения в Асхабаде, Верном и во всех крупных городах Туркестанского края. Особое внимание охраны было уделено насаждению секретной агентуры в среду коренного населения, в мактабы, медресе, гимназии, училища, на фабрики и заводы. Считалось, что даже «слабый сотрудник, находящийся в обследуемой среде, даст неизмеримо больше для обнаружения государственного преступления, чем общество, в котором официально могут вращаться заведующие розыском»¹⁸. Все остальные средства: анонимные доносы, материалы обысков, допросы признавались лишь в качестве второстепенных подсобных средств. Бывало, что агенты преднамеренно распространяли слухи о панисламистском и пантюркистском движении в крае, направленном, якобы, против русского населения, что служило удобным предлогом для организации репрессий против коренного населения.

Одним из важных средств борьбы царизма с народами края являлись карательные учреждения — арестные дома, военные гауптвахты, тюрьмы уездного, областного и краевого значения. На их создание и содержание власти ежегодно расходовали до 80 тыс. рублей¹⁹. Основы тюремного режима определялись уставами и инструкциями Главного тюремного управления Российской империи. Специальным законодательством (1886 г.) допускалась эксплуатация труда заключенных администрацией тюрем и частными подрядчиками.

Деятельность тюремщиков мало контролировалась властями. Режим насилия над подсудственными и заключенными был обыденным явлением. Созданные царизмом попечительные комитеты о тюрьмах²⁰, состоявшие все из тех же чиновников, военнотружущих и представителей духовенства, не вникали в проблемы

заклученных и не занимались защитой их интересов. В дальнейшем, по мере нарастания сопротивления колониальному режиму, возникает потребность в расширении тюремного строительства, обсуждается вопрос о необходимости иметь в крае «свою каторжную тюрьму»²¹, принимаются все более изощренные меры по ужесточению тюремных правил, расширяются и усиливаются «чрезвычайные» механизмы власти, позволявшие действовать в обход всяких правил и законов.

Итак, созданные и задействованные в процессе колонизации Туркестана управленческие структуры и учреждения, находясь во взаимосвязи друг с другом, решали главную задачу царизма: военное подавление всех форм сопротивления народов Туркестана оккупационному режиму, разрушение традиционных форм государственности, создание дешевой и эффективной системы эксплуатации богатейших материальных и людских ресурсов региона.

Наряду с управленческими структурами царизмом создается довольно широкая сеть госучреждений для организации колониального ограбления Туркестана. Общий надзор за финансовыми потоками осуществляли Туркестанская Контрольная палата, созданная в 1868 г., и Туркестанская Казенная палата (1869 г.), подчиненные соответственно ведомству Госконтроля и Министерству финансов. В 1874 г. в Ташкенте было открыто отделение Госбанка, а в 1881 г. начал действовать первый частный банк — Среднеазиатский коммерческий. К началу XX в. в Туркестане насчитывалось 10 отделений Госбанка и 40 отделений коммерческих банков, подавляющее большинство которых было занято операциями с хлопком, приносившими большие дивиденды, а также выгодным вложением капиталов в обрабатывающую промышленность, добычу каменного угля, нефти, цветных металлов, железнодорожное строительство и строительство военных и гражданских объектов. Банки создавали и обеспечивали разного рода монополистические соглашения, задавали тон в предпринимательских структурах, став постепенно важным фактором экономической жизни края.

В 1886 г. в Ташкенте начинает действовать Акцизное управление, занимавшееся сбором косвенных налогов с производства и торговли спиртными напитка-

ми, табака, спичек, нефтепродуктов, а также с гербовых, судебных, паспортных и иных пошлин.

Контроль за торговыми связями Туркестана устанавливает Туркестанская таможня (1890 г.), в сферу деятельности которой были включены Бухарское и Хивинское ханства. Под эгидой Министерства финансов, законом от 9 мая 1889 г., учреждается институт податных инспекторов, наделенных правом контроля за раскладкой и сбором податей с населения, за налогообложением земельной собственности, промышленности, торговли.

Надзор за природными ресурсами края осуществляло Управление земледелия и государственных имуществ, учрежденное в 1897 г. Самым важным направлением его деятельности было осуществление переселенческой политики царизма, являвшейся составной частью долговременных русификаторских планов российского правительства.

Содействие разнообразным торговым сделкам, банковским операциям оказывали созданные царизмом арбитражные и биржевые комитеты.

Деятельность вышеперечисленных учреждений, подчинявшихся российским министерствам и ведомствам и косвенно зависившим от туркестанских колониальных властей, постепенно систематизировала оптимальное использование богатейших материальных и человеческих ресурсов края и способствовало ускорению финансовых вливаний в бюджет метрополии.

Постепенно складывался некий симбиоз российского капитализма и традиционной экономики региона. Добиваясь превращения Туркестана в свою хлопковую базу, царское правительство, имевшее общие интересы с торгово-промышленными кругами, покровительствовало становлению и развитию так называемого «промышленного хлопководства», содействовало строительству Среднеазиатской, Оренбург-Ташкентской и внутренних железнодорожных магистралей, распространению влияния акционерных обществ, хлопковых фирм и товариществ, созданию системы кредитования хлопковых хозяйств в целях получения наибольших прибылей. Однако, конечной целью всех этих преобразований оставалось обеспечение жесткого централизованного изъятия прибавочного про-

дукта из колонии и усиления полицейской опеки над ее населением.

Рационализация управления экономикой не привела к более или менее значительным и глубинным сдвигам в ней.

После свержения царизма и победы Февральской революции 1917 г. в Туркестане еще в течение месяца действовал колониальный аппарат во главе с генералом А. Н. Куропаткиным, которого Временное правительство признало своим представителем в крае. Бывший генерал-губернатор был возведен в ранг комиссара Временного правительства. Его приказы и директивы, рассылаемые на места, требовали сохранять власть губернаторов и уездных начальников, заменяя лишь тех, которые стали «ненавистными населению», продолжать политику мобилизации на военно-тыловые работы с тем, чтобы до июня 1917 г. отправить в Россию дополнительно 80 тыс. человек. Лишь в начале апреля А. Н. Куропаткин и представители российского резидента в Бухаре были отозваны в Петроград. Вся полнота власти на территории Туркестана перешла в руки Туркестанского комитета Временного правительства, созданного 7 апреля 1917 г.

Таким образом, в основе процесса организации колониальной системы власти в Туркестане выделяются следующие ее компоненты:

— размежевание территории среднеазиатских ханств и унификация составляющих ее единиц по российскому образцу и юрисдикции;

— централизация военной, гражданской и судебной власти у российского чиновничества, занявшего и контролирувавшего все ключевые узлы системы;

— институционализация и рационализация аппарата в целях ускоренного введения дешевой и эффективной для казны системы эксплуатации богатейших ресурсов края;

— опосредствованная ориентация царской администрации на использование некоторых традиционных для местного общества социально-правовых и административных институтов и норм, поставленных на службу реализации колонизаторских задач царизма.

Всеобщая регламентация жизни общества достига-

лась постоянным расширением и укреплением административных, полицейских и репрессивно-охранных рычагов механизма управления и мерами чрезвычайного и военного характера.

Колониальная система власти, действовавшая в Туркестане на протяжении второй половины XIX—начала XX столетия, лишила его народа национальной государственности, отрезав возможные пути их самостоятельного участия в общецивилизационных процессах развития, нанеся серьезный ущерб социокультурным параметрам общества и заложив предпосылки насильственной его советизации в новейшее время.

Библиография

- ¹ Кауфманский сборник. Москва, 1910. С. 8.
- ² ЦГА РУз. Ф. И — I, оп. 34, д. 78, л. 21.
- ⁴ *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России. (60—90-годы XIX в.) Москва, 1965. С. 294.
- ⁵ Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 — март 1881 г. СПб., 1885. С. 163.
- ⁶ *Там же.*
- ⁷ Проект положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях. СПб., 1867. С. 109—126.
- ⁸ *Там же.* С. 141.
- ⁹ Проект всеподданнейшего отчета К. П. Кауфмана... С. 43.
- ¹⁰ ЦГА РУз. Ф. И. — 19, оп. I, д. 555, л. 12.
- ¹¹ *Гирс Ф. К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. СПб. 1888. С. 29.
- ¹² ЦГА РУз. Ф. И.-17. Оп. I, д. 201308, л.57.
- ¹³ ЦГА РУз. Ф. И.-36. д. 1328, л. 18—19.
- ¹⁴ *Бродский Л. К.* К 35-летию Ташкентского городского общественного самоуправления, Ташкент, 1912. С. 37.
- ¹⁵ ЦГА РУз. Ф. И. -I, оп. I, д. 737, л. 4.
- ¹⁶ *Гирс Ф. К.* Отчет... С. 206.
- ¹⁷ Судебные уставы 1964 г. предусматривали: бессловность судопроизводства, введение гласного и состязательного процесса, независимость судей от администрации, введение института присяжных заседателей из числа гражданского населения, право толкования законов судами.
- ¹⁸ *Голос минувшего.* 1917. № 9—10. С. 281.
- ¹⁹ *Гирс Ф. К.* Отчет... С. 197.
- ²⁰ Сырдарьинский комитет был основан в 1879 г., Ферганский в 1882 г., Самаркандский в 1888 г.
- ²¹ ЦГИАЛ. Ф. 1343, оп. I, д. 157, л. 12, 33.

НАЦИОНАЛЬНО-ПРОГРЕССИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ ДЖАДИДИЗМ И ЕГО ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ. ВЗГЛЯДЫ ДЖАДИДОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Джадидизм возник на основе передовых реформаторских течений Средней Азии и Европы в конце XIX — начале XX века и ознаменовал собой переломный этап в общественном развитии. Представители национальной интеллигенции и передовые прогрессивные силы глубоко осознавали причины отставания колониального Туркестана, полузависимых Бухарского и Хивинского ханств от общемирового развития, застоя в сфере экономики, духовности, что и послужило толчком к пробуждению в их сознании идей о проведении реформ в обществе, без которых дальнейший прогресс был невозможен.

Это реформаторское движение в Средней Азии прошло сложный, исторически многогранный путь развития. Опираясь на философский опыт на пути к прогрессу и реформам других стран, джадиды попытались применить эту практику на национальной почве, где порой различные взгляды на общественное развитие становились объектом столкновений. Основная идея борьбы за независимость формировалась в этих сложных условиях. Каким же представляли себе джадиды будущее общество и государство? Располагали ли они программой их переустройства?

Джадидизм прошел в своей истории два этапа: первый — это этап просветительства и второй — политический этап. Однако взгляды джадидов на вопросы государственности начали складываться еще на первом этапе, а на втором они уже обрели законченную форму. Оглядываясь назад в прошлое, все отрицательное в обществе джадиды связывали с утратой национальной государственности. Так, по мнению М. Бехбуди, ханства на протяжении 50 предыдущих лет были отрезаны от мира и не могли пользоваться мировыми достижениями, что привело к утрате национальной государственности и явилось одной из причин пребывания под игом колониализма. Колониальная же система вынуждает народы Туркестана жить по европейским законам, которых, однако, они не знают, ибо для этого и

с целью защиты своих прав нужно быть образованным. Он приходит к мысли о том, что высокообразованные специалисты, в частности юристы, смогли бы приносить пользу нации через Государственную Думу, суды и официальные органы Российской администрации в Туркестане. Таким образом, еще в 1913 году Бехбуди выдвигает следующую теорию: развитие просвещения и образования среди туркестанцев необходимо для защиты своих национально-государственных интересов.

Основную часть концепции джадидов составляла проблема единения всех народов Туркестана, ибо будущее государственное устройство они связывали с их солидарностью. Об этом Бехбуди писал так: «Принимаемые нами законы должны защищать интересы и евреев, и христиан, и мусульман, и, в целом, всех. Если мы, мусульмане Туркестана, хотим вместе проводить реформы, то наши интеллигенция, просветители, баи, духовенство и ученые должны служить делу процветания родины и нации... Если нами управляют с помощью колониальных законов, то причина этого прежде всего кроется в отсутствии у нас солидарности»¹.

Международные связи джадидов были весьма всеобъемлющими. Они были знакомы с программами джадидских течений в России, Турции, Египте и других странах, обмениваясь между собой опытом посредством поездок и бесед. Революционные события 1905—1906 гг. в России оказали свое воздействие и на Туркестан. Начался процесс объединения прогрессивных сил края и активизации просветительской деятельности джадидов. Это ознаменовалось не только открытием новометодных школ, но и организацией национальной прессы, в частности появлением новых газет и журналов. Так, в 1906 г. под редакцией И. Обидова стала издаваться газета «Тараққий», в том же году под руководством Мунавваркори — «Хуршид», в 1907—1908 гг. под редакцией А. Авлони — «Шухрат», а А. Бектемиров возглавил газету «Осиё». Однако в скором времени колониальное правительство, опираясь на сообщение своего эксперта Н. П. Остроумова, закрыло эти издания². На основе новой волны просветительства в 1913—1915 гг. уже появились такие газеты и

журналы, как «Самарқанд», «Садои Туркистон», «Садои Фарғона», «Эл байроғи», «Кенгаш», «Улуғ Туркистон», «Турон» и «Ойна», а в 1917 г. такие средства массовой информации, как «Хуррият», «Фарғона сахифаси» и др.

Джадиды пристально следили за политическими процессами в России, изучая программы возникающих там политических партий. Однако, опираясь на особенности национального менталитета узбекского народа — его миролюбие и сдержанность, они старались мирным путем, легальными способами через обращение в Государственную Думу и выступления там осуществлять поставленные цели. Однако царская администрация наложила вето на присутствие представителей Туркестана в Государственной Думе, вызванного ее обеспокоенностью ростом политического самосознания местного населения. Это было вопиющим фактом попрания прав и достоинства народа. Вот тогда-то джадиды пришли к заключению о необходимости объединения и создания единой мусульманской партии с тем, чтобы войти в состав Всероссийского союза мусульман. В статье, опубликованной в газете «Хуршид» от 11 октября 1906 г.³, Бехбуди пишет, что только таким образом, опираясь на прогрессивные силы тюркских народов России, они могут добиться политических прав. Здесь же он выражает свое отрицательное отношение к социал-демократической партии, считая ее программу неприемлемой для норм жизни мусульман и утопичной.

После Столыпинской реакции джадидизм перешел на нелегальное положение. Как было доложено в полицейский департамент Ташкента, одну из подпольных групп, преимущественно состоящую из представителей национальной интеллигенции и учащейся молодежи, возглавлял учитель Ахмаджанов. Такая же группа в количестве 50 человек была организована в Коканде. Андижанское общество джадидов называлось «Тараққийпарвар» и возглавлял его, судя по донесению тайной полиции, Убайдулла Ходжаев. Кроме того, на протяжении 1909—1916 гг. агенты царской охранки неоднократно докладывали правительству о том, что мударрисы и учителя школ ведут пропагандистскую работу по проведению реформ для управления краем⁴.

Накануне Февральской демократической революции джадидизм Туркестана уже представлял собой серьезную политическую силу. Если после первой мировой войны джадиды вели борьбу за парламентскую монархию, то после Февральской революции их радикальная часть, создавшая течение сторонников прогресса, выдвинула более широкий ряд требований. В их числе проведение глубоких реформ по расширению полномочий местного населения в управлении краем, выделение мест в Государственной Думе исходя из фактической численности местного населения, обеспечение основных демократических свобод и, прежде всего, свободы национальной печати, замена монархического строя конституционным и т. д. Как же представляли себе джадиды Российский федеративный строй и место в нем Туркестана? По их мнению, с каждого города и уезда нужно было избрать по несколько представителей и создать в Ташкенте большой центр или собрание (как мы полагаем, имелось ввиду создание парламента — Д. А.), способные издавать налоговые законы и указы, приемлемые для Туркестана, и дать практические результаты. Такое собрание могло бы служить средством связи между Россией и мусульманами, что укрепило бы администрацию Туркестана, способную вести работу по повышению благосостояния края⁵.

Однако, отмечал М. Бехбуди, для того, чтобы добиться правды, все население, невзирая на национальность, должно вступить в общественную борьбу и, объединившись с русским народом, создать «Совет мусульман Туркестана», избрав от каждого уезда своего представителя. По его мнению, если идти по пути независимости в составе Российского демократического государства в качестве автономии, то, прежде всего, необходимо покончить с внутренними противоречиями и разногласиями.

Отсюда следует вывод: Бехбуди со всей ясностью и очевидностью понимал, что разброд в национально-освободительном движении вновь может привести к колониальной зависимости. Он, в частности, отмечал: «Если весь Туркестан объединится — не прольется кровь, земля и собственность также будут неделимы, момент тоже может быть подходящим. Сколько бы

мы ни жаловались по поводу возникавших разногласий, мы добились объединения, а по причине имеющихся противоречий мы достигли злосчастия»⁶.

Февральская демократическая революция вдохновила джадидов в надежде на то, что в новом государственном устройстве России можно будет добиться автономии.

В Туркестане стали возникать национальные политические партии и объединения, в частности джадидами был образован ряд таких организаций, как «Шўрои Исломия», «Иттифоқ» и др. К тому времени джадиды сумели увлечь за собой различные общественные прослойки из числа местного населения, пробудив в сознании людей стремление к объединению. Однако в скором времени они осознали, что как Временное правительство России, так и Временный комитет в Туркестане продолжают вести в крае, как и прежде, ту же колонизаторскую политику. Это со всей очевидностью показало необходимость проведения Учредительного собрания. С тех пор проблема обретения автономии и самостоятельности переросла для джадидов в вопрос жизни и смерти и начались ожесточенные политические бои. Колонизаторскую политику правительства они взяли под пристальный прицел критики и стали вести активные действия за обретение статуса национально-территориальной автономии Туркестана в составе Российской демократической федеративной республики.

Основное внимание в программных документах джадидов уделялось механизму обеспечения главных направлений национально-территориальной автономии — создание верховных органов хокимията с независимыми полномочиями для принятия законов по вопросам, входящим в прерогативу Туркестанской федеративной республики, выработка механизма управления и судебного исполнения, а также создание собственного государства. В качестве реформы управления была избрана республика. Конечная преследуемая цель — развитие демократического общества на основе широких прав, свобод и конституционной законности. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что джадиды Туркестана свои представления о независимости для достижения мира и согласия среди различных общественных сил связывали с созывом в России Учредительного собрания.

В тот период представители прогрессивных сил джадидов объединились в организацию «Шўрои Исломия», а консервативная часть вошла в «Шўрои Уламо». Однако осознание важности вопроса об обретении мест в Учредительном собрании привело к объединению этих двух джадидских течений в единую партию Туркестанской федерации под названием «Турк Адами марказияти».

Между тем октябрьские события в Туркестане и захват власти большевиками не позволили им достичь намеченных целей. Но, несмотря на это, они, воспользовавшись своими правами, провозглашенными новой властью большевиков в Декларации о национальном самоопределении, объявили в Коканде о создании независимой автономной республики под названием «Туркистон Мухторияти».

Феномен джадидизма заключается в том, что за три последних столетия представителями данного течения впервые была предпринята попытка создать национальную государственность, что и легло в основу идеи о независимости и заставило пробудиться спящий Восток, начать действовать.

Если деятельность джадидов на этапе просветительства была направлена на объединение народов Туркестана, то в 1917—1918 гг. одной из важных целей Туркестанской автономии стала защита национальных интересов. М. Бехбуди обосновал положение о том, что никто и никакая власть не дадут добровольно народу независимость. «Из истории известно, — отмечал он, — что права завоевываются, а не даются. Каждая нация, народ могут отстаивать свои права, религию и политику только путем приложения собственных усилий и объединения сил. Мы, мусульмане, в частности мусульмане Туркестана, желаем, чтобы никто не посягал на наши религию и нацию, мы же, в свою очередь, не имеем намерений угрожать кому-либо»⁷.

Независимость достигается только путем борьбы, а для этого мы должны быть сплоченными, — писал он. Обращаясь к узбекам, киргизам, казахам, туркменам, а также к представителям европейских народов Бехбуди с целью сохранения автономии предлагал временно воздержаться от разногласий и споров. Отсюда явствует, что в воззрениях джадидов эта мысль, в отли-

чие от вышеупомянутой, уже переросла от просветительской до политической, т.е. судьба Туркестанской автономии напрямую связывалась с единством Туркестанского общества и его солидарностью.

В воззрениях джадидов на государственное строительство в Туркестане важное значение занимала проблема экономического развития края. Одна из статей (1915 г.) У. Ходжаева дает четкое представление об экономическом положении края и его характере. Поставив перед собой цель дать объективное мнение об этом, У. Ходжаев посетил Коканд, Андижан, Наманган и самолично убедился в тяжелом экономическом положении мусульман Туркестана. Особенно в бедственном состоянии находилось население Коканда, где заводы и хлопкоочистительная промышленность были сосредоточены в руках представителей европейской национальности. Почему в данном отношении мусульмане слабые, безынициативные и немощные? — вопрошал автор⁸. Причина кроется, как он полагал, в их недопонимании того, что данное состояние может измениться лишь старательным и деятельным отношением к труду. Положение мусульман Андижана было несколько лучше, хотя, если исходить из слов автора статьи, Наманган весьма отставал в научном развитии и в целом в степени культуры. Однако здесь по словам Ходжаева достаточно высоко были развиты торговля, предпринимательство, бизнес, а производство сосредоточено в руках местного населения и находится в благоприятном состоянии. В то же время в отдельных городах на передовые позиции культурной жизни стали выходить представители молодежи, которые, осознав свои «национальные и культурные недостатки», начали предпринимать все возможное для их постепенного устранения. Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что осознание культурного и образовательного отставания побуждает молодежь активно осваивать науки, заниматься просветительской деятельностью. У. Ходжаев, как и все джадиды, твердо верил в назначение просвещения как огромной силы, способной изменить общество.

Джадиды считали также, что будущее Туркестана тесно связано с усвоением правовых знаний. Бехбуди в статьях «Қонуни Оврупо», «Ҳақ олинур, берилмас!»,

«Лойиха», «Қози ва бийлар ҳақида лойиха» пишет о неблагоприятном положении дел в Туркестане в правовой сфере. Он критикует администрацию края за то, что она передала решение правовых вопросов на усмотрение эликбаши и казиев, в результате чего те не только правовые, но и бытовые вопросы решают на основе взятки. Бехбуди отмечал, что нормы шариата возможно неприемлемы для российской политики и русской культуры, но они отвечают неизменным потребностям мусульман и, согласно канонам ислама, нужно быть обладателем глубоких знаний и на основе этого выявлять нарушителей законов, в том числе и казиев, попирающих устои шариата и преследующих личные, корыстные интересы.

Глубокий анализ в этой сфере привел Бехбуди к мысли о необходимости ликвидации системы суда казиев и создании вместо него в каждом из пяти вилоятов Туркестана государственных судов, образованных апелляционной комиссией, а для контроля за деятельностью окружных судов следует открыть Верховную судебную палату, состоящую из председателя, заместителя и трех членов суда⁹. Он считал, что в волостных выборах должен участвовать каждый туркестанец, достигший 20-летнего возраста.

В центре внимания джадидов также стоял вопрос о культурном наследии народа и его самосознании. М. Дарсаодат в своей статье, опубликованной в «Садои Туркистон», напомнил читателям о том, каким богатым научным и культурным наследием обладает народ. Он, в частности, отмечал, что Фараби, Ибн Сина и Улутбек на самом деле являются основателями общественных и научных реформ. Согласно его данным, во Всероссийском съезде мусульман (1914 г.), проходившем в Санкт-Петербурге, от Туркестана принимали участие всего лишь два представителя. Это факт отрицательный, — отмечал он, — и, побеждая в общественных умах застой, призывал к активным действиям¹⁰.

Одним из важных направлений прогресса и признаком национальной государственности джадиды считали развитие национальной печати и народного образования. Когда Т. Ризобадди писал о том, что «без национальной печати нет самой национальности»¹¹, он обращал свой взор далеко вперед. Что мешает Турке-

стану выйти из застоя, отсталости и невежества? В чем джадиды усматривали причины отсталости? В первую очередь, в идущих наперекор мусульманским правилам ненужных и вредных нормах и традициях, вносящих трудности и без того в нелегкую жизнь людей. «Что нас гложет и тянет назад?» — вопрошает М. Бехбуди и сам же отвечает, что это напыщенные торжества и помпезные похоронные обряды, порой совершенно излишние и требующие огромных затрат¹². Со ссылкой на Коран и хадисы он дает толкование тем явлениям, которые приводят к разорению семей. Он считает, что излишние средства, затрачиваемые на пышные церемонии, следует использовать в сфере образования, и поэтому мусульмане должны пересмотреть свое мышление.

Критическая оценка культурного и экономического состояния Туркестана приводит джадидов к следующей мысли: по своей сути колониальная политика царизма и управленческая система России не отвечают национальным интересам края. Особую остроту эти вопросы приобрели накануне Февральской революции.

Однако их идеи из-за известных политических причин не получили своего практического воплощения. Между тем, даже после поражения Туркестанской автономии джадиды не прекращали вести речь о том, каким должно быть государственное устройство Туркестана. Здесь мы заострим свое внимание на статье М. Бехбуди по данному вопросу, опубликованной им в 1918 г. и представляющей огромную важность. В ней нашли отражение его взгляды не только на экономические вопросы, которые, по его мнению, должны лечь в основу государственности, но и критическая точка зрения на то, как решает эти вопросы власть большевиков и каким образом они должны быть решены.

Уже после крушения Туркестанской автономии, в июне 1918 г., М. Бехбуди публикует статью «Фалла, аскарлик, ер ва тазминости харбия», где в концентрированном виде выражены его взгляды на поставки зерна, призыв в армию, военный налог, водо- и землепользование.

Приехав в Ташкент для участия в курултае по просвещению, он был на приеме у председателя компар-

тии Туркестана И. О. Тоболина и высказал свои соображения по этим вопросам. Очевидно, это были не стихийно возникшие идеи, а основанные на опыте его долгой просветительской и политической деятельности (как отмечает он сам, 25-летний опыт) взгляды о Туркестанской автономии, в целом отражающие воззрения джадидов на эти вопросы.

Высказывая свои предложения, он, в первую очередь, обратил внимание Тоболина на необходимость считаться с духовными, религиозными и иными традициями народа. Его точка зрения на экономику, в частности на зерно, была совершенно противоположна большевистской. Он категорически выступал против национализации зерна продовольственными комитетами. Озабоченный слухами о том, что в некоторых регионах Туркестана у дехкан полностью изымается зерно, он стоит на определенно негативной позиции по этому вопросу и выдвигает свою программу решения вопроса. Его предложения заключались в следующем: рынок должен быть открытым, необходимо запретить вывоз зерна из областей и уездов, цены должны быть свободными, следует отменить запреты на деятельность частных хлебопекарен. Свои предложения М. Бехбуди мотивировал таким образом: «Базар должен быть открытым, а с вилоятов и уездов зерно не должно быть вывезено, нужно запретить его изъятие из амбаров. Твердых цен быть не должно. Государство может иметь от дехкан, производящих зерно, в размере от одного батмана засеянной земли — четыре пуда по имеющейся таксе, но, прежде, это должно быть зафиксировано документально»¹³.

Что касается призыва в армию, то Бехбуди также высказал свои мысли по данному вопросу. По его мнению, принудительный призыв в армию населения, еще не привыкшего к новой власти, может нанести вред. Вместо этого он предлагает создать добровольную армию, упразднить военный налог, поскольку дороговизна и голод привели к истощению и обнищанию народа. В своей статье он, в частности, отмечал: «Я предлагаю, пока не привыкнет народ и не изменится его экономическое положение, не объявлять всеобщий призыв, а, исходя из положения народа, делать это в добровольном и поощрительном порядке. Народ

устал от голода и дороговизны. Если нужны деньги, то их можно найти и иным путем — посредством сбора налогов»¹⁴.

Выступая против национализации земель, он указал на необходимость изучения их состояния путем статистического анализа и просит Тоболина приостановить национализацию предприятий, мастерских и мельниц¹⁵. По мнению Бехбуди, продразверстка и национализация земель могут привести к нежелательным столкновениям между правительством и народом, а также к катастрофическому обнищанию масс. Это его предсказание позже обрело черты реальности. Но тогда он наивно полагал, что Тоболин благосклонно отнесся к его предложениям. Однако его точка зрения на эти вопросы, как часть джадидской концепции на экономику, совершенно противоречила и не соответствовала большевистской концепции «советской» колонизации края.

Джадидизм в Средней Азии был весьма многогранным, и особой его формой были национально-прогрессивные движения в Бухаре и Хиве. Отличаясь своеобразием и формой развития, джадидизм там был связан с политическим, экономическим и общественным положением народов этих регионов.

Трудно отрицать высказывание Ф. Ходжаева о том, что благодатной почвой для возникновения джадидизма в Бухаре послужили экономическая основа ханства и неестественные «ужасающие беспорядки». Вместе с тем то, что Бухара располагалась на перекрестке старинных торговых путей, т. е. в центре Средней Азии (и хотя основная часть ее населения была безграмотной, следы арабоперсидской культуры здесь прослеживались на каждом шагу), также благоприятствовало развитию данного движения.

«Как бы ни было печально, — отмечал Ф. Ходжаев, — наряду с этими факторами Среднюю Азию заполнили банки и торговые конторы, закупавшие у дехкан сырье и сюда же завозилась российская мануфактура, в результате чего русский капитализм укреплялся и набирал силу. Все это заставляло определенную часть общества глубоко задумываться, что также послужило одной из причин возникновения здесь джадидизма»¹⁶.

Хотя джадидизм Бухары и возник позже туркестанского, однако тяжелое положение в общественной жизни ускорило его развитие, и с 1915 г. он уже был нацелен от культуры к политике. В произведениях бухарских джадидов, в частности А. Фитрата, под критическое острие пера попадали не только духовная жизнь, но и вопросы, связанные с правом, торговлей и управлением.

Между тем, как показывает история, у джадидского движения не было обратного пути: начав с узкого круга просветительства и культурничества, позже оно превратилось в политическое движение, ставившее перед собой цель — пересмотр общества и его управление. Если в Татарстане джадидизм способствовал образованию партии «Мусулмон иттифоқи», в Туркестане — «Шўрои Исломия», то в Бухаре — партии «Ёш бухороликлар». Однако было бы считать ошибкой, что политические требования стали выдвигаться на первый план лишь после образования этих партий, они предъявлялись и ранее. После 1910 г. основной идеей программы максимум прогрессивной части джадидов было развитие капитализма и демократии в Бухаре по западному образцу.

Расширение целей джадидских организаций и их политизация были вызваны, во-первых, как ни парадоксально, реакцией эмирского правительства и последовавшим вслед за этим в 1914—1915 гг. закрытием газет и новометодных школ. Во-вторых, ряды джадидов пополнились молодыми представителями, обучавшимися за границей и изучавшими зарубежный опыт национального прогрессивного движения. Они-то и потребовали решения конкретных политических задач, не замыкаясь в рамках культурничества, в том числе сократить налоги, ограничить власть чиновников, облегчить жизнь дехкан. В результате джадиды разделились на два противоположных лагеря: мыслящих по-старому и молодежь во главе с Фитратом. На основе этого между ними стали возникать противоречия, что, в свою очередь, обусловило несогласованность действий, разгон мирной демонстрации в поддержку манифеста эмира и начало репрессий против джадидов. В отличие от представителей старшего поколения, молодежь не считала ошибочной тактику от-

крытых выступлений. И это, как считал С. Айни, стало причиной разгрома движения. Он упрекал группу левого уклона во главе с Фитратом и Ф. Ходжаевым в недалёковидности, неумении трезво оценить сложившуюся ситуацию и в излишней горячности.

Анализ исторических событий показывает, что представители старшего поколения джадидов — Абдул Вахид Бурханов, Усмон Ходжаев, Мухитдин Рафоат, Муса Саиджанов, Садриддин Айни и другие верно оценивали ситуацию, ибо джадиды не обладали большой силой воздействия на основную часть населения. Массы находились под влиянием духовенства, которое в любой момент могло поднять людей против джадидов. Вот почему представители старшего поколения предпринимали продуманные, осторожные действия, будучи сторонниками бескровной революции и поэтапного проведения реформ. На самом деле инициаторами манифестации, а затем застрельщиками в колесовских событиях были те же левые джадиды, не побоявшиеся вооружённого восстания и находившиеся в боевом революционном настрое. Однако хотя бухарцы и были горячими головами, но они предпринимали все усилия для того, чтобы не допустить роспуска организации и оставить Абдул Вахида Бурханова в качестве её председателя. Они ясно осознавали изменение ситуации после гонений в марте 1917 года. Ф. Ходжаев в связи с этим отмечал, что социальная база джадидов сузилась, ибо зажиточные торговые слои отошли от борьбы, а следовательно приостановилась их материальная помощь. Собственники отстранились от борьбы, а левое крыло заняло центральное место. После этого расширение численности организации уже велось за счёт неимущих слоёв населения. Она стала ослабевать, а его духовное влияние на общество также стало обессточиваться¹⁷.

В результате тяжкого труда, упорства и непоколебимости, проявленных в 1910—1917 гг., джадиды, по выражению Ф. Ходжаева, превратились в партию под названием «Ёш бухороликлар», способную возглавить национальную революцию.

В то время Ф. Ходжаев и Фитрат ещё свято верили в бескорыстную помощь советов в свержении эмира и осуществлении революции. Значительно позже Ф. Ходжаев понял, что основную роль в этом вопросе занима-

ла РКП(б), преследовавшая свои цели, а младобухарцы послужили им лишь дополнительным средством при взятии Бухары.

Какое же государство хотели построить младобухарцы и в чем заключалась основа их воззрений на государственность?

Партия младобухарцев имела свою программу реформ, в которой в концентрированном виде отражались их взгляды на устройство государства. Ее проект в основном был выработан А. Фитратом и принят Центральным комитетом. Следует учесть, что эта программа выражала лишь часть обширнейших целей джадидов. В соответствии с этим, они, учитывая политическую обстановку, не ставили глобальных задач строительства или насильственного установления республиканской формы правления. Ф. Ходжаев называл данный проект программой минимум, которая, «не предreshая вопроса о конституции, не изменяя монархической формы правления.., проследовала две основные цели: введение в Бухаре правовой государственности, замена средневекового восточного деспотизма просвещенной монархией европейского образца и экономическое, политическое и военное укрепление Бухары на базе усиления благосостояния и культуры трудовых масс бухарского народа»¹⁸. В области государственного управления программа не являлась революционной и фактически не затрагивала юридических основ эмирского правления. Однако во внутренних делах требовались проведение в Бухаре строго административного деления, учреждение местных органов правления, оплачиваемых правительством, и централизация управления. Местное самоуправление предусматривалось в весьма ограниченных пределах: лишь низовая ячейка власти — аксакалы избирались народом. Органы юстиции по-прежнему должны были опираться на шариатские законы и оставаться в руках духовных лиц. Вместе с тем предлагалось создать Совет министров численностью десять человек в составе министерств земледелия, вакфов, по военным делам, финансов, внутренних дел, юстиции, милиции, путей сообщения, добывающей и обрабатывающей промышленности, просвещения, а также по внешним делам. Однако выборность министров и их ответственность не были оговорены.

Но все же в вопросах экономической и культурной реорганизации страны младобухарцы проявили больше смелости, предлагая реформы во всех сферах жизни населения Бухары, особенно в области налоговой политики, и эти реформы были направлены на облегчение положения масс.

Проект, в частности, предусматривал снижение налогов для земель, принадлежащих государству и трудящимся, и, наоборот, увеличение налогообложения для земель «мульк» (частновладельческих) и части земель «мульк-харадж», т. е. хотя и являющихся собственностью государства, но закрепленных эмиром за частными лицами. Налоговое обложение земель, заселенных, но не засеянных, по мнению младобухарцев, могло повлечь за собой усиленный засев или отказ от земли, ее продажу в хозяйствах, не способных обрабатывать имеющуюся у них землю.

Решались и вопросы увеличения сельскохозяйственной продукции, расширения посевной площади и интенсификации землевладения, регулирования Зарафшанской оросительной системы. В качестве меры поощрения для интенсификации сельского хозяйства рассматривались сельскохозяйственный кредит и механизация обработки, т. е. создание в Бухаре сельскохозяйственного банка с многочисленными филиалами в областях, что должно было освободить бухарское дехканство от «цепких лап многочисленных деревенских ростовщиков, а также завоз в Бухару и раздачу дехканам сельскохозяйственных машин и обучение дехкан обращению с ними»¹⁹.

Значительное место в программе младобухарцев занимали вопросы просвещения, при этом особая роль отводилась институту вакфов. Однако они не разграничили задач министерства просвещения и министерства вакфов, отдавая предпочтение последним в деле развития науки.

Младобухарцы, конечно, понимали, что главным атрибутом сильного самостоятельного государства является армия. Учитывая состояние войска эмира и имея представление о военных структурах в европейских странах, в частности в России, они считали необходимым ввести европейские методы комплектования армии с использованием всеобщей воинской повиннос-

ти, создание военной школы для командного состава, с казенным довольствием и обмундированием для войск и минимальным месячным жалованием для солдат. При этом отмечалось, что необходимо изжить произвол и жестокое обращение высших чинов с низшими, широко практиковавшиеся в армии эмира. Рассматривая сферу финансов, младобухарцы не сумели детально спроектировать работу министерства финансов, отметив лишь, что она предусматривает отделение личных средств эмира от общегосударственных, упорядочение и точную фиксацию налогов, ежегодное опубликование бюджета.

Но, несмотря на недостатки, первая программа младобухарцев стала ярчайшим документом, символизирующим понимание национальными демократами необходимости коренного переустройства общества в Бухаре. Радикально отличалась от нее вторая программа, созданная Туркестанским Центральным бюро младобухарцев, уже решивших любым путем свергнуть эмира и установить свою власть при помощи туркестанских большевиков. Основные ее положения сводились к свержению эмирата и созданию народной республики с введением в состав правительства пропорциональной численности населения и всеобщего избирательного права. Исходя из этого, данная программа была более политизирована и выражала уже конкретные взгляды младобухарцев на государственность, которую они собирались строить.

Годы эмиграции в Туркестане для них не прошли даром. Заметно сказалось влияние уже существовавшей политической системы в крае, что нашло отражение в следующих пунктах программы: «Партия отказывается от всякого сотрудничества с капиталистами Европы, но будет вести совместную борьбу за освобождение трудящихся с европейскими рабочими и крестьянами», «партия всеми доступными ей силами и средствами будет бороться за освобождение из-под власти европейского империализма»²⁰. В отличие от прежней программы, младобухарцы уделяли внимание национальному вопросу, указывая, что партия не допустит проявления национальной и религиозной вражды и всеми силами будет стремиться к тому, «чтобы каждый гражданин Бухарской Народной Республики в

правах был равен со всеми, одинаково пользовался всеми предоставленными ему правами»²¹.

Согласно программе бухарских джадидов, коренному преобразованию должно было подвергнуться право. Законы, выработанные Учредительным собранием, должны беспрекословно исполняться судами, огражденными от всякого «вмешательства в их работу и влияния на них посторонних лиц». Уголовные суды должны состоять из двух инстанций: судьи первой должны были избираться населением, а судьи второй — выносить определения по делам, рассмотренным судьями первой инстанции. Новыми в этой программе были также введение восьмичасового рабочего дня, организация профсоюзов, вопросы кооперации и государственного кредитования.

Кроме того, предусматривались защита прав рабочих, государственная охрана труда, запрещение наемного труда для лиц, не достигших 18-летнего возраста, государственное страхование по отношению к престарелым и нетрудоспособным рабочим²².

Однако младобухарцы не могли придти к единому решению в вопросах тактики осуществления этой программы. Как известно, существовала и коммунистическая группа младобухарцев, которая считала, что программа, выработанная Туркбюро младобухарской партии, несовместима с идеями коммунизма. Это и служило препятствием для объединения двух групп, хотя цель их была одна — свержение эмира. Представитель коммунистической группы Арифов заявлял, что слова «религия и шариат» являются неустранимым препятствием для объединения²³. И как бы ни пытался руководитель Туркбюро младобухарцев Ф. Ходжаев лавировать и сохранить позиции своей партии, слияние произошло волевым решением Туркбюро ЦК РКП(б), в результате чего была образована компартия Бухары как часть Российской коммунистической партии. С этого момента большая часть джадидов, оставшихся на дофевральских позициях, отошла от политики и в годы репрессий так же, как и примкнувшие к политике советской власти, была истреблена.

Джадидизм в Хивинском ханстве в начале XX столетия возник в несколько иных исторических условиях. Здесь джадидское движение характеризовалось дву-

мя направлениями. Правое его течение объединяло владельцев торгово-промышленных предприятий, получивших в тот период развитие в ханстве, и крупных собственников. Возглавлял это течение главный визирь Асфандияр-хана Ислом Ходжа. Они ставили своей целью расширение путей для развития рыночных взаимоотношений посредством проведения общественно-экономических реформ в условиях сохранения ханской власти. Левое же течение хивинского джадидизма объединяло представителей мелкой буржуазии, ремесленников, уламо и средних слоев населения. Его руководителем был шейхулислам Хивинского ханства Козикалон Бобоохун Салимов. Однако до первой мировой войны у джадидов Хивы не было своего единого центра и программных документов.

Так же, как из джадидидского движения Бухары возникла партия младобухарцев, аналогично в августе 1914 г. из левого течения джадидов в Хиве была образована партия младохивинцев, возглавлял ее Полвонийез Хожи (Полёзхожи) Юсупов.

Партия имела программу, имевшую своей целью установление в Хиве конституционной монархии и проведение демократических преобразований.

5 апреля 1917 г. хивинский хан Асфандияр был вынужден подписать манифест, подготовленный руководителями партии младохивинцев. В нем требовалось проведение реформ, в частности открытие новометодных (джадидских) школ, строительство в стране железной дороги, почты и телеграфа, взятие под контроль государственной казны, установление выборности должностных чиновников и выплаты им жалованья, а также провозглашения равноправия людей перед шариатом. С целью наблюдения за ходом реформ при хане был образован Контрольный орган Идораи маршрутия из 49 представителей. Для руководства государством 8 апреля в Хиве при хане был создан Мажлис парламентского типа (председатель Б. Салимов) и Совет назиров (председатель Хусаинбек диванбеги Матмурадов). Однако Асфандияр в скором времени распустил их и закрыл Идораи маршрутию²⁴.

В 1919 г. была принята новая программа партии младохивинцев, которая 8 февраля 1920 г. была опубликована в ташкентской газете «Известия». В ней фор-

мировались ближайшие задачи хивинской революционной партии и был выпущен манифест, состоявший из 12 пунктов. В нем планировалось уже свержение в Хиве ханской власти, национализация собственности хана и его окружения, передача посредством раздела земли крупных собственников бедным деханам, открытие бесплатных больниц и школ, строительство дорог и мостов, упразднение всех видов принудительного труда, ликвидация ханского строя и создание республики с народно-демократической формой правления²⁵. Революции в Хиве и в Бухаре произошли по одному сценарию. Участь хивинских джадидов была подобна бухарским и туркестанским.

Не все движения оканчиваются так, как того хотят их лидеры, и мы, несомненно, далеки от того, чтобы подсчитывать их упущения. Однако было бы неправильным не отметить, что конечная ошибка бухарских и хивинских джадидов в деле преобразования общества заключалась в избрании ультрареволюционного пути и неспособности спрогнозировать то, что, возложив надежды на большевистские силы, они придут к тому, против чего боролись — к зависимой полукOLONиальной системе. Можно лишь сожалеть, что столько затраченных усилий, пролитой крови и принесенных жертв не привели к достижению поставленной цели, однако несомненно джадидизм и его идея сохранились в истории в качестве уникального феномена своего времени.

В чем же его особенность, отличительные признаки и необычность? Что помогало джадидам с ясностью и очевидностью видеть упадок, регресс общества, его консерватизм и подойти к религиозным, правовым и нравственным проблемам с точки зрения практического решения? Во-первых, его феноменальность определялась концентрацией и единением людей с высокой степенью интеллектуальности, соединившей в себе проявление культуры как Востока, так и Запада. Очевидно джадида, глубоко изучив историю и проанализировав настоящее, сумели спроектировать будущее своей родины, обозначить пути ее развития. Многие из них, получив высшее религиозное образование, воспитываясь на поэзии Джами, Навои и Физули, на духовности, почерпнутой из философских произведе-

ний древневосточных мутафаккиров, обогатили свои знания также зарубежной культурой, вобрав в себя огромные достижения как Запада, так и Востока*.

Отбор и гармоническое сочетание высоких достижений культуры так отложились в сознании джадидов, что на основе этого были разработаны и созданы особые формы развития Туркестана. Для данного утверждения достаточно привести в качестве примера произведение А. Фитрата «Рахбари нажот», где он ведет речь о традиционной философии Туркестана со ссылкой на трехтомное сочинение французского историка Шарля Сеньобоса «Политическая история».

В ходе осуществления своих идей по строительству развитого государства особое внимание джадиды Туркестана, Бухары и Хивы уделяли борьбе против консерватизма, апатичности и отсталости. В решении этих задач они возлагали свои надежды на молодых и образованных сторонников прогресса. Акцентируя внимание читателей на путях, по которым европейские страны достигли современного развития, свои работы они снабжали множеством исторических примеров. Особое значение джадиды придавали изучению языков, развитию науки и техники и, учитывая своеобразие, особенности прошлого Туркестана и его настоящее, сформировали программу будущего таким образом: создание независимого государства на основе сильной светской власти и неприкосновенности частной собственности, опора на свободные направления банковского капитала. Такое государство при всем уважении к исламу должно отдавать предпочтение свободному развитию культуры во всех ее проявлениях. Джадиды мечтали поднять уровень культуры народа до международных стандартов, а для этого считали необходимым обучение молодежи в самых лучших учебных центрах Европы, ибо понимали, что будущее государства находится в ее руках.

Деятельность и программа джадидов весьма поучительны для будущего. Несомненно, их историческая заслуга заключается в том, что назревшие в тот период

---

* Многие из джадидов завершали свое образование за рубежом. Так, Исхакхон Ибрат жил и учился в Джидде, Стамбуле, Софии, Афинах и Риме. Долгое время он проживал и в Индии. Он знал французский, английский, урду, персидский, иврит, арабский и множество других языков.

общественные задачи они осуществляли на основе эволюционно-реформистских направлений, их формационно-институционального изменения, выбора максимальных путей избавления от колониального строя.

Библиография

- ¹ Бехбудий М. Баёни ҳақиқат // Улуғ Туркистон. 1917. 12 июнь.
- ² Худайкулов А. М. Просветительская деятельность джадидов Туркестана (конец XIX — начало XX в.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Ташкент, 1995. С. 109.
- ³ Бехбудий М. Хайр ул-умури авсатухо // Хуршид. 1906. 11 октябр.
- ⁴ Аъзамхўжаев С. С. Туркистон мухторияти. Тошкент. Маънавият. 2000. 21-бет.
- ⁵ Бехбудий М. Халқ олинур, берилмас // Хуррият. 1917. № 22. 13 июль.
- ⁶ Бехбудий М. Туркистон мухторияти // Хуррият. 1917. № 19. 12 декабрь.
- ⁷ Бехбудий М. Баёни ҳақиқат // Улуғ Туркистон. 1917. 12 июнь.
- ⁸ Ходжаев У. Турли ўринлар // Садои Туркистон. 1915. 2 февраль.
- ⁹ Бехбудий М. Қози ва бийлар ҳақиқда лойиҳа // Ойна, 5-сон. 106—107-бетлар.
- ¹⁰ Дарсаодат М. Жаҳолат меваси // Садои Туркистон. 1914. 30-сон. 1-бет.
- ¹¹ Идорага мактублар // Садои Туркистон. 1915. 64-сон. 4-бет.
- ¹² Бехбудий М. Фалла, аскарлик, ер ва тазминоти харбия // Меҳнаткашлар товуши. 1918. 2 август.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Ходжаев Ф. Материалы к истории Бухарской революции. Ташкент, 1926. С. 176.
- ¹⁷ Там же. С. 176.
- ¹⁸ Там же. С. 35.
- ¹⁹ Там же. С. 32.
- ²⁰ Там же. С. 65.
- ²¹ Там же. С. 65.
- ²² Там же. С. 65.
- ²³ Там же. С. 65.
- ²⁴ См.: Полвонниёз Хожи Юсупов. История младохивинцев (воспоминания). Ургенч: Хорезм, 2000. С. 74—75.
- ²⁵ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. Т. II. Алма-Ата: Наука, 1964. С. 499.

ТУРКИСТОН МУХТОРИЯТИ: ОПЫТ СТРОИТЕЛЬСТВА НАЦИОНАЛЬНО- ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Феномен свободолюбивых устремлений поработанных народов выдвинул национальный вопрос в Средней Азии в число доминантных нарождающихся политических партий и движений, определил необходимость его концептуально-теоретического осмысления. Особенно оживленная дискуссия развернулась по проблеме национального самоопределения.

К моменту Февральской революции 1917 года слово «самоопределение» становится наиболее популярным. Но каждая партия и движение объясняла его по-своему, сообразно собственным теоретическим представлениям о характере исторического прогресса и перспективах российского государства. У всех партий, исключая монархического и откровенно великодержавного толка, понятию «самоопределение» отводилось заметное место в программных документах. Другой вопрос, что в него вкладывался неоднозначный смысл, по всей вероятности, ни одна из партий европейской общины не понимала это выражение так, как сами борющиеся за национальное самоопределение народы. В частности, у коренных жителей Туркестана слово «самоопределение» переводилось следующим образом: «определить свою судьбу».

Устремление к определению своей судьбы, усилившееся после свержения царского режима, стало, пожалуй, решающим фактором роста политического самосознания колониальных народов Российской империи, в том числе Туркестана, определения национальными политическими партиями и движениями приоритетных ориентиров общественного развития.

Что же могли почерпнуть туркестанские национальные политические организации из идейного багажа общероссийских партий? Какие перспективы разрешения национального вопроса они намечали?

Туркестанские прогрессисты по многим идейным позициям были близки к партии либеральной российской буржуазии — кадетов (конституционных демократов).

Как сегодня видится, в программе кадетов содержа-

лось немало рациональных пунктов, реализация которых содействовала бы цивилизованному развитию страны. Она была рассчитана на реформистское преобразование России по западным образцам, активное внедрение институтов западной демократии. По вопросам государственного устройства России первоначально предлагалось создать конституционную монархию. Но к 1917 г. была сформулирована цель становления демократической парламентной республики. Законодательная власть при этом должна была принадлежать народному представительству. Во главе исполнительной власти должен был встать президент республики. Орган народного представительства виделся в Учредительном собрании¹.

Однако национальная программа кадетов носила ограниченный характер. Провозглашая равенство граждан, независимо от их сословий, конституционные демократы в то же время признавали лишь право народов на свободное культурное самоопределение. Они решительно отвергали национально-территориальный принцип при формировании автономий, что вызывало раздражение даже среди представителей нерусской «буржуазии», более всего связанной экономическими интересами с метрополией.

Несколько дальше в трактовке принципа самоопределения пошла радикальная партия. Она высказывалась за представление угнетенным народам права обретения национально-политической автономии. В ее программных документах указывалось, что принцип автономии лишь нескольких крупных областей, имевших в недалеком прошлом политическую самостоятельность, не может удовлетворить все те национальности России, которые никогда не имели политической автономии или хотя и имели, но представляют теперь качественно и территориально сравнительно незначительные массы. «Удовлетворение законного стремления таких национальных масс к политической автономии может быть допущено без всякого ущерба для целостности России распространением политической автономии наряду с административной на мелкие территориальные единицы»². Однако и в программе «радикалов» национальная автономия мыслилась лишь в ограниченном плане. Она

не предполагала широкого предоставления суверенных прав.

Гораздо демократичнее представлялись национальные программы социалистических партий России и их краевых филиалов. Так, уже в момент организационного становления партия социалистов-революционеров (эсеры) заявила, что она стоит на точке зрения «полного и безусловного признания права на самоопределение, вплоть до отделения», а тем народам, которые захотят остаться после революции в составе России, предлагалась свободная Федерация².

К сожалению, в своих практических действиях эсеры оказались непоследовательными. Отчетливо проявился разрыв слов с делом партии эсеров в момент, когда часть ее лидеров вошла в состав правительственной коалиции, в том числе А. Ф. Керенский возглавил Временное правительство.

Диалектически не однозначный путь в разработке узловых положений национальной программы прошла Российская социал-демократическая рабочая партия. Как известно, уже в скором времени после создания она распалась на два идейных течения: меньшевиков и большевиков.

Большевики представляли экстремистское направление в социал-демократии, стоящее на идейных позициях ортодоксального марксизма. Меньшевики отражали в общественном движении России идеи реформистско-бернштейнианской ветви европейской социал-демократии. Их идейные усилия были направлены на критическое переосмысление марксистских догм, на поиск средств обновления общества не посредством революционного насилия, а гражданского согласия.

Меньшевики в целом были солидарны с эсерами в вопросе предоставления народам России демократического права национального самоопределения. Однако и они в практическом плане проявили в послефевральские дни колебания и непоследовательность. Опасаясь полного развала Российской империи, меньшевики любыми путями стремились не допустить расчленения «единого» и «неделимого» государства.

На фоне политических колебаний российских социалистов внешне наиболее привлекательной выглядела национальная программа большевиков. Впоследствии

это дало основание марксистским историкам сделать ошибочный вывод о тесном слиянии национально-освободительного движения с пролетарскими, о том, что только Советская власть обеспечила успешное решение национального вопроса.

Сегодня мы уже хорошо понимаем, что в реальной жизни все происходило иначе. Для большевиков особенно характерным было проявление политической нечистоплотности, острое несовпадение многообещающих призывов с общим стратегическим замыслом воздвижения коммунистического общества. Зримо это проявилось в национальной политике.

Ориентация на приоритет классовых интересов, недооценка национального фактора заметно обеднила потенциал национальной программы большевиков, определила ее внутреннюю противоречивость и методологическую ущербность, в том числе и в вопросах национального самоопределения.

Из новоявленных фактов отчетливо видно, что созданные в 1917 г. Советы рабочих и солдатских депутатов, в состав которых входили меньшевики, эсеры и большевики, также как и Временное правительство, вопреки декларируемым программным установкам в практическом плане выступали против самоопределения народов Туркестана, за продолжение имперской политики. Среди же национальной интеллигенции все более вызревала идея национально-территориальной автономии. На ее оформление, безусловно, какое-то воздействие оказывали национальные программы ведущих политических партий России. Ведь национальные демократы, обладая в своей основной массе высоким образовательным уровнем, были хорошо знакомы с программными документами общероссийских партий и движений. Тем не менее, в своих истоках идея национальной автономии базировалась на воззрениях просветителей Туркестана, опиралась на собственный опыт национально-освободительной борьбы. На ее эволюцию огромное воздействие оказали послефевральские реалии. Она углублялась и обогащалась новыми концептуальными положениями в горниле борьбы народов края за расширение своих суверенных прав.

Надо сказать, что в идеологических воззрениях мусульманских лидеров Туркестана не было единства на

перспективу разрешения национального вопроса и государственных взаимоотношений с Россией. Какая-то часть из них видела возможность этноконсолидации вне рамок Российского имперского объединения. Другая — большая — ориентировалась на идеи политического федерализма и национально-территориальной автономии. В целом, вплоть до октября 1917 г., идеи политического сепаратизма официально не выдвигались. Более того, первоначально после февраля наряду с тенденцией к федерализму наблюдались центробежные тенденции. Лишь постепенно в связи с хозяйственными трудностями, неспособностью центральной власти к управлению стали интенсивно расти центробежные силы.

Развивавшееся в контексте с общероссийскими демократическими процессами в период от февраля до ноября 1917 г., национально-демократическое движение выработало свои, альтернативные российским, программы развития туркестанского общества. Заметное место среди них заняли программные документы партии «Тюрк адами марказияти» (партия тюркских федералистов), созданной на состоявшемся в Скобелеве 12—14 июля 1917 г. съезде мусульманских организаций. В разработке его основного документа — «Проект автономии» — приняли участие лидеры национальной интеллигенции, известные мусульманские праведы: Мунаввар Кори, Махмудходжа Бехбуди, Обиджон Махмудов, Мулла Камол Кази, Абдулла Рахмонбердиев, Миродил Мирзо Ахмадов, Мирза Ахмад Кушбегиев и др. В нем новая партия твердо заявила себя сторонницей идеи демократического, федеративного, республиканского устройства Российской государственности.

В первом пункте своей программы партия выступила за предоставление Туркестану, Казахстану, Кавказу и Башкирии национально-территориальной автономии, а для татар Поволжья, Крыма и других тюркских народов России культурно-национальной автономии. Причем, принцип автономии получил в программном документе широкое толкование. Он провозглашал для автономных образований полную самостоятельность, независимость в решении всех внутренних вопросов — в управлении, финансах, шариате,

культуре, юстиции и просвещении. В ведение же центрального правительства передавались защита государства, выпуск денег, таможня и вопросы взаимоотношений с зарубежными странами.

Впервые в истории туркестанской государственности объявлялось о приверженности к созданию республиканской, парламентской формы правления. Программа предусматривала создание в автономном образовании законодательного собрания (парламент) и исполнительных органов. Для решения внутренних дел на местах вводились областные, уездные участковые органы местного самоуправления, наделенные широкими привилегиями и правами.

Выборы в парламенты автономных республик, а также в органы местного самоуправления должны были производиться на основе всеобщего, равного и тайного голосования. Правом избирать и быть избранным наделялись все члены общества, достигшие 20 лет, без различия пола, классов, религии. Но особо было отмечено, что участие женщин в выборах осуществляется в пределах шариата.

Особый раздел был посвящен вопросам религии. Для осуществления беспристрастного надзора по делам религии в каждой автономной республике туркестанские федералисты высказались за учреждение в столице специального органа — «Махкама-и-Шария», в областях — его отделений, а в каждом городе и кишлаке — козихона. Для решения религиозных вопросов для всех проживающих в России мусульман независимо от их принадлежности к роду и догматическому толку, было признано необходимым избрать, состоящий из представителей всех автономных республик, Совет религий под руководством Шейхуль-Ислама.

Хотя в программе туркестанских федералистов нет признания ислама государственной религией, но также в ней в прямой форме не закреплены и светский характер будущего государства. Однако влияние ислама и мусульманского права явно сказалось на выработанной ими концепции национальной государственности, в которой были использованы отдельные мусульманско-правовые принципы, нормы и целые институты в качестве формы традиционного социального содержания.

Выступая за независимость судебных учреждений, программа заявляла о том, что они свободны от вмешательства извне и подчинены только закону и шариату. Ни один человек не может быть подвергнут наказанию до вынесения приговора суда. Исполнительные органы не должны вмешиваться и влиять на назначение, перемещение и смещение судей, а также на ход следствия. Система наказаний должна быть определена в соответствии с законами, изданными парламентом. При проведении следствия обязательно участие адвоката. Учреждения по уголовным делам делятся на два вида: один — первоначальный орган, судьи которого избираются самим населением, второй — суд, выносящий окончательные определения по решениям первого.

Наибольшее внимание в программе было уделено вопросам образования. Верные своим просветительским идеалам, национальные демократы выработали цельную систему норм, принципов организации народного образования, его структуры: предоставление права на образование, науку всем членам общества независимо от религиозной, национальной, половой принадлежности; ликвидация всех ограничений для частной инициативы, начинаний местных властей в деле образования; необходимость свободы школы, преемственности между ее различными ступенями (от начальной школы к неполной средней, средней, высшей школе); предоставление университетам и другим высшим школам во внутренних делах и обучении независимого, автономного статуса; не противодействие научным и культурным начинаниям высших школ среди народа, а также стараниям местных властей в сфере образования и воспитания; о необходимости бесплатного, всеобщего и обязательного начального образования, особое внимание должно быть уделено местными органами широкому развитию школ, библиотек, читальных залов для взрослого населения; необходимость проявления энергии и инициативы по развитию и усовершенствованию ремесел и промышленности; проведения обучения в начальных и средних школах на языке большинства населения данной местности; в неполных средних и средних школах русский и общетюркский языки должны стать общеобязательными предметами, а в высшей школе преподавание должно

производиться на общетюркском литературном языке; открытие для нацменьшинств при наличии 40 детей начальных школ с преподаванием на родном языке; при наличии достаточного числа учащихся нацменьшинства могут открываться неполные средние и средние школы с преподаванием на родном языке.

Программа партии туркестанских федералистов показывает демократическую ориентацию его составителей, исходной посылкой которых было признание народов Туркестана частью мирового исторического процесса. Отсюда явное стремление продвинуть общество вперед по пути эффективного и прогрессивного реформирования, создать систему правления, формирования государственных и политических институтов в соответствии с наработанным человечеством опытом в этой сфере. Это подтверждается явной ориентированностью программы на западноевропейские, либерально-демократические модели общественного и государственного устройства. С наибольшей полнотой она отразилась в намеченных в программе принципах демократизации порядка формирования и определения компетенции государственных органов на уровне федерации и автономных республик, принципе разделения функций законодательных, исполнительных учреждений, определении правового статуса личности, основных направлений деятельности государства в различных сферах общественного устройства.

Серьезная подготовительная работа мусульманских политических организаций по созданию Туркестанской автономной республики глубоко обеспокоила местных большевиков. Они попытались воспользоваться октябрьским вооруженным государственным переворотом, чтобы полностью устранить коренное население от механизмов управления.

Октябрьский переворот и установление Советской власти в России и Туркестане заставили национальных демократов изменить свою тактику. Теперь главным вопросом времени стал вопрос об отношении к новой власти и ее мероприятиям. Как свидетельствуют архивные документы, отношение подавляющей части коренного населения и мусульманских политических организаций к октябрьским событиям было отрицательным. Описывая положение в Туркестане в после-

октябрьские дни один из лидеров автономистского движения Мустафа Чокаев вспоминал: «Незаконный захват власти большевиками, сопровождаемый лишением нашего народа политических прав, заставил нас поспешно принимать меры, противопоставлять волю народа решению узурпаторов»⁴.

Это было связано, в первую очередь, с антинародной и антинациональной деятельностью большевиков, которые на словах выступали за демократию, социальное равноправие, за право наций на самоопределение, а в реальной жизни не считались с национальными интересами, религиозными чувствами, вековыми традициями мусульман, противились допуску их представителей к краевым органам власти и управления.

Принятие решения о создании на территории Туркестанского края новой, демократической государственности под названием «Туркистон Мухтори-яти» («Туркестанская автономия») состоялось на IV Чрезвычайном краевом мусульманском съезде, спешно созванном 26 ноября 1917 г. в Коканде. В принятой 27 ноября резолюции указывается, что съезд «выражая волю населяющих Туркестан национальностей к самоопределению на началах, возвешенных великой российской (февральской — С. А.) революцией, объявляет Туркестан территориально автономным в единении с Федеративной Российской Республикой, предоставляя установление форм автономии Туркестанскому Учредительному Собранию». Причем съезд «торжественно заявляет, что права населяющих Туркестан национальных меньшинств будут всемерно охраняться»⁵.

Таким образом, делегаты мусульманского съезда, отражая кровные интересы туркестанцев, провозгласили самобытную национальную государственность, опирающуюся на сочетании потребностей национального развития и принципов гуманизма. На съезде не ставился вопрос о разрыве связей с Россией. Речь шла о сложности решения задач национального возрождения, национальные демократы Туркестана надеялись с помощью демократических сил России построить экономически развитое, демократическое общество. И не их вина, что прогрессивные устремления «автономистов» не нашли понимание сре-

ди большевистского руководства страны и края. Слепленные утопическими прожектами марксистского учения, находясь в плену классово-конфронтационного мышления, ленинцы не желали считаться ни с национальными запросами угнетенных народов, ни с объективными общественными реалиями. Решение мусульманского съезда о создании на территории туркестанского края национальной демократической государственности нашло широкую поддержку среди разнообразных слоев коренного населения. Провозглашение автономии приветствовали и европейские антисоветски настроенные политические объединения и движения.

Структура государственного образования выглядела следующим образом: до созыва Учредительного собрания вся полнота власти сосредотачивалась в руках Туркестанского Временного Совета и Туркестанского Народного (национального) собрания.

Из членов Временного Совета должно быть сформировано правительство из 12 человек.

Численность Туркестанского Временного Совета была определена по количеству ранее делегировавшихся депутатов от туркестанского края во Всероссийское Учредительное собрание (32 человека)⁶.

В состав Народного совета, численностью в 54 места, предполагалось включить 4-х представителей от съезда городских самоуправлений и 18 от различных краевых «европейских» организаций. Таким образом, 1/3 мест выделялась некоренной европейской части населения края, составлявшей тогда около 7% всех жителей края⁷.

Во Временное правительство автономного Туркестана вошли авторитетные лидеры автономистского движения. В персональном плане оно выглядело следующим образом:

1. Мухаммаджон Тиньшпаев — премьер-министр, министр внутренних дел.

2. Ислон Шоахмедов — заместитель премьер-министра.

3. Мустафа Чокаев — министр иностранных дел.

4. Убайдулла Ходжаев — военный министр.

5. Юрали Агаев — министр земледелия и водных ресурсов.

6. Обиджон Махмудов — министр продовольствия.

7. Соломон Герцфельд — министр финансов.

Позже в состав Временного правительства вошли Абдурахмон Уразаев, Саидносир Миржалилов и др.

Наряду с правительством молодого национально-го государства определился и состав Временного Народного Совета (Халк мажлиси). В него вошли Убайдулла Ходжаев, Мустафа Чокаев, Тошпулатбек Норбутабеков, Садриддинхон Шарифходжаев, Кунгирходжа Ходжинов, Исмадулла Губайдуллин, Саидносир Мирждалилов, Серали (Шерали) Лапин, Саид Жарфарбой Саидов, Ислон Шоахмедов, Абдурахмон Уразаев, Хидоятбек Юргули Агаев, Носырхонтур Камолхонтурев, Миродил Мирзаахмедов, Тошходжа Ашурходжаев, Абдулкадырбек Кушбегиев, Обиджон Махмудов, Жамшидбек Корабеков, Соломон Герцфельд, Абдусамад Абдусаимов, Абдулла Дербисалин, Муса Акчурин, Мустафа Мансуров, Махмудходжа Бехбуди, Ибрагим Давлетшин, Мухаммаджон Тиньшпаев, Халил Ширинский, Толибжон Мусабаев, Олимхонтур Шокирхонтурев, Собиржон Юсупов, Одилжон Умаров и др.⁸.

Конкретизируя национально-демократические аспекты провозглашенного государственного формирования, газета «Улуг Туркистон» в своей редакционной статье подчеркивала: «Объявление автономии мусульманами не ущемляет чьи-то права. Проживающим в Туркестане русским, евреям, армянам и другим нациям будут предоставлены их права. Они также будут жить полноправными членами Туркестанской автономии».

Наученные длительным опытом освободительной борьбы, туркестанцы понимали, что свобода обретается нелегко, что на пути национального самоопределения стоит немало препятствий, скрытых и открытых врагов. Поэтому в статье, опубликованной в газете «Улуг Туркистон», проводилась мысль: «Сегодня Туркестан объявляет себя автономным и если кто-то будет воспрепятствовать ей, то это нельзя считать правомочным. Туркестанцы не будут противостоять тем, кто стремится к этому запрету. Туркестанцы будут терпеть до последнего, чтобы предотвратить кровопролитие. Не следует забывать такое сравнение: «Земля Туркестана — наше

тело, вода ее — наша кровь. Если кто-либо тронет их обеих, значит он тронет наше тело и кровь». Отсюда следует, что если кто-то будет притязать на права туркестанского народа, то это может привести к непредсказуемым, неприятным событиям»⁹.

Новая государственность строилась на принципах пропорционального правительства от всех национальных групп, на базе органического сочетания общедемократических и национальных ценностей. В сложных условиях, при ограниченных возможностях Временное правительство Туркестанской Автономии стало принимать энергичные усилия по решению задач обеспечения населения продовольствием и товарами первой необходимости, созданию собственного финансового фонда, налаживанию сотрудничества с разнообразными политическими партиями и движениями.

Надо отметить, что в отличие от Советской власти, Туркистон Мухторияти формировалась на легитимной основе. Правительство Туркестанской автономии получило полномочия от широчайших масс мусульманского и демократически настроенного европейского населения. Таким образом можно сказать, что Туркистон Мухторияти явилась республикой самоопределившегося народа.

Свержение правительства Туркистон Мухторияти в феврале 1918 г. было воспринято туркестанцами как новое свидетельство наличия агрессивных планов России, ее посягательство на неотъемлемое право свободного самоопределения.

Насильственный разгон Туркестанского автономного правительства, подкрепленный решением Совнаркома о его ликвидации, принятым в феврале 1918 г., свидетельствовал о явном игнорировании большевистскими «управителями» кровных интересов коренного населения. Туркестанцы пытались сделать первый практический шаг по пути возрождения национальной государственности на демократических началах, чтобы решительно сбросить цепи колониализма и вновь стать хозяевами собственной судьбы. На каких-то этапах большевики в пропагандистских целях активно декларировали лозунг о национальном самоопределении и праве народов избирать собственный путь историчес-

кого развития. Однако многообещающие слова ортодоксальных марксистов явно не совпадали с их практическими делами. Как в центре, так и на местах большевики не желали распада «единого и неделимого» Российского государства. Акт устрашения, совершенный по отношению к свободолюбивым устремлениям туркестанцев, был направлен на то, чтобы больше нигде и никогда не смели организовывать «автономии» без согласия центра.

Свержение правительства Туркистон Мухторияти было воспринято туркестанцами как новое свидетельство наличия агрессивных планов России в отношении Туркестана и они с оружием в руках поднялись на защиту своей Родины от завоевателей. Тем самым было положено начало массовому антисоветскому движению в Туркестане.

Библиография

¹ *Водовозов В.* Сборник программ политических партий в России. Петроград, 1917. С. 6—7.

² *Водовозов В.* Сборник... С. 9—10.

³ *Там же.*

⁴ См. *Мустафа Чокай-оглы.* «Туркестан под властью советов (о характере диктатуры пролетариата)». Париж. Яш Туркестан. 1935.

⁵ «Улуғ Туркистон». 1917, 8 декабря.

⁶ Эл Байроғи. 1917, 22 декабря.

⁷ *Там же.*

⁸ «Улуғ Туркистон». 1917. 8 декабря.

⁹ *Там же.*

БУХАРСКАЯ И ХОРЕЗМСКАЯ НАРОДНЫЕ РЕСПУБЛИКИ: ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Бухарские и Хивинские джадиды в попытках ликвидировать существующую систему правления искали помощи у большевиков. Военно-политические силы советской России, располагавшиеся в Туркестане, — красная армия (Туркестанский фронт), Турккомиссия, Туркбюро, иные различные комиссии и бюро не только использовали силы младобухарцев и младохивинцев в ликвидации монархии, но и выдвинули перед руководителями Бухарской и Хорезмской Народных Рес-

публик жесткое требование принять недемократический, а большевистский путь развития.

Хорезмская Народная Советская Республика (ХНСР)

После свержения в Хиве хана с 1 февраля 1920 г. был создан ревком, состоявший из членов партии младохивинцев. Возглавлял его Мулла Джуманияз Султанмурадов, членам ревкома стали Матпанобой Мадрахимов, Одамохун Ортиков, Мулла Уроз Ходжамухаммедов и Мулла Навруз Рузибоев¹. На протяжении двух месяцев этот комитет принимал как законодательные акты, так и выполнял их, возложив на себя всю полноту власти.

Целью младохивинцев было построить в Хорезме демократическую республику вместо монархической системы, ликвидированной джадидами. Огромную роль в создании основ нового государства сыграл I курултай народных представителей Хорезма, созванный 26—30 апреля 1920 г. На нем торжественно было провозглашено о создании Хорезмской Народной Советской Республики — ХНСР. Здесь же была образована новая власть, состоявшая из 15 человек, — Хорезмский Народный Совет Назиров. Во главе с Полвонниёзом Ходжи Юсуповым (1861—1936 гг.) в состав правительства были избраны Д. Султонмурадов (первый зам. председателя), Бобоохун Салимов (назир юстиции), Абдувохид Кориев (зам. председателя назира юстиции), Бекжон Рахмонов (назир просвещения), Эшчонқори Джаббаркулов (назир народного хозяйства), У. Ходжамухаммедов (назир иностранных дел), Н. Рузиев (секретарь), Кучмамадхон Сапиев (второй зам. председателя), Гуламалихан Баходир (назир социального обеспечения), Шомурод Бахши (назир здравоохранения), Мухаммадпанобой Абдуллаев (назир финансов), Худойберган Дивонов (назир государственного контроля), Ризо Шокиров (назир военных дел), Хаким Бобожонов (назир земельных дел) и Назир Шоликоров (назир внутренних дел)². Введение в состав правительства наряду с джадидами главарей туркменских родов сыграло определенную роль в решении национального вопроса. Руководитель правительства П. Юсупов был энер-

гичным государственным деятелем, который с первых же дней начал проводить в Хорезмской республике демократические реформы, укреплять самостоятельность государства.

Молодое правительство наряду с установлением отношений с БНСР, Туркестанской АССР и РСФСР стремилось наладить на независимой основе торговые и экономические связи и с такими зарубежными странами, как Финляндия, Швеция, Германия, Турция, Афганистан и Иран³. Так, 24 ноября 1921 г. в Афганистан была направлена специальная дипломатическая миссия во главе с казикалоном Б. Салимовым⁴. Однако столь демократическая направленность нового руководства республики не импонировала большевистскому руководству советской России.

13 сентября 1920 г. в Москве между РСФСР и ХНСР был подписан союзный договор, состоявший из 24 параграфов, и подписано торговое соглашение, содержащее 15 статей. В соответствии с этим договором Россия официально признавала самостоятельность и неприкосновенность ХНСР. Было объявлено, что банки, фабрики, торговые конторы и другие учреждения, созданные на территории Хивинского ханства русскими капиталистами в период правления Российской империи, отныне являются собственностью Хорезмской республики. До подписания этого договора граница, существовавшая между Россией и Хорезмской республикой, была определена как государственная граница⁵.

На основе 17-го параграфа этого договора было также достигнуто военно-политическое соглашение, где говорилось о том, что армия Хорезма создается под патронажем РСФСР⁶.

Однако, не признавая на деле изложенные в договоре ключевые параграфы о праве Хорезма на самостоятельность и неприкосновенность, Россия постоянно интересовалась внутренними делами государства и, имея в Хорезме большой воинский контингент, пыталась с его помощью вмешиваться в руководство республикой. После военного государственного переворота в Хорезме 6 марта 1921 г., организованного красной армией, правительство П. Юсупова было низвергнуто, однако сам он успел скрыться⁷, но вскоре был взят под арест. Некоторые члены правительства, опа-

саясь попасть в руки красноармейцев, влились в состав соединений Джунаидхана.

На II-ом Всехорезмском курултае народных представителей, состоявшемся 15—23 мая 1921 г., были созданы президиум верховного законодательного органа Хорезмского центрального исполнительного комитета (ХЦИК) во главе с председателем Мухаммадраимом Аллабергеновым и исполнительный орган — Совет назиров во главе с председателем Менглиходжа Ибнияминовым.

Однако деятельность этих новых органов власти продлилась недолго. На заседании ЦИК ХНСР в сентябре 1921 г. по сфальсифицированному обвинению в том, что он «не выполнил возложенных задач и запутал дело» М. Аллабергенов был отстранен от должности и приговорен к высшей мере наказания. В целом, на протяжении пяти лет существования Хорезмской республики большевики десять раз меняли председателей ЦИК республики и руководителей правительства. В результате осуществления этих государственных переворотов многие талантливые руководители были уничтожены.

Начиная с 1922 г. новое руководство Хорезмской республики было вынуждено отступить от демократического пути развития и взяло курс на строительство классового общества. Под давлением Центра в Хорезме были приостановлены демократические реформы и общество было сориентировано на построение социализма.

Политические изменения в Хорезмской республике и последствия государственных переворотов нашли свое отражение в Основном законе страны — Конституции. Характерно то, что на I—IV Всенародных курултаях Хорезма в 1920—1923 гг. каждый раз принималась новая конституция.

В первой Конституции, принятой на IV курултае (26—30 апреля 1920 г.) ХНСР, впервые в многовековой истории Хорезма, были отражены политические права широких слоев населения и провозглашены демократические свободы. В Конституции, в частности, было записано о создании в Хорезме государственного устройства на демократической основе, где верховным органом был курултай народных представителей Хо-

резма и об избирательности правительства республики — Хорезмского Народного Совета Назиров⁸.

В новой Конституции, принятой на II-ом курултае (15—23 мая 1921 г.), в ее текст под давлением Турккомиссии были принудительно внесены многие параграфы, в связи с чем избирательные права населения стали весьма ограниченными.

На IV курултае (17—20 октября 1923 г.) Хорезмская Народная Советская Республика была преобразована в Хорезмскую Советскую Социалистическую Республику (ХССР). 20 октября была принята новая Конституция ХССР, состоявшая из 5 разделов и 12 глав, которая узаконила перевод государства на социалистический путь развития. В соответствии с ней ликвидировалась частная собственность на землю, а вакуфные земли были полностью аннулированы. Все наличные земли были объявлены собственностью народа, а вакуфные земли переданы в ведение инспекции по просвещению. Деятельность казиев была запрещена, а на их месте стали создаваться советские суды.

Таким образом, начиная с октября 1923 г. демократическим преобразованиям в Хорезме полностью был положен конец. Этап советизации края достиг своего апогея. Те, кто решительно отверг новую политику, в этих условиях стали пополнять ряды сторонников повстанческого движения. Однако после подавления в начале 1924 г. народного восстания начали создаваться новые карательные органы большевиков. Так, 20 февраля 1924 г. была образована советская прокуратура. Первым прокурором ХНСР был некто Хонов. В этих условиях усилилась деятельность военного трибунала и Государственного политического управления — ГПУ. Эти карательные органы беспощадно расправлялись с теми, кто был несогласен с коммунистической идеологией.

Территория ХНСР в 1920 г. составляла 62200 км², а население насчитывалось 500—550 тыс. человек. В Хорезмской республике в тот период в основном проживали узбеки (65%), туркмены (26%), каракалпаки (3,8%), казахи (3,4%) и другие народности. ХНСР граничила с Бухарской республикой и Туркестанской АССР.

В апреле 1920 г. в бывшем Хивинском ханстве были

ликвидированы 20 бекств и два наместничества, а на их месте образованы 22 района: Дарганата, Питняк, Хазарасп, Бешарык, Ханка, Янги Ургенч, Гурлен, Кипчак, Мангит, Киличбай, Манак, Ташауз, Порсу, Ходжейли, Кухна Ургенч, Кунграт, Хива, Илялы, Газават, Шават, Хитой и Кушкूपыр⁹⁻¹⁰. Такое административное деление нашло свое отражение в первой Конституции ХНСР.

В 1923 г. в административно-территориальное деление Хорезмской республики были внесены значительные изменения. В соответствии с новой Конституцией, принятой в октябре того же года, территория ХНСР была разбита на 4 вилоята (Хазарасп, Янги Ургенч, Ташауз и Ходжейли) и 26 районов (Дарганата, Питняк, Хазарасп, Бешарык, Ханка, Янги Ургенч, Ташкूपрик (Кушкूपыр), Газават, Шохобод (нынешний Берунийский район), Кипчак, Мангит, Киличбой, Манак, Ташауз, Порсу, Ходжейли, Кухна Ургенч, Киет, Кунгирот, Илялы, Кукчага, Янги Алла, Тахтабазар, Шават, Киет и Хива)¹¹.

Хорезмская Народная Республика имела присущие самостоятельному государству атрибуты: конституцию, флаг, герб, столицу, национальную валюту и в небольшом количестве национальную армию. Первый флаг ХНСР, принятый в апреле 1920 г., состоял из красного и зеленого цветов. На его зеленом фоне были изображены позолоченные полумесяц и звезда¹². После того, как Хорезм стал именоваться ХССР, изменился и его флаг. Теперь он полностью стал красным, а в его верхнем углу появилось изображение красной звезды.

Первоначально на гербе Хорезма предполагалось изобразить серп и лопату в обрамлении колосьев джугары. Однако, согласно Конституции 1923 г., герб ХНСР был утвержден в виде раскрытой хлопковой коробочки посреди лопаты и молота, расположенных на красном фоне под лучами солнца¹³.

Древняя Хива считалась столицей Хорезмской республики, а правительство проводило свои заседания здесь же во дворце Нуруллабой.

Начиная с 11 апреля 1920 г. Хорезмская республика имела свою независимую валюту — бумагу, шелк и медные деньги. На хорезмских деньгах, изготовленных на специальных станках в городе Хиве, было изоб-

ражение Государственного герба. Таким образом, в хождении находились как деньги, отчеканенные еще в пору Джунаидхана (1918—1919 гт.), так и, частично, деньги РСФСР выпуска 1919 г.^{14—15}. Из-за тяжелого экономического положения в 1921—1922 гт. национальная валюта Хорезма была значительно обесценена.

По предложению Среднеазиатского экономического совета — СредазЭКОСО в июле-августе 1923 г. национальная валюта Хорезма была обменена на российский рубль (в соотношении за 1 российский рубль 10 хорезмских сумов)¹⁶. Начиная с 1924 г., Хорезмская республика уже полностью находилась в подчинении единого банка СССР и подчинялась единой финансовой системе. Хорезмская и Бухарская республики после ликвидации национальной армии лишились также и символа государственной независимости — национальной валюты.

На V Всехорезмском курултае народных представителей, состоявшемся 29 октября — 2 ноября 1924 г., посвященным вопросу национально-территориального размежевания Средней Азии, было объявлено о ликвидации ХНСР. 23 района ХССР, где в основном проживали узбеки, вошли уже в качестве Хорезмской области в состав Узбекской ССР. Ташаузская область, а также Дарганата и Садувар вошли в состав Туркменской ССР, а Ходжейлийская область, Килчак и Хитой — в состав Каракалпакской автономной области. 23 ноября 1924 г. приостановили свою деятельность Хорезмский ЦИК, а 30 ноября — Народный Совет Назиров¹⁷.

Таким образом, просуществовав около пяти лет, Хорезмская республика была ликвидирована, а ее территории вошли в состав Узбекской ССР, Туркменской ССР и Каракалпакской автономной области. В регионе, где исторически был развит очаг государственности, последний преемник древней трехтысячелетней Хорезмской государственности в XX столетии — Хорезмская республика была раздроблена. Разбив на части Туркестанский регион, большевики еще больше укрепили свою власть.

Бухарская Народная Советская Республика (БНСР)

В начале сентября 1920 г. Бухарский Временный революционный комитет (ревком) объявил о свержении власти эмира и создании независимой Бухарской Народной Республики. 14 сентября на всеобщем собрании Народного Совета Назиров, ревкома и ЦК компартии Бухары были сформированы Всебухарский ревком (председатель Абдулкадыр Мухитдинов) и правительство республики — Народный Совет Назиров в количестве 11 человек (председатель Файзулла Ходжаев)¹⁸. Состав Народного Совета Назиров был следующим: председатель и назир иностранных дел (Файзулла Ходжаев), просвещения (Кори Юлдаш Пулатов), внутренних дел (Мухтор Саиджонов), финансов (Усмонжоджа Пулатходжаев), государственный контроль (Нажиб Хусаинов), чрезвычайная комиссия (председатель Юсуф Ибрагимов), юстиции (Мукаммил Бурхонов), военных дел (Баховуддин Шихабудинов), земельно-водных дел (А. Мухитдинов). В последующем в состав правительства вошел назир по торговле и промышленности Мирзо Мухитдин Мансуров. Бухарские джадиды, будучи в составе нового правительства, пытались провести свои идеи по реформированию.

6—8 октября 1920 г. в летнем дворце эмира Ситораи Мохи Хоса, где был созван I Всебухарский курултай народных представителей, торжественно было объявлено о создании Бухарской Народной Советской Республики — БНСР. Этот государственный строй поистине представлял собой народно-демократическую форму государственного правления. На плечи республики легла историческая роль — в кратчайшие сроки преобразовать доставшийся в наследство от средневековья Бухарский эмират в демократическое государство. Курултай утвердил верховный законодательный орган государственной власти — Всебухарский революционный комитет (Центральный ревком) и первичный состав правительства — Бухарский Народный Совет Назиров. Полномочия народных избранников были продлены до созыва II курултая. На этом курултае представитель правительства РСФСР И. Е. Любимов объявил о признании независимости Бухарской республики.

В октябре 1920 г. в Ташкенте между РСФСР и БНСР было достигнуто временное военно-политическое соглашение¹⁹, а 4 марта 1921 г. в Москве между РСФСР и БНСР был подписан союзный договор²⁰. Однако эти договоренности привели к определенному ограничению функций государственных деятелей Бухары и не позволяли проведение самостоятельной политики. Так, союзный договор обосновывал «законность» наличия на территории Бухарского государства советских войск, хотя такое положение дел с военной точки зрения означало вооруженное вмешательство России во внутренние дела БНСР.

Экономическое соглашение, подписанное 9 августа 1922 г. в Москве между РСФСР и БНСР²¹, а также таможенное соглашение, достигнутое между этими же странами 31 мая 1923 г.²² и другие договоренности, имели своей целью экономически подчинить Бухару. Так, в соответствии с экономическим соглашением вся продукция, шедшая на внешний рынок, должна была поставляться в Россию исходя из плана по экспорту-импорту, а товары, предусмотренные сверх этого плана, должны были быть реализованными через внешнеторговые организации России. Об этом Ф. Ходжаев с горечью писал: «Все дела осуществляются через внешнеторговые организации России, другого пути нет»²³.

Исходя из достигнутого соглашения, внешняя политика Бухарской Республики должна была осуществляться через посредство России, а ее границы также должны были охраняться красноармейцами.

В отличие от Хорезма, в Бухарской Республике не происходили государственные перевороты. Бухарское правительство на протяжении четырех с половиной лет неизменно возглавлял Ф. Ходжаев. Во время его деятельности в качестве председателя правительства Бухарской республики общественно-политические взгляды Ф. Ходжаева не расходились со взглядами его команды, которая отстаивала интересы республики.

Управление Бухарского эмирата распространялось на 32 бекства (в некоторых источниках 27), которые, в свою очередь, подразделялись на амляки. Территория вокруг столицы — Бухары, делилась на 8 туманов, которыми, в том числе и городом Бухарой, от имени

Эмира руководил главный визирь — кушбеги. Однако такое административное деление не отвечало интересам как граждан, так и самого управления. В этой связи осенью 1920 г. в Бухарской Народной Республике было проведено первичное административно-территориальное деление, в результате чего были образованы вилояты, туманы, кенты и кишлаки. Столица Бухарской Республики — Бухара превратилась в важный политико-административный центр, где были сосредоточена общественно-политическая жизнь республики и располагались организации, возглавлявшие и развивавшие экономику и культуру государства.

22—30 сентября 1920 г. в таких сосредоточенных вокруг Бухары туманах, как Бахауддин, Ходжа Бустон, Гиждуван, Вабкент, Шафиркан, Пирмаст, Зандани, Харгуш новая власть организовала свои первичные органы — революционные комитеты (ревкомы). Характерно то, что для руководства хокимиятами на местах были назначены в основном представители религии — уламо. Это был единственно верный путь, поскольку Бухара представляла тогда собой центр исламской религии.

Между тем изменения в административно-территориальном делении происходили весьма скоротечно, исходя из общественно-политической и экономической ситуации. Так, в августе 1922 г. БНСР была разделена на вилояты: Бухарский, Карманский, Каршинский, Шахрисабзский, Шеробадский, Керки и Чарджуй²⁴.

В соответствии с постановлением Всебухарского ЦИК 1 октября 1924 г. вновь произошло административно-территориальное деление, в результате чего вместо вилоятов были образованы пять округов, которые, в свою очередь, были разделены на 15 вилоятов, 48 туманов, 195 кентов и множество кишлаков. В кишлаках вместо советов старейшин стали создаваться советы.

Зарафшанский округ был разделен на три вилоята (Бухара, Кармана, Нурота), восемь туманов (Каракуль, Бахауддин, Вабкент, Гиждуван, Кармана, Зиёвуддин, Хатырчи, Нурота) и 2202 кишлака; в Кашкадарьинском округе насчитывались два вилоята (Карши, Шахрисабз), девять туманов (Карши, Касан, Бешкент, Шахрисабз, Китаб, Яккабог, Чирокчи, Гузор, Чим); в Сурхандарьинском округе имелись восемь туманов (Шера-

бад, Термез, Бойсун, Карлук, Кабадиан, Кургантепа и др.); в Туркменском (Амударьинском) округе насчитывались два вилоята (Керки, Чарджуй) и 608 кишлаков; Восточная Бухара была разделена на шесть округов (Кулоб, Байсун, Сариосиё, Гарм, Душанбе и Кургантепа) и имела в своем составе 3646 кишлаков²⁵.

Бухарская республика граничила с Афганистаном, Хорезмской республикой и Туркестанской АССР. В начале границы Бухарской республики с Афганистаном плохо охранялись, а позже здесь уже стояли российские красноармейцы.

Территория БНСР составляла 182,2 тыс. км²; в 1920 г. ее население насчитывало 3—3,5 млн человек, а в 1922 г. — 2,8 млн. В Бухарской республике в основном проживали узбеки (65%), таджики (14%), казахи (9%), туркмены (7%), персы (1,1%) и др.²⁶.

Бухарский Народный Совет Назиров 11 марта 1921 г. объявил узбекский язык на территории страны государственным языком. Этому же языку был придан статус государственного в Туркестанской АССР и Хорезмской Республике.

Как и в Хорезме, Бухарская Народная Республика имела свойственную для независимого государства атрибуты: конституцию, флаг, герб, столицу, национальную валюту и войско.

На II Всебухарском курултае народных представителей, состоявшемся 18—23 сентября 1921 г., был принят весьма демократичный, основной закон БНСР — Конституция, которая впервые в истории Бухары узаконила демократические права и свободы граждан. В ней говорилось о правах представителей населения, участвовавших в формировании руководства государством.

Конституция БНСР предусматривала для всех равные политические права и устраняла национальное неравноправие. При Всебухарском ЦИКе было создано туркменское отделение во главе с Анна Гелди Амоновым. Затем на этой основе был создан Туркменский вилоят, которому был придан статус национальной автономии. Для таджикского и туркменского народов были открыты школы на их родном языке, а также созданы культурно-образовательные учреждения.

По Конституции высшим органом государства счи-

тался Всебухарский Курултай народных представителей, состоявший из 350 членов, избиравшихся по одному представителю от каждых 2000 избирателей. Курултай собирался один раз ежегодно, где, в частности, рассматривались такие важные вопросы, как принятие Конституции и внесение в нее изменений, утверждение государственного бюджета и т.д. В соответствии с Конституцией за период между курултаями законодательным и контролирующим органом являлся Всебухарский ЦИК. Его председателем на курултае был избран Усмонходжа Пулатходжаев (на III курултае в августе 1922 г. на эту должность был избран Порсо Ходжаев). Исходя из положения Конституции Народный Совет Назиров сохранял свои функции в качестве государственной исполнительной власти и высшего управленческого органа²⁷. Правительство должно было состоять из 10 назиратов.

На флаге БНСР бы и изображены полумесяц и звезды.

Герб Бухарской республики представлял собой большую восьмигранную позолоченную звезду, посередине которой на красном фоне были изображены полумесяц и звезда.

Национальной валютой Бухарской республики первоначально была изготовленная из металла таньга, вопрос о которой с сентября 1920 г. выносился на обсуждение. Вскоре после этого стали выпускаться бумажные деньги. В Бухаре и значительно позже имели хождение золотые и серебряные таньга. В отличие от денег Хорезма, бумажная валюта Бухары была более стабильной. Руководитель государства Ф. Ходжаев особое внимание уделял устойчивости и платежеспособности бухарской национальной валюты.

В конце 1922 г. в Бухаре была проведена денежная реформа, в результате которой в обращение поступили бумажные деньги достоинством 1, 5, 10, 25, 100 и 250 сумов. Однако как и в Хорезмской республике, летом 1923 г. по инициативе Центра национальная валюта Бухары была обменена на российский рубль (за один российский рубль 3,5 бухарских сумов). Как и Туркестанская АССР, Бухарская и Хорезмская республики были втянуты в единое экономическое пространство СССР.

В Бухарской республике к тому времени приступили к формированию национальной армии. Хотя 5 сентября 1920 г. и было принято постановление о создании конной дивизии и пешей бригады, однако этот процесс оказался весьма сложным. Правительство БНСР 30 декабря издало приказ о призыве 2000 человек в ряды Бухарской армии. В феврале 1921 г. в соответствии с приказом военного назира Ф. Ходжаева только с территории Бухарского вилоята в состав Бухарской красной армии были призваны 1500 человек в возрасте 20—26 лет²⁸. Однако большая часть местного населения не пожелала вступать в ряды армии и милиции. В результате по настоянию РСФСР и Туркестанской АССР из Туркфронта были отозваны два полка, батальон и батарея артиллерии красной армии и переданы в распоряжение Бухарского военного назира. Помимо того, регулярные части красной армии численностью 40000 человек постоянно находились на территории Бухарской республики, оказывая сопротивление движению за независимость.

Руководство Бухарской республики стремилось провести реформу в налоговой системе с целью демократического обновления общества желая привести ее в соответствие с интересами страны и народа. Различные налоги и подати, оставшиеся со времен эмира, были упразднены. В принятом 26 ноября 1921 г. Всебухарским ЦИКом «Законе о государственных налогах в БНСР» нашла отражение налоговая политика нового правительства. В соответствии с этим законом в стране ликвидировались до сих пор существовавшие и взимавшиеся центральными и местными государственными учреждениями продукция и денежные налоги. Начиная с 1 января 1922 г. стали взиматься пять видов налогов: десятина с 1/10 части урожая; в животноводстве 1/40 части заката; для ремесленных мастерских был установлен налог; для торговцев — таможенный налог; при составлении расписки «договоров также взимался специальный налог»²⁹.

Особое внимание в Бухарской республике уделялось установлению дипломатических отношений с сопредельными странами. После России второй страной,

признавшей суверенитет Бухары, был Афганистан, что произошло 26 октября 1920 г. 17 декабря руководитель правительства БНСР и назир иностранных дел Ф. Ходжаев вместе с министром иностранных дел Афганистана Махмудом Тарзи подписали указ об установлении дипломатических отношений между двумя странами.

В 1922 г. в Афганистан из Бухары был направлен новый посол Хошим Шоик. В конце этого же года он подписал с Афганистаном секретный договор о соглашении правительства БНСР о выводе с территории страны частей красной армии. Когда этот факт был выявлен, он получил широкий резонанс в международном сообществе. По требованию России 18 июня 1923 г. посольство Бухары в Кабуле было закрыто и с тех пор интересы Бухары в Афганистане представлял посол СССР.

Ф. Ходжаев прилагал большие усилия для закрепления дипломатических отношений наряду с такими странами, как Иран, Турция, Китай, Япония и другими восточными странами, а также с западными странами, в частности с Германией. Между Бухарой и Германией было установлено культурное и экономическое сотрудничество и достигнуты торговые отношения. В Германию было направлено на учебу большое количество молодежи. Осенью 1922 г. Ф. Ходжаев сам посетил эту страну и заключил договора со многими немецкими банками и компаниями. В начале 1922 г. председатель Всебухарского ЦИК У. Пулатходжаев через Афганистан посетил Турцию и вручил материальную помощь Бухарской республики правительству Мустафы Камол Отатурка (1881—1938 гг.), строившему новое общество.

Безусловно, самостоятельная политика Бухарского правительства не импонировала Российскому руководству. На демократические процессы в Бухаре оказывалось все большее давление извне. В июне 1923 г. из состава Бухарского правительства были выведены Отауллаходжа Пулатов, Фитрат, Саттар Ходжаев, Муинжон Аминов, Кори Юлдаш Пулатов, Абдурахим Юсуфзода, Музахар Махсум Бурхонов и Ходжи Хамро Юлдашев, сосланные затем из Бухары³⁰. Бухарское правительство стало пополняться «опытными советскими

кадрами», получившими коммунистические уроки в Москве и Ташкенте.

В бухарском правительстве все больше усиливалось влияние эмиссаров, направленных из Туркестана. Однако коммунистические элементы не ограничивались лишь этим. На чрезвычайной сессии Бухарского ЦИКа, состоявшейся 14 августа, они добились внесения изменения в текст Конституции. IV Всебухарский курултай народных представителей, проходивший 11—17 октября 1923 г., утвердил постановление о внесении изменений в текст Конституции. В соответствии с этим все торговцы, собственники и свободные предприниматели становились лишенными избирательного права, между тем как права рабочих и ремесленников расширялись. Таким образом, курултай принял специальное постановление «о советском строительстве», усиливающее социальную непоколебимость в обществе, которое, в свою очередь, становилось все более политизированным. Судьба демократических реформ, проводившихся в Бухаре, находилась в опасности. По настоянию Центра в государстве искусственно стала осуществляться социалистическая перестройка. Столь непростая обстановка в республике нашла свое отражение в усилении движения вооруженного сопротивления. Так, активизировали свои действия борцы за самостоятельность в Западной Бухаре во главе с Мулла Абдулкаххором (1884—1924 гг.), а в Восточной Бухаре под руководством Ибрагимбека (1889—1932 гг.).

Таким образом, летом 1923 г. колониальный советский режим сумел осуществить в Бухаре, отвечавший его интересам, своеобразный государственный переворот. Национальная армия и национальная валюта большевиками были ликвидированы. Столь сложная ситуация представляла собой серьезную угрозу для независимости Бухары. Разница в таком положении с Хорезмской республикой заключалась в том, что лишь с начала осени 1924 г. в Бухаре стало набирать силу направление в сторону социалистического развития.

На V Всебухарском курултае народных представителей, состоявшемся 18—20 сентября 1924 г., Бухарская Народная Советская Республика была переименована в Бухарскую Советскую Социалистическую Республику (БССР). В результате этого, демократический

путь развития был отвергнут и избрано социалистическое направление. Основная цель, преследуемая руководством большевиков из Центра в ходе преобразования Бухарской и Хорезмской Народных Республик в социалистические республики, — как можно скорее советизировать местные народы и влить в их сознание коммунистическую идеологию.

В конце ноября 1924 г. Бухарская республика также как и Хорезмская республика закончила свое существование, а ее территории вошли в состав вновь образованных Узбекской ССР (до 1929 г. в ее состав входила Таджикская АССР) и Туркменской ССР.

* * *

Бухарская и Хорезмская Народные Республики занимают важное место в истории узбекской государственности. Будучи первыми народными республиками на Востоке, эти государства в кратчайшие сроки прошли большой путь развития. Были предприняты гигантские шаги от средневекового монархического строя и отсталости, от религиозного фанатизма и невежества к демократическим преобразованиям. Особую на этом пути историческую роль сыграли созданные джадидами Бухарское и Хорезмское правительство, которые несмотря на трудности и сложные условия проведения демократических реформ вели свою линию, невзирая на допускаявшиеся ошибки и имевшие место недостатки, будучи в известной степени вынужденными вести свою политику под давлением большевиков. Особого одобрения заслуживает деятельность Бухарского Народного Совета Назиров.

Всего лишь за 4—5 лет они стали превращаться в демократические государства, сумев провести глобальные преобразования. К сожалению, данный процесс был приостановлен колониальным режимом советов и их относительной независимости был положен конец.

С ликвидацией Бухарской и Хорезмской Народных Республик оборвалось звено по меньшей мере трехтысячелетней истории национальной государственности узбекского народа. Хотя и была создана Узбекская ССР (в феврале 1925 г.), вошедшая в состав СССР, на деле она была политически бесправной и зависи-

мой потому, что стала частью, хотя и в обновленном виде, колониального советского режима, в связи с чем не сумела выполнить задачу самостоятельного государства.

Библиография

- ¹ ЦГА РУз, ф. 71, оп. 1, л. 11; *Маткаримов М.* Хоразм республикаси: давлат тузилиши, нозирлари ва иқтисоди. Урганч, Хоразм, 1993. 14—15-бетлар.
- ² *Гордиенко А. А.* Создание народно-советского государства и права, революционно преобразующая роль Хорезма и Бухары. Ташкент, 1969. С. 28—29.
- ³ *Ўзбекистоннинг янги тарихи.* 2-китоб. Ўзбекистон совет мустақилчилиги даврида. Т.: Шарк, 2000. 226-бет.
- ⁴ ЦГА РУз, ф. 71, оп. 1, д.3, л.214.
- ⁵ История Хорезмской Народной Советской Республики (1920—1924 гг.) Сборник документов. Ташкент: Фан, 1976. С. 56—64; Хоразм тарихи. Т. 2. Урганч: Хоразм, 1997. 32-бет.
- ⁶ ЦГА РУз, ф. 71, оп. 1, д. 15, л.3.
- ⁷ См.: *Полвонийёз Ҳожи Юсупов.* Ёш хивалиқлар тарихи (Хотиралар). Урганч: Хоразм, 2000. 354—356-бетлар.
- ⁸ История ХНСР. С. 169.
- ^{9—10} История ХНСР. С. 43.
- ¹¹ История ХНСР. С. 255—256; ЦГА РУз, ф. 71, оп. 1, д.45, л.27—28.
- ¹² История ХНСР. С. 42—46.
- ¹³ ЦГА РУз, ф. 71, оп. 1, д.45, л.29; История ХНСР. С. 258—259.
- ^{14—15} *Мамаджонов М. К.* Социально-экономическое преобразование и развитие экономики Хорезмской Народной Советской Республики. Т., 1974. С. 63.
- ¹⁶ История ХНСР. С.216—217, 228; ЦГА РУз, ф. 71, оп.1, д.38, л.279.
- ¹⁷ История ХНСР. С.352; ЦГА РУз, ф.86, оп.1, д.2137, л.295.
- ¹⁸ Задолго до свержения Бухарского эмирата — 10 августа 1920 г. в Ташкенте были созданы органы хокимията. Как отмечает Ф. Ходжаев, были созданы Всебухарский временный революционный комитет (ревком) под председательством Ахмаджана Абдусаидова (Хамди) и Бухарский Народный Совет Назиров под председательством Ф. Ходжаева. После того, как красноармейцы овладели Бухарой, в этих устройствах были осуществлены преобразования. Об этом см: *Хўжаев Ф.* Бухоро инқилобининг тарихига материаллар. Т.: Фан, 1997. 173-бет.
- ¹⁹ ЦГА РУз, ф. 46, оп 1, д. 21, л.1.
- ²⁰ История Бухарской Народной Советской Республики (1920—1924 гг.). Сборник документов. Т.: Фан, 1976. С.198—203.
- ²¹ ЦГА РУз, ф. 47, оп.1, д. 217, л.2—4.
- ²² История Бухарской Народной Советской Республики. С.229—231; ЦГА РУз, ф.48, оп.1, д.219, л.27—28.
- ²³ Бухара — жемчужина Востока. — Т.: Шарк, 1997, С.76.
- ²⁴ ЦГА РУз, ф. 47, оп.1, д.343-а, л.13.
- ²⁵ См. и сравните: ЦГА РУз, ф. 47, оп. 1. д.186, л.248; *Ишанов*

А. И. Бухарская Народная Советская Республика. — Т.: Узбекистан, 1969. С. 324—325; Алимова Д. А. ва б. Ўзбекистон тарихи (1917—1991 йй.). — Т.: Шарқ, 2000. 85-бет.

²⁶ К сожалению, в последние годы многие ученые Таджикистана неверно толковали историческую ситуацию той поры, приводя в своих произведениях ложные сведения. Так, пишет историк Р. Масов, что основное население Бухары якобы составляли таджики. Между тем, в 1922 г. в Бухаре численность таджиков не превышала 390 тыс. человек, а персов — 36 тыс. Для убедительности см.: ЦГА РУз, ф. 47, оп. 1, д. 211, л. 88; Масов Р. История топорного разделения. Душанбе: Ирфон, 1991; Его же. Таджики: история с грифом «совершенно секретно». Душанбе: Ирфон, 1995.

²⁷ Ражабов Қ. Бухоро Халқ Совет Республикаси // Ўзбекистон миллий энциклопедияси. Т.2. Т., 2001. 299—302-бетлар.

²⁸ ЦГА РУз, ф.46, оп.2, д.7, л.10.

²⁹ История Бухарской Народной Советской Республики. С.359—360; ЦГА РУз, ф.48, оп.1, д.274, л.331.

³⁰ ЦГА РУз, ф. 47, оп.1, д. 198, л.64 и обр.

УТВЕРЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ТУРКЕСТАНЕ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Трагический разгром «Туркистон Мухторияти» явился одним из звеньев в общей цепи насильственного ниспровержения советским руководством в 1918 г. национальных правительств в Башкирии, Казахстане, Татарстане, Белоруссии, Украине, Прибалтийских республиках и Закавказье, провозгласивших о создании независимой национальной государственности. Это свидетельствовало о разрыве между официальными политическими лозунгами большевистского руководства о предоставлении права закабаленных царизмом народов на «свободное самоопределение» и его реальным наполнением.

Советский вариант «самоопределения» на практике изначально был направлен на трансформацию одной империи в другую с ее абсолютным централизмом, на создание унитарного государства.

Опыт советского прошлого убедительно показывает, что тоталитарно-колониальная природа коммунистического строя, несмотря на все попытки его модификации как в первые «революционные» годы, так и на последующих периодах советской истории в принципе оставалась неизменной. Подобное положение на-

прямою было связано с идеологией и характером советской государственности, внедренной в национальные республики, в том числе Узбекистан. Как отметил Президент независимого Узбекистана Ислам Каримов: «...советская социалистическая государственность... была навязана нашему народу. Она не соответствовала его коренным, нравственным, моральным, духовным ценностям. Государственная машина, управляемая из центра, была рассчитана на некоего манкурта, на человека, не помнящего ни своего рода и племени, ни истории своего народа, ни его традиций. Именно поэтому образовался такой разрыв между тем, что декларировалось в системе этой государственности, и тем, что было на самом деле»¹.

Особые формы политика имперского центра приобрела в Туркестане. На словах декларируя возможность самобытного развития местных народов, новая власть на самом деле блокировала проявление этих процессов, открыто сопротивляясь привлечению коренных жителей края к государственному управлению.

Насильственное ниспровержение провозглашенной национальной государственности «Туркистон Мухторияти» стало причиной антисоветского повстанческого движения — истикдолчилик харакати.

На подавление этого движения ленинская администрация бросила отборные подразделения регулярной армии. В противостоянии с советско-большевистским режимом только в Ферганской долине погибло в течение 1918—1924 гг. около 500 тыс. борцов за независимость и поддерживающих их мирных жителей².

В целях дальнейшей борьбы за укрепление власти большевизированные советы и правительство «советского Туркестана» сосредоточили усилия на формирование аппарата, составлявшего неотъемлемую часть «пролетарского» тоталитарного государства. В этих целях по общероссийской схеме в короткий срок были образованы «революционные» суды, прокуратура, органы ЧК, ревтрибуналы, призванные уничтожить «врагов революции».

Энергичные меры предпринимались по организации местных воинских подразделений армии. Непре-

рывное наводнение Туркестана войсковыми соединениями центра, особенно усилившееся в 1919—1920 гг., способствовало установлению здесь оккупационного режима. В борьбе с национальными повстанцами уничтожались многие кишлаки, практиковалась система захвата заложников, их расстрел целыми группами, регулярно проводились карательные акции против семей, члены которых были участниками повстанческого движения.

Преобразования же в народнохозяйственном комплексе были направлены на ликвидацию многоукладности экономики, огосударствление всех форм собственности, насильственный имущественный передел, реализацию принципов всеобщей уравнительности и ликвидацию товарно-денежных отношений. Это сопровождалось массовыми конфискациями имущества зажиточных слоев, ликвидацией класса собственников, подменой здоровых рыночных механизмов системой административного принуждения.

Экономическая политика большевиков, сопрягаясь с разрухой военного времени, вызвала катастрофический обвал народного хозяйства Туркестана. Так, вслед за предпринятой форсированной «национализацией» промышленного производства общий объем промышленной продукции края уменьшился в 1920 г. по отношению к 1914 г. на 80%. В 1921 г. из 249 хлопкоочистительных заводов работало только 16. Выработка хлопкового масла, хлопко-волокна упала в 17 раз. На железных дорогах действовала едва пятая часть поездов³.

В критической ситуации оказался туркестанский кишлак. Ограничивание экономической мощи зажиточных слоев села вызвало стремительный развал сельского хозяйства края. К примеру, объем производимой агропродукции и численность поголовья скота сократились по Туркеспублике в 1920 г. по сравнению с 1913 г. соответственно на 76,2 и 56,3%⁴.

Вследствии этого, дехканские хозяйства края угасали и не могли обеспечить население необходимой продовольственной продукцией. Поставки же зерна, взамен хлопка из России, фактически прекратились. В итоге разразился небывалый голод. Он унес к 1920 г. более одного миллиона человек, или пятую часть населения края⁵.

Негативные изменения начались в духовной жизни туркестанского общества.

Стратегическим направлением большевистской идеологии явилась структурная перестройка по марксистским канонам системы народного образования.

Жесткий идеологический контроль устанавливался в средствах массовой информации, литературе и искусстве. Поощрялось зарождение так называемой «советской» литературы, музыкального и театрального искусства прокоммунистической ориентации.

Все это вызывало повсеместное усиление антисоветских настроений.

Стремительное расширение движения за национальное самоопределение «снизу», наблюдаемое не только в Туркестане, но и в других национальных регионах российского государства, поставило большевистское руководство РСФСР перед необходимостью существенной корректировки советской практики национально-государственного строительства.

Ленинское правительство, надеясь в короткий срок потушить очаги народного сопротивления, поспешило придать национальным республикам черты государственной самостоятельности. В частности, широко демонстрируя желание отразить в вопросах государственного строительства интересы народов России, оно высказалось за создание не унитарной, а федеративной формы новой российской государственности. На срочном созванном III Всероссийском съезде Советов (10—18 января 1918 г.) была принята «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой объявлялось, что «Советская Российская Республика учреждается как Федерация Советских национальных республик»⁶.

Причем принципиальное значение придавалось мусульманским регионам России, включая, охваченный повстанческой борьбой, Туркестан. При Наркомнаце РСФСР был даже создан отдельный Комиссариат по делам мусульман, в задачи которого входило проведение в жизнь начал советской власти среди мусульманского населения.

Непосредственную организацию «советской автономии» в крае ЦК РКП(б) и Совнарком РСФСР возложили на П. А. Кобозева, наделенного полномочи-

ями чрезвычайного комиссара Туркестана. В Ташкент ленинский посланник прибыл в начале апреля 1918 г. 20 апреля начал работать V съезд Советов Туркестана, призванный официально утвердить его статус. 30 апреля делегаты съезда, избранные по соответствующим классовым критериям, приняли «Положение о Туркестанской Советской Республике Российской Советской Федерации»⁷, в котором определялись основы социалистического государственного устройства края. Согласно ему вся территория Туркестанского края в ее географических границах, исключая Бухару и Хиву, объявлялись «Туркестанской Советской Республикой Российской Федерации», которая «управляясь автономно, признает и координирует свои действия с центральным правительством» РСФ. Положение закрепило существовавшую структуру и функции центральных и местных государственных органов: съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманско-дехканских депутатов объявлялся высшим законодательным органом Туркеспублики; Центральный Исполнительный Комитет — высшим постоянным законодательным органом; Совет Народных Комиссаров — исполнительным органом; Советы и их исполнительные комитеты — властью на местах.

Таким образом, исходя из ленинской стратегии вытеснения идеи самобытной национальной государственности, воплотившейся в «Туркистон Мухторияти», советским вариантом «национального самоопределения» на съезде была объявлена «автономия на основе Советов».

Модель «советской автономии», насаждаемой «сверху», принципиально отличалась от модели «национальной автономии», являвшейся народной. Она, вопреки пропагандистским заявлениям властных структур, не представляла коренному населению реального суверенитета, носила формальный характер и была ориентирована по-прежнему на зависимость края от «социалистического» центра.

Это подтверждала конституция «Туркестанской Республики Российской Социалистической Советской Федерации»⁸, в которой особо оговаривалось то, что вопросы обороны, внешних связей, почты, телеграфа, мор-

ских дел, железных дорог, таможни, торговли, промышленности и финансов относятся к ведению федерального правительства»⁹. Прodeкларированные же «автономные права» местного населения несли исключительно пропагандистскую нагрузку.

«Самоопределение» по-советски не изменило колониальное положение коренных жителей Туркестана. При сложившейся структуре государственных органов власти, сугубо классовом принципе их формирования они не обладали возможностью воспользоваться основополагающим началом любой автономии — правом наделения национально-территориальной единицы на самостоятельное осуществление государственной власти. По сути, конституционно закрепленная «советская автономия» была скорее административно-территориальной, нежели национально-территориальной.

Энергичные меры по укреплению властных позиций коммунистической метрополии предприняла ленинская администрация с осени 1919 г. вслед за прорывом военного кольца вокруг Туркестана.

Собственно с этого времени начался новый этап коммунизации края. Если после октябрьского переворота власть здесь перешла в руки вооруженных рабочих и солдат, представленных европейской частью населения, то с октября 1919 г. она стала сосредотачиваться в руках посланцев большевистского центра — Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, Туркбюро ЦК РКП(б), руководящих органов Туркфронта, вставших над всеми местными правительственными органами. И другая характерная особенность: Советы, конституционно представлявшие «революционную власть», стали стремительно утрачивать свои властные полномочия. Воцарялась диктатура коммунистической партии, руководимая ЦК РКП(б).

Комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана была создана в начале октября 1919 г. В нее вошли: Ш. З. Элиава — председатель, М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, Я. Рудзутак, Ф. И. Голощекин, Г. И. Бокий. Она обладала огромными полномочиями. В частности, имела право «представлять ВЦИК и Совет Народных Комиссаров и действовать от их имени в пределах Туркестана и сопредельных

с ним государств»¹⁰, осуществлять от имени ЦК РКП(б) «высший партийный контроль и руководство» в республике, в том числе «распускать партийные организации края, созывать чрезвычайные съезды и конференции», а также предпринимать иные акции, способствующие «твердому проведению директив ЦК партии»¹¹.

Комиссия менее всего была озабочена отражением кровных интересов коренного населения. Главное виделось в укреплении позиций советской власти, в дистанцировании центра от местных одиозных фигур, которые, якобы, извратили верную стратегическую линию ленинского руководства, исказили сущность и цели новой власти.

Двусмысленность практических действий Турккомиссии уже вскоре ощутила пришедшая частично к руководству республиканскими партийными и советскими органами новая генерация краевых большевиков — национальных коммунистов, объединенных, в созданном в марте 1919 г., Мусульманском бюро КПТ. Они убеждались, что члены комиссии вопреки заманчивым призывам к полной ликвидации колониализма и обеспечению национальной свободы, принялись державно управлять краем, грубо вмешиваясь в деятельность властных и хозяйственных структур.

Это способствовало росту в среде национальных коммунистов оппозиционных настроений. Чтобы их пресечь по рекомендации ЦК РКП(б) был объявлен поход против «буржуазного национализма» в рядах КПТ и советских органов. На оппозиционеров стал навешиваться политический ярлык — «национал-уклонисты».

Их обвиняли в «преувеличении национальных особенностей в партии и советской работе за счет умаления классовых интересов рабочих и трудовых крестьян», в требованиях, чтобы в органы власти Туркеспублики входили представители коренного населения независимо от их классовой принадлежности.

В концентрированном виде концептуальные воззрения «национал-уклонистов» на будущее государственного устройства Туркестана и по вопросам партийного строительства выразились в выступлениях председателя ТуркЦИКа Турара Рыскулова на 3-ей

конференции мусульманских коммунистических организаций и 5-ой краевой партийной конференции (январь 1920 г.). Исходя из того, что Туркестан по своему этническому составу был представлен главным образом народами тюркской национальности, он высказал идею создания на территории края «Тюркской советской республики» и преобразования подчиненной РКП(б) компартии Туркестана в самостоятельную «Компартию тюркских народов»¹². Поддерживая эти предложения, член краевого Мусбюро КПТ Юсуф Алиев подчеркнул, что «если мы Туркестан назовем Тюркской республикой, то этим покажем путь к самоопределению»¹³.

Ретроспективно оценивая программу государственного переустройства «советского Туркестана», выдвинутой «национал-уклонистами», убеждаешься, что, при всей узости коммунистических подходов, она представляла важную составную политических устремлений среднеазиатских народов, в том числе узбекского, к независимости. Ведь в принципе речь шла о кардинальном изменении характера насажденной «сверху» Туркестанской автономии. Вместо утвержденной V Туркестанским съездом в мае 1918 г. территориальной автономии, так и не решившей проблемы отлучения коренного населения от власти, проект национальных коммунистов предусматривал создание национально-территориальной автономии, предполагавшей признание субъектом самоопределения и носителем власти самоопределяющейся территории его коренное население.

Их предложения нашли активную поддержку среди национальных коммунистов. Так, и III конференция мусульманской коммунистической организации, и V краевая конференция КПТ приняли решение о создании «Тюркской компартии» и «Тюркской советской республики». Однако Турккомиссия решительно выступила против. Она отменила постановления данных партийных форумов¹⁴.

Центральная власть также крайне раздраженно отнеслась к попыткам национальных коммунистов обеспечить, хотя и в границах советской модели, переход от условного к более или менее реальному суверенитету своей республики в ключевых областях государственной жизни.

8 марта 1920 г. ЦК РКП(б) принял специальное постановление об «автономии Туркестана». В нем решительно осуждалась идея «Тюркской республики» и «Тюркской компартии». В частности, по вопросам партийного строительства особо подчеркивалось, что на территории Туркестана должна существовать единая коммунистическая партия, которая входит в состав РКП(б) на правах областной организации¹⁵. «Тонкость» ленинской стратегии проявлялась в том, что именно через возглавляемую им партию шло реальное государственное управление и статус КПТ в качестве областной организации позволял, при всей видимости «автономии» края, последовательно проводить линию на всемерное укрепление централизованной государственной власти.

Поддержанная Центром Турккомиссия развернула открытое наступление на оппозиционеров. Острые атаки было нацелено на дискредитацию идей «Тюркской республики» и «Тюркской компартии», которые квалифицировались как антипартийный, антисоветский замысел. В результате противостояние между национальным руководством Туркеспублики и полномочными органами Центра, все более обостряясь, захватило все властные структуры республики и вышлеснулось в Центр¹⁶. В начале мая 1920 г. в Москву выехала полномочная делегация Туркестана во главе с председателем ТуркЦИК Т. Рыскуловым. В свою очередь, Турккомиссия командировала в столицу собственных представителей — Ш. Элиаву и Я. Рудзутака.

25 мая 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) официально обсудило положение в Туркестане, рассмотрев представленные проекты разрешения «Туркестанского вопроса» Туркделегации и Турккомиссии. Выступивший на заседании с докладом Т. Рыскулов подробно раскрыл позицию «национальных оппозиционеров». Оперативно конкретными фактами, он аргументированно показал, что в угнетенном положении коренного населения Туркестана за годы советской власти не произошло никаких коренных перемен. Глава ТуркЦИК с болью отмечал, что все решения краевых партийных и советских съездов о правах местного населения и объявление несколько раз автоно-

мии фактически остались на бумаге, что полугодичная деятельность Турккомиссии с ее громким заявлением о привлечении мусульман в вооруженные силы, ликвидации существующего насилия и т.д. — «остались простыми парламентскими постановлениями». Более того, в докладе указывалось, что Турккомиссия и РВС Туркфронта своей деятельностью со всей откровенностью продемонстрировали тенденцию «рассматривать Туркестан как советскую колонию, где должно быть военное управление»¹⁷.

Учитывая сложившуюся ситуацию, туркестанское руководство твердо заявило о невозможности своей деятельности, ибо «занимать кукольное положение во власти и разверстовать на бумаге, будучи бессильным провести что-либо в жизнь, означало бы предавать свои убеждения и совершать преступления перед угнетенными туземными трудящимися». Вывод доклада звучал резко ультимативно: «Или всю полноту власти передать Реввоенсовету Туркфронта.., или всю полноту власти передать, согласно Конституции, трудящимся коренной национальности, осуществив это реально, на деле уничтожив всякие надстройки в виде Турккомиссии и ограничив права Реввоенсовета».

В завершающих доклад конкретных мероприятиях туркестанская делегация еще раз выставила свои требования: создание в Туркестане национальной армии, ограничение власти и влияние РВС Туркфронта пограничной линией, передача всей полноты власти в Туркеспублике съезду Советов, ТуркЦИК и Турксовнарком, утверждение положения об автономии Туркестанской Советской Республики с предварительным созданием специальной комиссии, упразднение Турккомиссии, учреждение Туркпредставительства в Москве¹⁸.

Этот проект туркестанской делегации был сразу же отклонен. 22 июня Политбюро ЦК РКП(б) с участием Ленина рассмотрело проект резолюции «О Туркестанской республике», предложенной комиссией в составе Н. Н. Крестинского, Г. В. Чичерина и Ш. Элиава. В ходе ее обсуждения вновь резкой критике подверглись «национал-уклонисты». Причем Ленин в качестве неотложной поставил задачу разработать «...способы борьбы с духовенством, панисламизмом и с буржуазно-националистическим движением...»¹⁹.

Конкретное выражение ленинские установки нашли в принятых Политбюро ЦК РКП(б) 29 июня 1920 г. четырех дополнительных постановлениях, объединенных общим названием «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане».

В них особый акцент делался на усилении позиций центра в крае, расширения зоны контроля посредством сосредоточения руководства в его представительных органах. Это с наибольшей откровенностью было продемонстрировано в решении ЦК «Об организации власти в Туркестане». В нем недвусмысленно заявлялось: «Необходимо наличие в Туркестане постоянного представительства ВЦИК, Совнаркома, ЦК РКП(б), на которое должно быть возложено: а) непосредственное управление теми областями, которые составляют исключительную компетенцию федеральной власти; б) контроль за проведением в жизнь директив и декретов центральной власти...»²⁰.

Таким образом, ленинское руководство не только отвергло требование национальных руководителей о ликвидации Турккомиссии и иных надправительственных структур, обеспечение реальной автономии, но и отчетливо продемонстрировало, что не намерено отдавать власть в крае его коренному населению.

В логике такого подхода 20 августа 1920 г. ЦК РКП(б) принял завершающий документ по конструированию нового варианта автономии Туркестана. В нем объявлялось, что Туркеспублика в составе областей Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской, Закаспийской и Амударьинского отдела представляют «автономную часть Российской Федерации и ей присваивается название «Туркестанской социалистической республики РСФСР». Это постановление получило окончательное юридическое оформление в декрете ВЦИК от 11 апреля 1921 г. «О Туркестанской АССР»²¹.

Очевидно, что очередное объявление автономии Туркестана, как и принятая IX съездом Советов Туркестана в сентябре 1920 г. Конституция ТАССР, проект которой был разработан еще весной Турккомиссией, являлось лишь декларативным прикрытием прежнего колониального положения региона, установившегося в годы царизма, но трансформированного по коммунистическим образцам.

Конституционное оформление социалистической государственности в Туркестане придало новые импульсы советизации края. В этих условиях ленинское руководство сосредоточило энергичные усилия, с одной стороны, на усиление системной централизации ТАССР, а с другой — на активное расширение военной экспансии советской власти в еще неподконтрольные территории как Туркестана, так и Средней Азии в целом, непосредственно в Хивинское ханство и Бухарский эмират.

Мощный подъем движения сопротивления советской власти, выражаемый в различных формах социального протеста не только в Туркестане, Бухаре и Хорезме, но и на всем пространстве российского государства, отражали острейший политический кризис этой власти.

Опасаясь кризиса советской власти и осознавая тяжелое положение экономики, Ленин приходит в начале 20-х годов к заключению, что во имя достижения глобальных стратегических целей следует пойти на определенные тактические уступки. В обобщенном виде новый курс нашел выражение в повороте к НЭПу — новой экономической политике, провозглашенной в марте 1921 года. Новая модель определяла более взвешенный подход в решении экономических проблем, национальном вопросе. Нэповский курс предполагал частичное восстановление механизмов рыночного регулирования, либерализации экономики и более широкий разворот «коренизации» органов власти и управления.

Реализация нэповских реформ способствовала экономической и политической стабилизации, оживлению промышленности и сельского хозяйства. Заметно увеличивалась прослойка национальных представителей во властных структурах. Так, в республиканских советских организациях Туркестана в 1924 г. количество сотрудников из числа лиц местных национальностей достигло 17%, в областных 45%, в уездных 90%²².

Однако ленинская администрация неизменно воспринимала НЭП в качестве «временного отступления», обходного движения к социализму. В идеологической сфере сохранялась доктрина диктатуры пролетариата, в политической сфере — монополия компартии, в эко-

номической — все командные высоты оставались в руках государства.

В Туркестане действовали дополнительные факторы. Здесь политика воздвижения идеологических препонов на пути рыночного регулирования усугублялась сохранением прежней стратегии «экономического развития» края, предполагавшей консервацию колониальной схемы размещения производительных сил, использования республики в качестве сырьевой базы советской метрополии. В соответствии с ней приоритетное внимание уделялось закреплению хлопковой монокультуры, развитию индустриальных отраслей, ориентированных на нужды центра. Кадровая политика также отвечала ее интересам.

На более высокий уровень допускался лишь ограниченный круг лиц. Но и там они призваны были оставаться марионеточными фигурами. Исторические документы свидетельствуют, что центральное политическое руководство на всем протяжении советской истории не доверяло национальным кадрам. И это наглядно проявилось в описываемое время. Вплоть до ликвидации ТАССР в 1924 г., вопреки официальным декларациям о широком представительстве коренного населения в структурах власти, ключевые руководящие посты в партийно-правительственных органах неизменно занимали присланные из центра кадры. В частности за период 1920—1923 гг. в край было откомандировано 1396 ленинских посланцев²³.

Но местные руководители не желали мириться с унижительной ролью марионеточных фигур, стремились добиться необходимых суверенных прав. Они не раз критически выступали против руководства, давая его централизаторским поползновениям негативную оценку. К примеру, председатель СНК Туркеспублики К. Атабаев в своем выступлении на пленуме ТуркЦИКа 18 июля 1922 г., останавливаясь на причинах широкого размаха повстанческого движения, открыто заявил, что они объясняются тем, что «вся наша работа, которая проводилась в течение 4 лет, является полным противоречием тому укладу жизни, быту, традициям, которые складывались здесь... веками»²⁴.

В целях нейтрализации новой волны национальных оппозиционеров центральное правительство в очеред-

ной раз развернуло волну гонений. Так, 25 сентября 1922 г. решением Оргбюро ЦК РКП(б) за «грубые ошибки» секретарь ЦК КПТ Н. Тюракулов, председатель СНК Туркеспублики К. Атабаев и председатель ЦИК Советов ТАССР А. Рахимбаев были освобождены от занимаемых должностей²⁵.

Однако, несмотря на политические преследования, национальные лидеры твердо отстаивали интересы коренного населения. Многие из них открыто говорили о продолжении центром колониальной политики царизма. В частности, обоснованную оценку положения дел в крае дали в своих выступлениях С. Ходжанов и А. Икрамов на 4-ом Совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 г. Они единодушно с глубокой горечью отметили, что «между Туркестаном нынешним и Туркестаном царским нет никакой разницы, что только вывеска изменилась, что Туркестан остался прежним, таким же, каким он был при царе»²⁶.

Подобные настроения царили и в других национальных регионах Советского государства. В этих условиях Ленин предложил такую формулу «национального единения» народов, при которой национальные республики остались бы по форме независимыми, но по содержанию абсолютно зависимыми от центра СССР. Подобная форма национально-государственного строительства, при сохранении реальной власти центра в лице ЦК партии, позволяла решить задачу «единения народов» внешне более цивилизованными средствами.

В партийных верхах по национальному вопросу развернулась острая дискуссия. Казалось бы, победил ленинский подход. В декабре 1922 г. торжественно было провозглашено образование «Союза Советских Социалистических Республик» — СССР. Однако на деле оказался совмещен и ленинский план «федерализации», и сталинская модель «автономизации», отражавшей глубинную суть большевистской программы национально-государственного устройства. Советский Союз, представивший окончательную форму советской социалистической государственности, изначально зародился вместо содружества суверенных государств, на что надеялись лидеры национальных республик, как

мощное унитарное государство, где субъекты формальной федерации, при всех внешних символах независимости (собственная конституция, флаг, гимн и т.д.), были лишены реальных суверенных прав и подлинной самостоятельности и не могли выйти из ее состава. История союзных республик, и в частности Узбекистана советского периода, была очень схожа и полна как негативных, трагических событий, так и фактов позитивного развития.

Таким образом, первые послеоктябрьские годы стали временем активного насаждения советской социалистической государственности. Лишение законного права на свободное национально-государственное самоопределение вызвало мощную волну социального протеста со стороны различных слоев Туркестанского общества. Проявляясь в форме вооруженной оппозиции и оппозиции в эшелонах власти, этот протест отражал неутраченное стремление среднеазиатских народов, в том числе узбекского, к свободе и независимости.

Библиография

- ¹ Каримов И. А. Родина священна для каждого. Т. 3. — Т.: Узбекистон. 1996. С. 6.
- ² Рагжабов К. К. Истиклолчилик ҳаракати в Ферганской долине: сущность и основные этапы развития (1918—1924 гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук. — Т., 1995. С. 19.
- ³ Очерки хозяйственной жизни Туркеспублики. — Т., 1921. С. 520—521.
- ⁴ Статезежегодник. 1917—1923. Т. 2. — Т., 1924. С. 64.
- ⁵ Отчет о деятельности Турк-Экосо за февраль-октябрь месяцы 1921 г. — Т., 1922. С. 292.
- ⁶ Первая Конституция Союза ССР (Конституция СССР 1924 г.). Сборник документов. М., 1948. С. 154.
- ⁷ Наша газета. 1918. 5 мая.
- ⁸ По оригиналу текста Конституции называется именно так, хотя до последнего времени многие исследователи называют «Конституцией Туркестанской АССР».
- ⁹ Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб. документов. Т. 2. — Т., 1972. С. 519.
- ¹⁰ Директивы Советской власти. Т. 6. — М., 1973. С. 457.
- ¹¹ РЦХИДНИ, ф. 79, оп. 1, д. 9, л. 3.
- ¹² ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 493, л. 68—69.
- ¹³ РЦХИДНИ, ф. 122, оп. 1, ед. тр. 29, л. 58—60.
- ¹⁴ ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 406, л. 95—96.
- ¹⁵ Там же, д. 31, л. 1.

¹⁵ См.: *Абдурахимова М., Рустамова Г.* Колоннальная система власти в Туркестане во второй половине XIX—I четверти XX вв. — Т.: Университет, 1999. С. 137.

¹⁷ РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 14099, л. 1—4.

¹⁸ Там же, л. 4—5.

¹⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 433—436.

²⁰ РЦХИДНИ, ф. 79, оп. 1, д. 158, л. 1—2.

²¹ Образование СССР. Сборник документов (1917—1924) — М.— Л.: АН СССР, 1949. С. 138—143.

²² ЦГА РУз, ф. 17, оп. 1, д. 784-а, л. 130—140.

²³ РЦХИДНИ, ф. 61, оп. 1 д. 29, л. 1—2.

²⁴ ЦГА РУз, ф. 17, оп. 1, д. 89, л. 25.

²⁵ РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 1, д. 3, л. 5.

²⁶ См.: *Сталин И. В.* Соч., Т. 5. С. 306.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
Государственность Узбекистана в эпоху Древности	
<i>Т. Ширинов. Древнебактрийское царство. «Большой Хорезм» (VII—VI вв. до н.э.).</i>	8
<i>М. Филанович. Государство Кангюй.</i>	14
<i>Б. Матбабаев. Древнеферганское государство Давань.</i>	25
Развитие государственности Узбекистана в период средневековья	
<i>Л. Баратова. Тюркский каганат и его взаимоотношения с владениями Среднеазиатского Двуречья.</i>	40
<i>Э. Ртвеладзе. Государство Газневидов.</i>	56
<i>Б. Кочнев. Караханидский каганат.</i>	65
<i>А. Ахмедов. Государство Амира Темура и механизм его управления.</i>	84
Государства Узбекистана в XVI—первой половине XIX в.	
<i>Р. Мукминова, Г. Агзамова. Бухарское ханство (эмират).</i>	96
<i>Хивинское ханство.</i>	101
<i>Кокандское ханство.</i>	104
<i>Традиции государственности и их развитие в узбекских ханствах</i>	105
Узбекистан в новое время	
<i>Н. Абдурахимова. Узбекистан в составе Российской империи.</i>	120
<i>Д. Алимова. Национально-прогрессивное движение джадидизм и его общественно-политическая сущность. Взгляды джадидов на государственность.</i>	141
<i>С. Агзамходжаев. Туркистон Мухторияти: опыт строительства национально-демократической государственности.</i>	162
<i>К. Рагжабов. Бухарская и Хорезмская Народные Республики: демократические формы государственности.</i>	174
<i>А. Голованов. Утверждение советской государственности в Туркестане и ее последствия.</i>	191

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ УЗБЕКИСТАНА

Ташкент
Главная редакция
издательско-полиграфической
акционерной компании «Шарк»
2001

Редактор *Иргашева Э. А.*
Художественный редактор *Самойлов М. Н.*
Технический редактор *Габдрахманова Д. М.*
Корректор *Русакова Л. М.*

Подписано в печать 15.11.2001. Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Печать офсетная.
Гарнитура Бодони. Усл. п.л. 10,92. Уч.-изд.л. 11,25. Тираж 3000 экз.
Заказ № 2425.

**Типография издательско-полиграфической акционерной
компании «Шарк». 700083, г. Ташкент, ул. Буюк Турон, 41.**

